

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2022, №4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»

www.iccaras.ru

Межрегиональная общественная организация

«Ассоциация японоведов»

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Китая и современной Азии РАН,
Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство Роскомнадзора о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г.
Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и базу RSCI на платформе Web of Science.

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).
Входит в Перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Ответственный секретарь: Казаков О.И.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Лебедева И.П., д.э.н.;
Мещеряков А.Н., д.и.н.; Нелидов В.В., к.и.н.;

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.;
Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацьшен В.Г., д.и.н.;
Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.;
Крупянка М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.;
Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомаи Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур
(Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.;
Чугров С.В., д.соц.н.

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Кириченко М.А.; Скворцова Е.М.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология
08.00.00 Экономические науки
23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
5.06 Political science
6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИКСА РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of China and Contemporary Asia
of the Russian Academy of Sciences**

www.iccaras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders: Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Index of Science Citation (RISC) and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Included in List of Higher Attestation Commission (HAC).

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Executive Secretary: Kazakov Oleg I.

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Nelidov Vladimir V., PhD (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishek Elena E., DSc (History)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kirichenko Mariya A.; Skvortsova Elizaveta M.

Branch of Science (in the Russian Federation):

07.00.00 History and Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© ICCA RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2022, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Бушуева А.С. Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии	6
Сковоронских М.В. The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern <i>kanbun</i> literature	20
Щепкин В.В. Российская колония на Урупте (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил.....	38
Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Восприятие Японии в российском общественном сознании.....	56
Лузянин С.Г. Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.)	75
Авдюшенкова И.В. Почитание предков в современной Японии	90
Нелидов В.В. Украинский кризис во внутривполитическом дискурсе Японии.....	108
<i>Книжная полка</i>	
Сахарова Е.Б. Путешествие во времени. Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий»	123
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2022 год	130

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2022, № 4

CONTENTS

Bushueva A.S. Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan.	6
Skovoronskikh M.V. The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern <i>kanbun</i> literature	20
Shchepkin V.V. Russian Settlement on the Island of Urup (1795–1805) and its Influence on Japan’s Policy towards Ainu from southern Kurils	38
Smorgunov L.V., Ignatjeva O.A. The perception of Japan in the Russian public consciousness.....	56
Luzyanin S.G. Russian-Japanese relations and the Chinese factor: Evolution and transformation (2012–2022).	75
Avdiushenkova I.V. Ancestor worship in contemporary Japan.	90
Nelidov V.V. Ukrainian crisis in Japan’s domestic political discourse.....	108
<i>Book Review</i>	
Sakharova E.B. Journey in time. Review of the book “Japan. Chasing the Wind of Centuries” by Alexander N. Mescheryakov].	123
The Bibliographic List of Publications in “Japanese Studies in Russia” for 2022	130

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии

А.С. Бушуева

Аннотация. После Исламской революции 1979 г. Иран не изменил свою политику по отношению к Японии, которая не только воспринималась в отрыве от Запада, но и была для него крупным сырьевым покупателем и потенциальным экономическим донором. В свою очередь, Японии приходилось проводить в отношении Ирана политику неустойчивого балансирования, координируя свою ближневосточную политику со своим стратегическим союзником Соединенными Штатами и одновременно пытаясь сохранить тесные связи с Ираном, важные с точки зрения обеспечения энергетической безопасности. В статье показано, каким образом Япония пыталась лавировать между этими двумя странами: она предпринимала шаги по реализации крупных экономических проектов в энергетическом секторе Ирана, ограничению санкций, которые были с её стороны минимальными и т.д., и одновременно участвовала в антииранской кампании стран Запада, проводившейся под давлением со стороны США или под влиянием крупных потрясений в регионе (например, ирано-иракской войны). С описанной выше «ближневосточной дилеммой» Япония продолжает сталкиваться и на современном этапе. Отчасти её могло бы разрешить подписание Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе в 2015 г., если бы два года спустя при администрации президента США Д. Трампа не произошло значительное ухудшение американо-иранских отношений. Впрочем, в этот период Япония успешно опробовала свой посреднический потенциал, воспользовавшись хорошими отношениями с обеими сторонами конфликта: с одной стороны, она отказалась участвовать в операции США в Ормузском проливе, с другой – поставила на паузу разморозку иранских средств в своих банках, заблокированных после введения санкций администрацией президента США Д. Трампа. Фактором риска для ближневосточной политики Японии стала в последнее время активизация в регионе Китая, который стремится воспользоваться ослаблением позиций США и занять образовавшийся вакуум, о чём свидетельствует подписание в марте 2021 г. соглашения о всеобъемлющем партнёрстве между Пекином и Тегераном. Это подталкивает Японию к целенаправленному укреплению своих позиций в Иране и расширению там своего присутствия. Как представляется, подходы Японии к решению «ближневосточной дилеммы» заслуживают особого внимания и в дальнейшем.

Ключевые слова: японо-иранские отношения, «ближневосточная дилемма», внешняя политика Японии, ирано-иракская война, японо-американский альянс.

Автор: Бушуева Анна Сергеевна, аспирант кафедры востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76). E-mail: bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бушуева А.С. Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 6–19. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan

A.S. Bushueva

Abstract. After the 1979 Islamic Revolution, Iran did not change its policy towards Japan, which was not only perceived separately from the West, but was also a major customer of its raw resources and a potential economic donor. In turn, Japan had to pursue the policy of unstable balancing towards Iran, by coordinating its Middle Eastern policy with its strategic ally, the United States, and simultaneously trying to preserve close ties with Iran, which were important from the point of view of maintaining energy security. The article shows how Japan tried to maneuver between these two countries: it took steps to realize large-scale economic projects in Iran's energy sector, to limit sanctions, which were minimal on its side, etc., and simultaneously participated in the anti-Iran campaign pursued by Western countries under the pressure of the US, or under the influence of major crises in the region (for example, the Iran-Iraq War). Japan continues to face this "Middle Eastern dilemma" in present times as well. It could partly have been solved by the signing of the Joint Comprehensive Plan of Action on the Iranian nuclear program in 2015, were it not for the fact that, two years later, under the US administration of Donald Trump, the US-Iran relations worsened significantly. Nevertheless, in this period, Japan successfully tried its mediatory potential, making use of its good relations with both parties of the conflict: on the one hand, it refused to participate in the US operation in the Strait of Hormuz, on the other, it halted the unfreezing of Iran's funds in its banks, which had been blocked after the introduction of sanctions by the US administration of Donald Trump. Recently, the activation of China in the region has become a factor of risk for Japan's Middle Eastern policy, as China tries to use the weakening positions of the US and to occupy the vacuum that was left in its wake, which is illustrated by the signing of the Comprehensive Strategic Partnership agreement between Beijing and Tehran in March 2021. This forces Japan to deliberately strengthen its positions and expand its presence in Iran. It appears that Japan's approaches to solving the "Middle Eastern dilemma" deserve special attention in the future as well.

Keywords: Japan-Iran relations, Middle Eastern dilemma, Japan's foreign policy, Iran-Iraq war, Japan-U.S. alliance.

Author: *Bushueva Anna S.*, postgraduate student, Department of Oriental Studies, Moscow Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: bushueva.a.s@my.mgimo.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Bushueva A.S. (2022). Yaponno-iranskiye otnosheniya v poslevoynnyy period: «blizhnevostochnaya dilemma» dlya Yaponii [Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 6–19. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Введение

Отношения между Ираном и Японией в XX в. ограничивались в основном поставкой энергоресурсов и некоторыми инвестиционными проектами в нефтеперерабатывающей отрасли. Экономическая заинтересованность друг в друге позволяла странам сохранять тёплые политические отношения. При этом в Иране в послевоенный период сохранялся в целом позитивный образ Японии как страны, у которой не было «империалистического»

опыта на Ближнем Востоке. Этот образ оставался неизменным даже несмотря на то, что к началу 1980-х гг. Япония стала, по выражению тогдашнего премьер-министра Японии Я. Накасонэ, «непотопляемым авианосцем» Соединённых Штатов, а в ирано-американских отношениях после Исламской революции 1979 г. сохранялась постоянная напряжённость. Свою роль играло и то, что после Второй мировой войны Япония заявила о себе как о пацифистском государстве, которое было готово оказывать экономическую помощь другим странам, не выдвигая при этом никаких политических условий. В свою очередь, для Японии роль и место Ирана в её внешнеполитических приоритетах определялись его значением как важнейшего партнёра в рамках стратегии обеспечения энергетической безопасности, с учётом наличия там четвертых по величине в мире запасов нефти и вторых по величине запасов природного газа. Даже обострение ирано-американских противоречий после Исламской революции не смогло оказать существенного влияния на определяемую этим значением качественную сторону японо-иранских отношений.

Однако после Исламской революции японо-иранские отношения неоднократно проходили испытание на прочность: помимо объективной турбулентности в регионе (связанной, в частности, с ирано-иракской войной 1980–1988 гг.), тормозящим фактором выступала необходимость для Японии балансировать между собственными экономическими интересами и интересами безопасности, обусловленными союзом с США. Тем не менее, развитие японо-иранских отношений в послевоенный период показывает, что Япония не стремилась сделать однозначный выбор, предпочитая разрешать «ближневосточную дилемму» путём уравнивания стратегических связей с Вашингтоном и энергетических с Тегераном.

Эту ситуацию демонстрируют усилия Японии с целью не допустить чрезмерного санкционного давления на Иран в ходе ядерного кризиса в 2006 г., а также попытки Токио «помирить» ИРИ и США после очередной эскалации в 2018 г. По объективным причинам Японии в обоих случаях не удалось выполнить эту историческую миссию, однако во втором случае визит премьер-министра Японии Абэ Синдзо в Тегеран для встречи с иранским лидером Хасаном Роухани в 2019 г. стал важным шагом на пути к развитию японо-иранских отношений, способствовавшим цели достижения мира и стабильности в регионе Персидского залива.

В отечественной и зарубежной литературе ирано-японские отношения косвенно освещены через призму японо-американских отношений [Yoshitsu 1981], в рамках работ по энергетической дипломатии Японии [Богатуров 1988; Арутюнян 2008; Enayat 1994; Takahashi 2005] и по ближневосточной политике Японии [Miyagi 2008], а также исследований по современным японо-иранским отношениям [Nukii 2015; Добринская 2021].

Целью данной статьи является анализ японо-иранских отношений в послевоенный период через призму «ближневосточной дилеммы», заключающейся в том, что Япония была вынуждена балансировать свои связи со своим стратегическим союзником Соединёнными Штатами, и связи с Ираном, важные с точки зрения обеспечения энергетической безопасности. Статья разделена на два хронологических блока: первый касается периода с 1951 по 2012 г., когда Япония, обретя внешнеполитическую субъектность, формировала и развивала свою ближневосточную политику в процессе осмысления собственных национальных интересов, второй охватывает последний период, начинавшийся с возвращением в 2012 г. к власти кабинетов Абэ Синдзо, провозгласившего новую

ближневосточную политику. Исследовательский вопрос можно поставить следующим образом: как Япония решала проблему «ближневосточной дилеммы» в своих отношениях с Ираном на разных этапах исторического развития?

Формирование вектора развития японо-иранских отношений в послевоенный период

После подписания Сан-Францисского договора в 1951 г. Япония приступила к восстановлению своих утраченных в результате поражения в войне международно-политических позиций в рамках нового политического курса, направленного на реабилитацию международного имиджа и развитие внешнеэкономической деятельности. В то время как восстановление экономических и тем более дипломатических отношений со странами Юго-Восточной и Восточной Азии проходило нелегко, учитывая груз исторических проблем, связанных с милитаристской политикой Японии в регионе, с Ближним Востоком трудностей возникало существенно меньше.

Иран и Японию связывает долгая история. Впервые иранцы и японо-персидский обмен упоминались в хронике «Анналы Японии» (Нихон Сёки) 720 г. Кроме этого, по мнению некоторых учёных, влияние Персии прослеживается в памятниках японской культуры эпохи Нара (710–794). Отношения стремительно развивались после реставрации Мэйдзи, а в 1929 г. между странами были установлены дипломатические отношения и в 1955 г. открылось посольство в Тегеране [Добринская 2021, с. 30–31]

По мере экономических успехов у Японии появлялись и необходимые ресурсы для оказания помощи экономическим программам ближневосточных стран, только вступившим на путь самостоятельного развития. Япония представлялась им идеальным партнёром – политически ненавязчивым, непротиворечивым и к тому же не имевшим ранее своих колоний на Ближнем Востоке, что выгодно отличало её от большинства стран Запада.

В послевоенный период связи Японии с Ираном с самого начала развивались преимущественно в экономической сфере. В двусторонней торговле ключевой позицией была нефть, которая составляла 98,2 % иранского экспорта в Японию. В 1958 г. Японию посетил иранский шах Мохаммед Реза Пехлеви, а в октябре 1960 г. Тегеран посетила супруга японского императора¹. В это же время по инициативе иранской стороны между двумя странами обсуждалась разработка японскими компаниями нефтяных месторождений. В 1969 г. Токио посетил министр иностранных дел Ирана Ардешир Захеда, который заявил на встрече с премьер-министром Японии Сато Эйсаку (1964–1972 гг.), что сам «Шахиншах хотел, чтобы Япония занялась разработкой [иранских] месторождений» [Abdoly Keivan 2017–2018, p. 153].

Два года спустя было достигнуто соглашение о разработке японским консорциумом компаний нефтяного месторождения в провинции Лорестан. Однако проект оказался неудачным, за ним последовал другой крупный совместный проект по строительству нефтехимического завода (ИРС) под руководством Национальной иранской нефтяной

¹ イラン・イスラム共和国。基礎データ [Исламская республика Иран. Основные данные] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/iran/data.html> (дата обращения: 01.07.2021).

компании (НИОС) и Мицуи. К 1978 г., когда внутри Ирана стала нарастать политическая напряжённость, строительство было завершено на 85 %.

Справедливым будет отметить, что благодаря энергетической дипломатии Токио у двух стран появился шанс выстроить прочные экономические, а в перспективе – и политические отношения. Однако возможность эта была упущена ввиду недостаточной осведомленности иранской стороны об особенностях японской экономики, структуре мирового энергетического рынка, а также международной ситуации [Abdoly Keivan 2017–2018, p. 155]. Кроме того, перспективный проект ИРС оказался под угрозой на фоне резко изменившейся внутривнутриполитической ситуации в самом Иране.

Внутриполитическая нестабильность в Иране накануне Исламской революции затронула важнейший для иранской экономики нефтяной сектор, на предприятиях начались массовые забастовки. В связи с этим премьер-министр Японии Фукуда Такэо (1976–1978 гг.) посетил в сентябре 1978 г. Тегеран с официальным визитом, в ходе которого стороны выразили удовлетворение нынешним состоянием двусторонних отношений и высказали намерение развивать энергетическое сотрудничество, в том числе и по проекту ИРС – символу двусторонних отношений. Однако вскоре и рабочие комплекса присоединились к антишахским выступлениям.

После провозглашения 1 апреля 1979 г. Исламской республики Иран и установления там откровенно антизападного режима новое правительство в Тегеране стремилось сохранить наметившуюся при шахе позитивную динамику в двусторонних отношениях с Японией, которая, как отмечалось выше, не ассоциировалась в его глазах с Западом. Правительство Японии в свою очередь считало для себя рациональным укреплять отношения уже с новым режимом ввиду того, что возвращение Исламской Республики к монархии казалось маловероятным². В Токио оставались опасения по поводу дальнейшей судьбы проекта ИРС, ради которого страну в своё время посетило 4 тыс. японских чиновников. Однако под процедуру национализации попали все зарубежные предприятия, но не японский проект ИРС [Enayat 1994, p. 370–378]. Уже 5 марта 1979 г. ИРИ осуществила первые поставки нефти в Японию.

Работа над комплексом вскоре возобновилась, однако в ноябре 1979 г. произошёл инцидент с захватом американских заложников в посольстве в Тегеране. Эта ситуация до предела обострила уже сложившуюся «ближневосточную дилемму» для Японии, состоявшую в выборе между своим ключевым союзником и стратегически важным партнёром³. Стоит отметить, что Япония продолжала импортировать иранскую нефть даже несмотря на введение Соединёнными Штатами эмбарго в связи с захватом американского посольства в Тегеране (в 1979 г. импорт из Ирана составлял 15 % от общего объёма поставок в Японию) [Togo 2005, p. 302]. В мае 1980 г., после шести месяцев сложных переговоров с США, Япония была вынуждена ввести экономические санкции против Ирана, хоть и минимальные – на кону была судьба нефтекомплекса ИРС. Впрочем, начавшаяся в августе

² 第2章イラン革命、在テヘラン米国大使館人質事件、イラン・イラク戦争 [Глава 2: Революция в Иране, кризис с заложниками в посольстве США в Тегеране и ирано-иракская война] // Японский институт международных отношений (JIА). 2006 г. https://www2.jiia.or.jp/pdf/resarch/h17_afghanistan/h17_afgahanistan04_Chapter2.pdf (дата обращения: 02.07.2021).

³ Географическое положение Ирана, а также место ИРИ в японском импорте энергоресурсов и инвестиционном экспорте позволяло для Японии определить эту страну как своего стратегически важного партнёра.

того же года ирано-иракская война окончательно подвела черту под проектом: место расположения нефтехимического комплекса находилось лишь в 100 км от границы с Ираком [Enayat 1994, p. 380]. Во время войны многие объекты комплекса, а также имущество использовались в военных целях. К тому же в результате атак иракской авиации один из участков ИРС был повреждён – в глазах японских партнёров проект постепенно утрачивал свою экономическую целесообразность. Тем не менее, надежды возобновить его оставались ещё долгое время – официальное закрытие проекта состоялось только в 1990 г. [Enayat 1994, p. 392].

Ввиду обострения ситуации в Ормузском проливе и Персидском заливе Япония не могла оставаться в стороне от конфликта между Ираком и Ираном, ведь от ситуации в этом регионе зависела безопасность и бесперебойность поставок нефти в страну. С целью защиты свободы навигации постоянный представитель Японии в ООН Курода Мидзуо в мае 1984 г. выступил в Совете Безопасности с призывом не допустить дальнейшую эскалацию конфликта и уважать право стран на безопасный проход судов, обращённым как к Ираку и Ирану, так и ко всем другим государствам⁴. В том же месяце премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро (1982–1987 гг.) выступил с требованием прекратить экспорт оружия в Ирак и Иран. Однако Токио не был услышан и в итоге предпринял в сентябре 1984 г. самостоятельные шаги по урегулированию конфликта путём проведения двусторонних переговоров с участниками конфликта. Предложение помощи в послевоенном восстановлении в обмен на прекращение военных действий не было принято ни Багдадом, ни Тегераном. Не помогли и дружественные отношения, которые Токио удалось выстроить с обеими странами ещё до войны [Акаха 1986, p. 260].

В начале 1990-х гг. японо-иранские отношения ограничивались лишь оказанием Японией финансовых мер по послевоенному восстановлению Ирана по линии Официальной помощи развитию (далее ОПР). В ответ на стремительно растущий спрос на электроэнергию в Иране Токио в 1994 г. предоставил Тегерану по линии ОПР первый кредит на строительство гидроэлектростанции Месджеде-Солейман на реке Карун в провинции Хузестан⁵.

После избрания в 1997 г. президента Мохаммада Хатами⁶, умеренного реформатора, Токио начал стремиться к сближению с Тегераном. Между тем 28 сентября 1999 г. министр нефти ИРИ объявил об обнаружении крупного нефтяного месторождения Азадежан на юго-западе страны.

Стремление Японии к налаживанию отношений с Тегераном символизировал визит министра иностранных дел Японии Комура Масахико в Иран в августе 1999 г., за которым последовало возобновление иенных займов. В последующие месяцы и годы японо-иранские отношения развивались в ускоренном темпе. Упустив концессию на разработку нефтяного

⁴ Япония была на первом месте по объёму перевозки минеральных ресурсов морским транспортом (18,6 %) [Богатуров 1988, с. 10].

⁵ Assisting Hydroelectric Power Project in Iran. Signing of an ODA Loan Agreement // Japan International Cooperation Agency (JICA). October 16, 2020. https://www2.jica.go.jp/yen_loan/pdf/en/4931/20001026.pdf (дата обращения: 10.07.2021).

⁶ Хатами выступал с позиций «либерального мусульманина»: он подхватил концепцию столкновения цивилизаций С. Хаттингтона и выдвинул свою парадигму межцивилизационного диалога, основанную на мирном сосуществовании и равенстве народов и государств. Его призыв к примирению был расценён на Западе как сигнал к началу новых отношений. См.: Кулагин И.В. Диалог цивилизаций в Иране: Мохаммад Хатами // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2014. № 1. С. 134.

месторождения в Саудовской Аравии, Министерство внешней торговли и промышленности Японии стало рассматривать Иран как подходящую альтернативу. В ноябре 2000 г. с официальным визитом Токио посетил президент ИРИ М. Хатами, который заявил, что Тегеран готов отдать в распоряжение Токио нефтяное месторождение Азадежан недалеко от границы с Ираком⁷. После переговоров между главой МВТП Хиранума Такэо и министром нефти Ирана Бижаном Зангане к проекту присоединилась Японская национальная корпорация по нефти, газу и металлам (JOGMEC). В 2001 г. Т. Хиранума посетил Тегеран в составе делегации из представителей японских бизнес-кругов, заинтересованных в продвижении на иранский рынок. В конце того же года обе стороны, удовлетворенные таким стремительным расширением сотрудничества, подписали финальное соглашение по нефтяному месторождению Азадежан [Penn 2005, p. 1–3]. Предполагаемое обнаружение тайных ядерных объектов в Иране в 2002 г. и обострение в том же году северокорейского ядерного вопроса заставляли Японию сомневаться в выборе собственного вектора ближневосточной политики – перед ней гораздо более остро встал вопрос обеспечения военной безопасности. В 2005 г. президентом страны стал консерватор Махмуд Ахмадинежад (2005–2013), чья антиамериканская позиция и давление со стороны США вынудили Японию сократить к 2012 г. импорт иранской нефти на 40 %.

В 2006 г. в ходе нового витка кризиса вокруг иранской ядерной программы Япония как страна-председатель Совета управляющих Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) попыталась способствовать его урегулированию. С одной стороны, Токио предпринял шаги, чтобы убедить Тегеран отказаться от ядерных исследований, с другой – попытался выступить против введения антииранских санкций в Совете безопасности ООН⁸. В итоге Япония была вынуждена по собственной воле выйти из соглашения по Азадежану [Penn 2005, p. 10–11].

Несмотря на политическую слабость и переменчивость японо-иранских отношений, Япония и Иран регулярно оказывали друг другу помощь в ликвидации последствий стихийных бедствий. В 2003 г. Япония отправила Команду помощи пострадавшим от стихийных бедствий в иранский город Бам, который пережил землетрясение, унесшее жизни 35 тыс. человек. Кроме того, Япония предоставила помощь в размере 320 тыс. долл. США на предметы первой необходимости (палатки, одеяла, электрогенераторы и др.). Также Японское агентство международного сотрудничества помогло восстановить поставки питьевой воды жителям Бама и Бравата. В 2006 г. иранскую провинцию Лорестан поразила серия землетрясений, в результате которой были разрушены 330 деревень и 15 тыс. домов. По просьбе иранского правительства Япония выделила 85 тыс. долл. США на экстренную помощь пострадавшим⁹. В 2011 г. Япония сама столкнулась с девятибальным землетрясением, в ликвидации последствий которого Иран оказал ей посильную помощь. В следующем 2012 г. Япония также не осталась в стороне от сейсмической катастрофы, с

⁷ Азадежан является самым крупным месторождением из открытых за последние 30 лет на территории не только Ирана, но и других стран Ближнего и Среднего Востока.

⁸ Japan intends to mediate Iran nuclear crisis settlement // Tehran Times. January 16, 2006. <https://www.tehrantimes.com/print/110063/Japan-intends-to-mediate-Iran-nuclear-crisis-settlement> (дата обращения: 03.07.2021).

⁹ Activities in Iran. Emergency Disaster Relief // Japan International Cooperation Agency (JICA). <https://www.jica.go.jp/iran/english/activities/activity06.html> (дата обращения: 17.08.2021).

эпицентром на северо-западе Азербайджана, оказав гуманитарную и материальную помощь ИРИ объёмом 18 млн иен (около 225 тыс. долл. США)¹⁰.

Таким образом, у Японии и Ирана был огромный задел на установление прочного партнёрства, однако его реализацию затруднили нестабильная ситуация в регионе в связи с ирано-иракской войной, разгоравшиеся один за другим кризисы, связанные с ядерной программой Ирана, а также сложные ирано-американские отношения, которые приводили к давлению на Японию со стороны США по иранскому вопросу.

Современное состояние и перспективы развития японо-иранских отношений (2015–2021 гг.)

В 2015 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо провозгласил новую политику на Ближнем Востоке. Она была обозначена в его выступлении 18 января 2015 г. под названием 中庸が最善：活力に満ち安定した中東へ *тю:ё: га сайдзэн : кацурёку ни митита антэй сита тю:то: э* («На пути к “золотой середине” – к динамичному и стабильному Ближнему Востоку») в ходе визита японского премьера в Египет¹¹. Прежде всего, новый курс подразумевал многопрофильность отношений со странами региона, т.е. их выход за рамки исключительно экономической повестки и более глубокое вовлечение Японии в дела этих стран на всех уровнях, особенно в области политики и безопасности.

Новый курс Токио практически совпал по времени с подписанием Ираном Совместного всеобъемлющего плана действий (далее СВПД) относительно его ядерной программы, в соответствии с которым ИРИ согласилась на ограничения по ядерной программе в обмен на ослабление экономических санкций. Это открыло для Японии и японского бизнеса возможность развивать с ИРИ полноценные отношения. В связи с этим в октябре 2015 г. Тегеран посетил министр иностранных дел Японии Кисида Фумио. На встрече с иранским коллегой Мохаммадом Джавадом Зарифом была подчёркнута необходимость расширения взаимодействия на разных направлениях и выдвинута идея создания Японо-иранского совета по сотрудничеству¹² в дополнение к проходившему одиннадцатый год подряд Японо-иранскому диалогу по правам человека, направленному на обеспечение сотрудничества обеих стран в международных правозащитных организациях.

В феврале 2016 г. было подписано японо-иранское двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере инвестиций, направленное на прекращение дискриминационных практик в отношении национальных компаний, осуществляющих деятельность в стране-партнёре. Японские компании высоко оценили этот шаг, призванный помочь им вернуться на иранский рынок для реализации крупных проектов. Однако в то же время им приходилось

¹⁰ イラン北西部における地震被害に対する緊急援助（供与物資の決定） [Чрезвычайная помощь в связи с ущербом от землетрясения на северо-западе Ирана (решение о поставках)] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 20 августа 2012 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/release/24/8/0820_01.html (дата обращения: 06.07.2021).

¹¹ Japan-Egypt Relations. Speech by Prime Minister Abe “The Best Way Is to Go in the Middle” // Ministry of Foreign Affairs of Japan. January 18, 2015. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me1/eg/page24_000392.html (дата обращения: 10.04.2021).

¹² 日イラン外相会談及びワーキング・ランチ [Встреча министров иностранных дел Японии и Ирана, рабочий ланч] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 13 октября 2015 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page4_001453.html (дата обращения: 11.07.2021).

соблюдать оставшиеся санкционные ограничения в отношении Ирана¹³ – в противном случае они могли быть оштрафованы американскими регуляторами. Уже был прецедент, когда японский банк MUFG в 2012 г. был вынужден выплатить Министерству финансов США штраф в размере 8,6 млн долл. США за продолжение сотрудничества с ИРИ в обход санкций. Таким образом, необходимость проявлять осторожность в вопросах сотрудничества с Ираном создавала для японского бизнеса психологические препятствия, связанные с осознанием реальной угрозы финансовых потерь [Nukii 2018, p. 216–218].

В контексте СВПД между Токио и Тегераном было запущено сотрудничество в области ядерной энергетики. Япония, обладавшая необходимым научно-техническим потенциалом в сфере ядерной энергетики и получившая опыт ликвидации последствий аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г., пообещала Ирану предоставить специалистов в сфере ядерной безопасности для поддержки страны в выполнении условий ядерной сделки [Nukii 2018, p. 221–222].

Для Японии, кроме того, большую роль играла связь между иранской и северокорейской ядерной проблемой. В США были обнародованы данные о том, что со времен ирано-иракской войны 1980-х гг. Иран сотрудничал с КНДР в области разработок баллистических ракет и что Иран, возможно, был одним из покупателей северокорейских технологий и даже первым реципиентом ракет средней дальности КНДР «Нодон-1» (северокорейское название – «Хвасон-7»)¹⁴. В 2006 г. Верховный главнокомандующий Корпуса стражей исламской революции впервые публично признал покупку северокорейских ракет в 1980-х гг. и заявил, что ИРИ больше не нуждается в помощи северокорейцев¹⁵. На встрече глав МИД Японии и Ирана в Нью-Йорке в апреле 2015 г. японский министр иностранных дел Ф. Кисида призвал своего иранского коллегу М.Д. Зарифа прекратить военное сотрудничество с КНДР¹⁶.

В 2018 г. президент США Дональд Трамп принял решение о выходе страны из ядерной сделки, полагая, что Иран не выполняет свои обязательства по СВПД. Отношения между двумя странами начали стремительно ухудшаться, а в январе 2020 г. американской ракетой в Багдаде был убит иранский генерал Касем Сулеймани¹⁷.

В 2019 г. премьер-министр Японии С. Абэ с целью недопущения эскалации ситуации в Персидском заливе выступил с инициативой о посредничестве в американо-иранском конфликте вокруг предполагаемых нарушений Тегераном положений СВПД. После переговоров с президентом США Д. Трампом, прошедших в Токио 25 мая 2019 г., премьер-министр Абэ впервые за 41 год нанёс 12–14 июня 2019 г. визит в Тегеран, где встретился с

¹³ Iran Sanctions // Congressional Research Service. <https://sgp.fas.org/crs/mideast/RS20871.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

¹⁴ Iran's Ballistic Missile and Space Launch Programs // Congressional Research Service. December 6, 2012. P. 46. <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R42849.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁵ Iran-North Korea-Syria Ballistic Missile and Nuclear Cooperation // Congressional Research Service Report. 2016. February 16. P. 4. <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R43480.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).

¹⁶ 日・イラン外相会談 [Встреча глав МИД Японии и Ирана] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 28 июля 2015 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page24_000436.html (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁷ Why U.S.-Iran Tensions Are Rising as Trump's Term Ends // The Washington Post. January 12, 2020. https://www.washingtonpost.com/business/energy/why-us-iran-tensions-are-rising-as-trumps-term-ends/2021/01/11/d0e662ca-5434-11eb-acc5-92d2819a1ccb_story.html (дата обращения: 11.04.2021).

президентом страны Хасаном Роухани¹⁸. Базовая позиция Японии состояла в следующих пунктах: 1) мир и стабильность на Ближнем Востоке необходимы для мира и процветания во всём мире, военный конфликт никому не выгоден; 2) Япония призывает Иран предпринять конструктивные шаги для снижения напряженности в регионе; 3) Япония придерживается достигнутого в 2015 г. соглашения и призывает Иран не отказываться от соблюдения его условий.

В свою очередь, с иранской стороны были озвучены следующие моменты позиции Тегерана: 1) главная причина роста напряженности в регионе – это «экономическая война, которую ведут Соединённые Штаты против иранского народа»; 2) Иран не станет первым развязывать войну, но в случае подобной эскалации будет действовать решительно; 3) ИРИ требует отмены экономических санкций и снятия эмбарго на иранскую нефть; 4) Иран не намерен производить, иметь или использовать ядерное оружие¹⁹.

По итогам встречи премьер-министр Японии дал высокую оценку стремлению иранского лидера к обеспечению мира и стабильности²⁰. Вероятно, главным намерением С. Абэ было убедиться в том, что Иран «не хочет войны», и донести этот послыл Соединённым Штатам, а также показать то значение, которое Япония придаёт двусторонним отношениям с Ираном. Миссию мог ждать успех, если бы не инцидент, произошедший 13 июня, во время визита С. Абэ в Иран. На двух проходивших через Ормузский пролив нефтяных танкерах, один из которых был арендован японской транспортной компанией Кокука Сангё, произошли взрывы. Японская сторона настаивала на попадании двух снарядов в судно, хотя версии других стран указывали на торпедную атаку²¹. В нападении США обвинили Иран.

С учётом инцидента с танкером кабинет министров Японии в качестве необходимой меры для обеспечения безопасности судов, имеющих прямое или косвенное отношение к Японии²², принял решение об отправке в зону Оманского залива миссии Сил самообороны Японии, состоящую из ракетного эсминца и двух патрульных самолётов для сбора разведывательных данных. Зона патрулирования японских военнослужащих включала Оманский залив, северную часть Аравийского моря и Аденский залив к востоку от Баб-эль-Мандебского пролива (включая ИЭЗ прибрежных государств). Примечательно, что Япония организовала свою операцию, отказавшись от предложения США присоединиться к операции коалиционных сил в Ормузском проливе и Персидском заливе. По информации,

¹⁸ 安倍総理大臣のイラン訪問 [Визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Иран] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 13 июня 2019 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page3_002775.html (дата обращения: 11.08.2021).

¹⁹ 「安倍首相 イラン訪問の成果よ」 (時論公論) [Визит премьер-министра Абэ в Иран: итоги. (Дискуссия и разбор актуальной повестки)] // NHK. 14 июня 2019 г. <https://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/369643.html> (дата обращения: 12.07.2021).

²⁰ 首相、イラン最高指導者と会談 「核兵器使用意図ない」 [«Нет намерения применять ядерное оружие». Премьер-министр Японии встретился с Верховным лидером Ирана] // Асахи Симбун. 13 июня 2019 г. <https://www.asahi.com/articles/ASM6F5K0WM6FULFA02J.html> (дата обращения: 12.07.2021).

²¹ 国華産業社長「船員が飛来物目撃」 ホルムズ海峡砲撃「魚雷考えられぬ」 [Глава Кокука Сангё: «моряки стали свидетелями атаки с воздуха», «немыслимо», что для атаки на танкеры в Ормузском проливе использовались торпеды] // Санкэй Симбун. 14 июня 2019 г. <https://www.sankei.com/article/20190614-TWDPSTAZNJLDENJRP3MVVBNF4M/> (дата обращения: 12.07.2021).

²² Имеются в виду японские суда под национальными флагами; суда под иностранными флагами и с японскими гражданами на борту; суда под иностранными флагами и с японским грузом на борту и т.д.

размещённой на сайте Министерства обороны Японии, у этого были свои причины: 1) судоходство японских судов в акватории Ормузского пролива и Персидского залива проходит в территориальных водах прибрежных государств (Оман, Иран) и за их безопасность должны отвечать соответствующие государства; 2) сбор разведанных в этих водах может стать нарушением принятых конвенций; 3) необходимую Японии информацию по безопасности в этих водах предполагается запрашивать непосредственно у Соединённых Штатов и их союзников²³. Впрочем, первопричиной японского отказа можно назвать нежелание портить хорошие отношения с Ираном.

С началом пандемии коронавируса в начале 2020 г. Иран оказался в непростой ситуации, так как правительству никак не удавалось взять под контроль заболеваемость в стране. Японское правительство приняло решение оказать экстренную помощь ИРИ, предоставив через международные организации помощь в размере 27,5 млн долл. США на покупку медицинского оборудования, предметов первой необходимости и т.д.²⁴ Уже в июле 2021 г. Токио также поставил три миллиона доз вакцин против COVID-19, произведённых компанией AstraZeneca в Японии²⁵. Заместитель министра иностранных дел ИРИ по политическим вопросам Аббас Аракчи в своём микроблоге в социальной сети Twitter поблагодарил на японском языке Японию и японский народ за оказанную помощь²⁶.

В начале августа 2021 г. новым президентом ИРИ стал ультраконсерватор Ибрахим Раиси. Несмотря на свою жёсткую позицию в отношении США, он высказал намерение добиться ослабления американских санкций. Газета The Japan Times со ссылкой на дипломатические источники писала, что в иранском правительстве даже звучали предложения попросить Японию выступить посредником во второй раз²⁷. Санкции США наносили всё больший ущерб экономике Ирана, и Тегеран возлагал большие надежды на Японию как союзника США, поскольку напрямую с Вашингтоном вести диалог ему было затруднительно.

На фоне этих событий в конце августа 2021 г. с официальным визитом в Тегеран прибыл министр иностранных дел Японии Мотэги Тосимицу. На встрече с Мотэги иранский президент призвал Японию к разморозке иранских средств в японских банках на сумму более 1,5 млрд долл. США, полученных в основном от экспорта нефти и газа. По словам И. Раиси, «учитывая позитивный характер отношений между двумя странами, любая

²³ Information Gathering Activities by the SDF in the Middle East // Ministry of Defense of Japan. https://www.mod.go.jp/en/d_architecture/m_east/index.html (дата обращения: 11.04.2021).

²⁴ Japan's Emergency Assistance to Iran for Prevention of Further Spread of the Novel Coronavirus (COVID-19) Infection in Iran // Embassy of Japan in Iran. <https://www.ir.emb-japan.go.jp/files/100103927.pdf> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁵ Government of Japan supports Islamic Republic of Iran with US\$ 6.3 million grant to strengthen national capacity against COVID-19 // World Health Organization. 2021. October 26. <https://www.emro.who.int/iran/news/government-of-japan-supports-islamic-republic-of-iran-with-us-63-million-grant-to-strengthen-national-capacity-against-covid-19.html> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁶ Iran thanks Japan for Covid Vaccines // TEHRAN TIMES. 2021. July 24. <https://www.tehrantimes.com/news/463365/Iran-thanks-Japan-for-Covid-vaccines> (дата обращения: 03.08.2021).

²⁷ Japan foreign minister planning talks with new Iran president on Sunday // The Japan Times. August 21, 2021. <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/08/21/national/politics-diplomacy/japan-foreign-minister-iran-president/> (дата обращения: 3.08.2021).

задержка в разблокировании средств является необоснованной»²⁸. Японский министр в свою очередь выразил надежду на соблюдение Ираном ядерного соглашения 2015 г.²⁹ Стороны также обсудили ситуацию в Афганистане, который стал важным пунктом переговоров, так как Иран, как предполагалось, поддерживает тесные связи с движением Талибан, захватившим власть в стране 15 августа. Япония подтвердила свою приверженность дипломатическому урегулированию ситуации в Афганистане.

Визит Мотэги означал и определённый сигнал в адрес Пекина, чьё влияние на Ближнем Востоке стремительно росло на фоне резко негативного отношения к результатам политики президента США Д. Трампа. Уместно вспомнить, что ИРИ и КНР заключили в марте 2021 г. соглашение о всестороннем сотрудничестве сроком на 25 лет, которое включает в себя не только укрепление экономических отношений, но и расширение стратегических связей. На этом фоне Токио продемонстрировал, что и он является в регионе желанным партнёром, способным составить Китаю конкуренцию за влияние.

С началом СВО на Украине 24 февраля 2022 г. кабинет Ф. Кисида занял проамериканскую позицию по отношению к России. Антироссийская санкционная кампания, проводившаяся США и их союзниками, подтолкнула Иран, Россию и Китай к взаимному сближению. Как отмечал работающий в Тегеране японский дипломат Суми Дзюньити, Иран в настоящее время «тяготеет к Востоку» (т.е. к России и Китаю) с целью борьбы с Соединёнными Штатами, которые, как заявлял верховный лидер Ирана в марте 2022 г., «создают на планете кризисную ситуацию»³⁰.

Таким образом, в 2015 г. в политике Японии в отношении Ирана наметился качественный поворот в сторону активизации двусторонних отношений. Однако заключённая в том же году ядерная сделка, равно как и наметившееся «перемирие» Ирана с Америкой, оказались недолговечными. После 2015 г. Япония снова попыталась играть самостоятельную и конструктивную роль в урегулировании ирано-американских противоречий, балансируя между двумя сторонами. Несмотря на видимое отсутствие конкретных результатов этой политики, предпринятые Токио действия положительно отразились на японо-иранских отношениях.

Однако в 2022 г. двусторонние отношения переживали новые испытания в связи с ростом напряжённости в мире в связи с ситуацией вокруг Украины, когда Япония полностью заняла сторону США и их союзников, а Иран оказался по другую сторону баррикад. Кроме того, ИРИ продолжала находиться под санкционным давлением ввиду отсутствия прогресса в переговорах по новому ядерному соглашению. В результате двусторонние связи вступили в очередной период турбулентности.

²⁸ Iran urges Japan to release billions in blocked funds amid U.S. sanctions // Reuters. August 12, 2022. <https://www.reuters.com/world/iran-urges-japan-release-billions-blocked-funds-amid-us-sanctions-2021-08-22> (дата обращения: 22.08.2021).

²⁹ 日・イラン外相会談 [Встреча министров иностранных дел Японии и Ирана] // Министерство иностранных дел Японии: официальный сайт. 22 августа 2021 г. https://www.mofa.go.jp/mofaj/me_a/me2/ir/page1_001037.html (дата обращения: 22.08.2021).

³⁰ 米国に対峙するイランが取らざるを得ないウクライナ侵略へのスタンス [В условиях противостояния с США: вынужденная позиция Ирана по ситуации на Украине] // JBpress. 27 апреля 2022 г. <https://jbpress.ismedia.jp/articles/-/69900> (дата обращения: 27.07.2022).

Заключение

Специфика японо-иранских отношений состоит в том, что Япония стоит перед хронической дилеммой – необходимостью находить оптимальный баланс между США, связи с которыми носят для неё стратегический характер, и ИРИ – важнейшим для Токио с точки зрения энергетической безопасности партнёром.

Отношения между Японией и Ираном в послевоенный период носили стабильный характер, несмотря на радикальные внутривнутриполитические развороты в Иране (Исламская революция 1979 г., приход к власти в ИРИ в 2005 г. М. Ахмадинежада и т.д.) и внешнеполитические вызовы, связанные с американо-иранским конфликтом (2002 и 2019 г.) и ядерной программой Ирана. Будучи союзником США, Япония всё это время успешно сохраняла дружеские отношения с ИРИ. Этому способствовали отсутствие в регионе негативной исторической памяти в отношении Японии, выгодно отличавшейся от других западных стран своей непринадлежностью к числу стран-колонизаторов, неполитизированность ближневосточной дипломатии Японии, а также наличие у неё азиатской идентичности. Кроме этого, страны связывал взаимный стратегический интерес: Япония была заинтересована в иранской нефти и расширении своего присутствия в энергетическом секторе Ирана, тогда как Иран нуждался в японских инвестициях и японской технической помощи. Япония также стремилась сдерживать растущее влияние Китая на Ближнем Востоке, в планах которого Иран занимает особое место.

Все это время Япония строила с Ираном экономические отношения, преимущественно завязанные на проекты энергетического сотрудничества. Проводя политику диверсификации поставок энергоресурсов, Токио был исключительно заинтересован в стабильных поставках иранской нефти (хотя объём иранского импорта нефти не превышал в общем объёме импорта и 5 %). На этом фоне Токио вкладывался в проекты по разработке нефтяных месторождений, и в первую очередь Азадежанского, а также в проект строительства нефтехимического завода ИРС, возможно, самого крупного в денежном выражении японо-иранского экономического проекта.

По сравнению с периодом 2000-х гг., когда Японии приходилось принимать решения на ближневосточном треке в основном под давлением и под влиянием США, с 2015 г. Токио получил существенно бóльшую свободу рук на фоне ослабления ключевых позиций США на Ближнем Востоке и растущего влияния там КНР. События 2019 г. показали, что Япония даже попыталась воспользоваться «особенными», отличными от США, отношениями с ИРИ и сыграть посредническую роль между двумя странами. Токио не поддержал операцию Вашингтона в Ормузском проливе, организовав собственную операцию, напрямую не затрагивающую интересы Ирана, и обозначив тем самым собственные, отличные от США интересы в регионе. Однако общая динамика развития двусторонних связей показывает, что в конечном счёте Японии и Ирану лишь удавалось сохранять статус-кво, а качественных сдвигов в двусторонних отношениях так и не происходило. Несмотря на все новые импульсы к развитию, провозглашённым с обеих сторон инициативам не удавалось реализоваться в полной мере, во многом из-за давления со стороны США. Препятствия (как физические, так и психологические) для этих отношений создавали также конфликтогенный характер самого региона и непредсказуемость ситуации вокруг иранской ядерной программы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнян Е.В. Энергетическая дипломатия Японии в странах Персидского залива в контексте трёх нефтяных кризисов // Ежегодник Япония. 2008. Т. 37. Москва: Ассоциация японоведов. С. 52–67.
- Богатуров А.Д. Японская дипломатия в борьбе за источники энергетического сырья (70-80-е годы). Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988.
- Добринская О.А. Японо-иранские отношения: проблемы и перспективы // Восточный альманах. 2021. № 5. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации. С. 30–39.

REFERENCES

- Arutyunyan, E. (2008). Energeticheskaya diplomatiya Yaponii v stranakh Persidskogo zaliva v kontekste trekh neftyanykh krizisov [Japan's Energy Diplomacy in the Persian Gulf in the Context of the Three Oil Crises]. *Yearbook Japan*, 37, 52–67. (In Russian).
- Bogaturov, A. (1988). *Yaponskaya diplomatiya v bor'be za istochniki energeticheskogo syr'ya (70-80-e gody)* [Japanese Diplomacy in the Struggle for Sources of Energy Raw Materials (70–80s)]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian).
- Dobrinskaya, O. (2021). Yaponno-iranskie otnosheniya: problemy i perspektivy [Japan-Iran Relations: Issues and Prospects]. In *Vostochnyi al'manakh* [Oriental Almanac] (pp. 30–39). Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. (In Russian).
- * * *
- Akaha, T. (1986). Japan's Response to Threats of Shipping Disruptions in Southeast Asia and the Middle East. *Pacific Affairs*, 59 (2), 255–277.
- Enayat, S.E. (1994). *Japan, Iran and the Oil Business: A Case Study of the Iran Japan Petrochemical Company*. University of Stirling.
- Keivan, A. (2018). Energy and Japan-Iran Relations in 1950s: Reassessing the Idemitsu's Oil Deal with Iran. *Chūtō rebyū*, 5, 152–160.
- Miyagi, Y. (2013). *Japan's Middle East Security Policy: Theory and Cases*. Routledge.
- Nukii, M. (2018). Japan–Iran Relations since the 2015 Iran Nuclear Deal. *Contemporary Review of the Middle East*, 5(3), 215–231.
- Penn, M. (2006). Oil and Power: The Rise and Fall of the Japan-Iran Partnership in Azadegan. *Asia-Pacific Journal*, 4 (12).
- Takahashi, K. (2005). The Iran-Japan Petrochemical Project: A Complex Issue. In *Japan and the Contemporary Middle East* (pp. 90–99). Routledge.
- Togo, K. (2005). *Japan's Foreign Policy, 1945–2009*. Leiden, The Netherlands: Brill.
- Yoshitsu, M.M. (1981). Iran and Afghanistan in Japanese Perspective. *Asian Survey*, 21(5), 501–514.

Поступила в редакцию: 07.08.2022

Принята к публикации: 23.11.2022

Received: 7 August 2022

Accepted: 23 November 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-20-37

Поэзия Фудзивара Сэйка на литературном китайском языке и его место в истории литературы на *камбуне* раннего нового времени

М.В. Сковоронских

Аннотация. Исследователи часто обращаются к фигуре Фудзивара Сэйка (藤原惺窩, 1561–1619) как одного из основателей неоконфуцианской традиции в Японии. Однако его объёмное литературное наследие, включающее в себя тексты как на литературном китайском (яп. 漢文 *камбун*), так и на собственно японском языке, остаётся практически не изученным. Как и большинство его образованных современников, Сэйка прекрасно владел камбуном и оставил значительное количество стихотворений на этом языке (Яп. 漢詩 *канси*), но те немногие учёные, которые высказывались по поводу этих работ, сходятся в довольно критической оценке его литературных способностей. Согласно их мнению, канси Фудзивара Сэйка страдают от ряда серьёзных изъянов, таких как отсутствие оригинальности и вторичность в языке, обезличенный тон и неумение успешно работать с японским поэтическим материалом.

Это исследование обращается к выборке канси Фудзивара Сэйка и ставит под сомнение подобные оценки. Оно начинается с разбора мнения учёных относительно поэзии Сэйка, переходит к изучению поэтических особенностей его канси, уделяя особое внимание их языку, тону и использованию японского поэтического материала, и в заключение кратко раскрывает суть того идеала, который Сэйка называл «живой поэзией» (яп. 活句 *какку*). Исследование доказывает, что этот далеко не «плохой» поэт был способен создавать необычные и личные стихи с эклектичным содержанием на том этапе развития литературы на камбуне, который нередко ассоциируют с безыскусностью, литературной имитацией, и раболепием перед китайской традицией. Таким образом, оно ставит под сомнение укоренившиеся в научных кругах представления о месте Фудзивара Сэйка (а также и других поэтов начала эпохи Токугава) в истории японской литературы и подчёркивает важность изучения корпуса текстов на камбуне на уровне, не уступающем ожидаемому от исследований японоязычного канона.

Ключевые слова: Фудзивара Сэйка, *канси*, *камбун*, литература на *камбуне*, японская литература.

Автор: Михаил Владимирович Сковоронских, аспирант и преподаватель в Колорадском университете в Боулдере (адрес: 1350 20th St., Boulder CO, 80302, USA). ORCID: 0000-0003-3874-5916; E-mail: mikhail.skovoronskikh@colorado.edu

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сковоронских М.В. The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature [Поэзия Фудзивара Сэйка на литературном китайском языке и его место в истории литературы на *камбуне* раннего нового времени] // Японские исследования. 2022. № 4. С. 20–37. (На англ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-20-37

The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature

M.V. Skovoronskikh

Abstract. Fujiwara Seika (藤原惺窩, 1561–1619) has often attracted scholarly attention as one of the founders of Neo-Confucianism in Japan. Yet his substantial literary oeuvre, which includes works in both literary Sinitic (Jp. *kanbun* 漢文) and Japanese, remains largely unexplored. Just like most of his educated contemporaries, Seika was well-versed in *kanbun* composition and left us with a considerable number of Sinitic poems (Jp. 漢詩 *kanshi*), but the few modern scholars who have commented on his verse have been quite critical in their evaluation of his poetic prowess. According to such scholars, Seika’s *kanshi* suffer from several serious defects, including a derivative and uninventive diction, a lack of individuality, and an inability to fruitfully engage with indigenous poetic material.

This study turns to a selection of Fujiwara Seika’s Sinitic poems to cast doubt over such claims. It begins by surveying scholarly opinion on Seika’s verse, proceeds to analyze his *kanshi* poetics by focusing on diction, tone, and the use of Japanese poetic material, and concludes with a brief discussion of Seika’s ideal of “living verse” (Jp. 活句 *kakku*). The study argues that, far from being a “bad” poet, Seika was capable of producing innovative, personal, and eclectic verse at a stage in the development of *kanbun* literature often described as one of blandness, literary mimicry, and slavish imitation of Chinese precedent. In so doing, this study challenges conventional scholarly narratives of Fujiwara Seika’s—and, by extension, other early Tokugawa poets’—place in the history of Japanese *belles-lettres* and points to the importance of treating the *kanbun* corpus as an academic subject no less serious than the vernacular tradition.

Keywords: Fujiwara Seika, *kanshi*, *kanbun*, Sinitic literature, Japanese literature.

Author: Skovoronskikh Mikhail V., PhD candidate and part-time instructor at the University of Colorado, Boulder (address: 1350 20th St., Boulder CO, 80302, USA). ORCID: 0000-0003-3874-5916; E-mail: mikhail.skovoronskikh@colorado.edu

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Skovoronskikh M.V. (2022). The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 4, 20–37. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-20-37

Introduction

The name of Fujiwara Seika (藤原惺窩, 1561–1619) continues to loom large in the study of Tokugawa intellectual history. His contemporaries and later scholars considered Seika to be the founding father of Neo-Confucianism on the archipelago and credited him with rejuvenating the all-but-moribund tradition of Chinese learning in Japan. Modern scholarship has questioned and modified some of these assumptions, yet Seika’s role as an important propagator of Song (宋) and Ming (明) Confucianism in the early decades of the Tokugawa period is still recognized and appreciated.

It is not surprising, then, that most scholars, preoccupied as they are with questions of intellectual history, only treat Seika as a “thinker” or “ideologue.” For example, Iguchi Atsushi

(猪口篤志) and Matano Taro's (俣野太郎) volume *Fujiwara Seika, Matsunaga Sekigo* (藤原惺窩・松永尺五) inaugurates a series entitled “Japanese Thinkers” (Jp. *Nihon no shisōka* 日本の思想家) [Iguchi & Matano 1982]. Ōta Seikyū's (太田青丘) biography of Seika casts him in a similar light [Ōta 1985].¹ Herman Ooms's *Tokugawa Ideology: Early Constructs* and W.J. Boot's “The Adoption and Adaptation of Neo-Confucianism in Japan: The Role of Fujiwara Seika and Hayashi Razan” are arguably the most important English-language works dealing with Seika, and they, too, are concerned solely with his thought [Ooms 1985; Boot 1983].²

Yet to treat early modern figures such as Seika—or, for that matter, Hayashi Razan (林羅山, 1583–1657)—exclusively as “thinkers” or “scholars” is to run the risk of veering into anachronistic interpretations. After all, adherents of Confucianism at the time would have hardly subsumed themselves under such appellations. For most of them, thought and inquiry, teaching and writing, as well as spiritual and meditative exercises were all facets of a single, indivisible practice of the Way—an understanding that began to gain currency in Anglophone academe just a few decades ago. Therefore, it may be fruitful to forgo the discussion of Seika as a thinker for a moment and turn to another facet of his practice of the Way, namely his literary pursuits.

This study is conceived as a first step in this direction. Below I intend to focus on Seika's poetry written in literary Sinitic (Jp. *kanshi* 漢詩) and correct several preconceptions that seem to have become entrenched in English-language scholarship on Seika. I will begin by surveying scholarly opinion on the matter and proceed to pointing out its inconsistencies. I will then propose a new analysis of Seika's *kanshi*, prompting a reevaluation of his place in the canon, and conclude by elucidating Seika's own theory of poetic composition.

Fujiwara Seika and *kanbungaku* (漢文学) scholarship

Among Anglophone scholars of Japanese literature, Burton Watson was one of the first to pay sustained attention to *kanshi*. His greatest contributions to the field are a series of translations of Sinitic poetry covering an expansive period from the earliest times until the end of the nineteenth century.³ Watson is also responsible for introducing his readers to a periodization scheme of *kanshi* development in the Tokugawa period, which is roughly based on the findings of Japanese scholars, foremost among them being Matsushita Tadashi (松下忠). In his discussion of Tokugawa *kanshi*, Watson notes that the first century of the period produced few works of literary merit and was characterized by their authors' limited facility with literary Sinitic, primarily didactic concerns, and a lack of individuality and distinctively Japanese sensibilities [Watson 1968, pp. 5–6]. It appears that this characterization of early-Tokugawa *kanshi* has become entrenched in English-language

¹ Both works are largely based on Razan's *Seika sensei gyōjō* (惺窩先生行状). While the former is a quintessential biography, the latter includes a brief appendix dealing analytically with Seika's thought and literary heritage.

² Ooms's work is largely consistent with the primary concerns of the “Chicago school,” a scholarly approach developed by Chicago University scholars and largely based on Neo-Marxist analysis. Boot's dissertation is a masterful study, which has been revised several times by its author. It is most valuable because of its rich selection of sources.

³ The following translations by Watson should be mentioned: *Japanese Literature in Chinese: Poetry and Prose in Chinese by Japanese Writers of the Later Period*, *Grass Hill: Poems and Prose by the Japanese Monk Gensei*, *Kanshi: The Poetry of Ishikawa Jōzan and Other Edo-Period Poets* [Watson 1975; 1983; 1990]. Watson's theoretical positions can be gleaned from his prefaces to these works as well as from his “Some Remarks on the *kanshi*” in *The Journal-Newsletter of the Association of Teachers of Japanese* [Watson 1968].

scholarship and accepted by Judith Rabinovitch, another leading specialist on Sinitic poetry in Japan.

Rabinovitch, writing together with her husband-*cum*-sinologist Timothy Bradstock, has significantly advanced the study of *kanshi* in the English-speaking world. Her works include a representative anthology of translations of Tokugawa-period Sinitic poems and a volume dedicated to translation and analysis of a vast collection of *kanshi* inscribed on *tanzaku* (短冊) paper slips [Bradstock & Rabinovitch 1997; 2002]. Rabinovitch adopts a periodization scheme that is largely similar to Watson's, albeit somewhat more nuanced (summarized in Table 1).

Table 1. The development of Sinitic poetry in the Tokugawa period⁴

Stage	Dates	Major features	Representative poets
First	ca. 1600–1700	– breaks no new ground – derivative, overburdened by references and allusions to Chinese lore – fails to reflect the individuality and times of the poets, not “distinctively Japanese”	Fujiwara Seika and other Confucian scholars
Second	ca. 1700–1760	– emulation of high Tang masters, subscription to <i>kakuchō</i> (格調) formalism – rejection of late Tang and Song styles and the idea of “content over form” – often lacks “immediacy, emotional honesty, and a distinctively Japanese aesthetic character”	Ogyū Sorai (荻生徂徠), Hattori Nankaku (服部南郭), Gion Nankai (祇園南海), Dazai Shundai (太宰春台), etc.
Third	ca. 1750–1800	– decline of <i>kakuchō</i> formalism, aesthetic distancing from Chinese tradition – expanding the social background of poets and repertoire of acceptable topics – emergence of <i>seirei</i> (性霊) spiritualism	Yamamoto Hokuzan (山本北山), Rikunyo (六如), Kan Sazan (菅茶山), Ichikawa Kansai (市河寛斎), Ōkubo Shibutsu (大窪詩仏), etc.
Fourth	ca. 1800–1868	– experimentation, further broadening of topical repertoire, decided “Japanization” of aesthetics – politicization of <i>kanshi</i> and poetic nationalism	Rai San'yō (頼山陽), Yanagawa Seigan (梁川星巖), Hirose Tansō (広瀬淡窓), etc.

It is clear that Watson and Rabinovitch share a dim view of *kanshi* produced in the first century of Tokugawa rule. Essentially, both believe them to suffer from three major defects: (a) a derivative and uninventive diction so peppered with allusions to Chinese lore as to border on

⁴ Based on Bradstock & Rabinovitch 1997, pp. 16–39. The poets' dates have been omitted for the sake of brevity.

Chinoiserie, (b) a pronounced lack of individuality, and (c) failure to use the medium of *kanshi* to represent distinctively Japanese subject matter. It is these charges that Rabinovitch's *Anthology of Kanshi by Japanese Poets of the Edo Period* brings against Fujiwara Seika while admitting that his poetry has "an appeal of its own" [Bradstock & Rabinovitch 1997, p. 44]. Her volume opens with five quatrains by Seika, which, judging by the notes, seem to have been selected from the NKBT annotated edition *Gozan bungaku shū, Edo kanshi shū* (五山文学集・江戸漢詩集) [Yamagishi 1966, pp. 169–171].⁵

Donald Keene's earlier evaluation of Seika's *kanshi* is even less magnanimous. In *World Within Walls*, he writes:

Seika's reputation as a poet is dismal. No one has much praise for the many poems he dutifully wrote as a good Confucianist. ... Seika and his many spiritual descendants found it far more congenial to write poetry of this impersonal variety than to follow the injunctions of the *Kokinshū* and base their poetry on their emotions [Keene 1976, pp. 537–538].

Keene's position echoes that of Watson and Rabinovitch. On closer inspection, it, too, appears to owe much to Japanese scholarship, particularly Matsushita Tadashi's *Edo jidai no shifū shiron* (江戸時代の詩風詩論) [Matsushita 1969]. I argue, however, that reliance on a very limited number of primary sources and uncritical acceptance of secondary scholarship by Watson, Rabinovitch, and Keene has resulted in a distorted view of Seika's *kanshi* poetics. Below I will demonstrate that it can hardly be said to suffer from the three defects mentioned earlier. I will begin, however, by challenging Keene's conclusion that Seika's reputation as a poet was "dismal" by turning to early modern evaluations of his oeuvre.

One of the most laudatory references to Seika's literary work is found in a preface to *Seika sensei bunshū* (惺窩先生文集) by Retired Emperor Go-Mizunoo (後水尾, 1596–1680).⁶ It is not at all surprising to see such paeans in prefaces written in accordance with Chinese literary convention, but it is still meaningful since at the time no praise could surpass that of the sovereign:

I happened to request this collection and, when I saw it, forgot of food and sleep. With it, I was able to purify my every thought and penetrate all moral principles. My sight and hearing achieved clarity, and my very soul was cleansed. Like a dragon guarding a precious gem and unwilling to release it, I "cleaved to it in moments of haste and in seasons of danger" [*Seika sensei bunshū* 1969–1970 (hereafter abbreviated to "SSB"), p. 43].⁷

A more impartial description of Seika's poetic prowess can be found in the *Nihon shishi* (日本詩史), a history of Japanese *kanshi* by Emura Hokkai (江村北海, 1713–1788). Hokkai begins

⁵ It is curious that Yamagishi, in another work entitled *Kinsei kanbungakushi*, opines that Seika's *kanshi* are "prosaic" and that there are "few of them worth examining" [Yamagishi 1987, p. 57].

⁶ This collection was compiled by Reizei Tametsune (冷泉為経, 1654–1722), Seika's descendant, preface dated 1651. It was preceded by two less comprehensive collections edited by Razan and his son Gahō (鶯峰, 1618–1680), but it was Tametsune's work that received imperial patronage and was also sponsored by Tokugawa Mitsukuni (徳川光圀, 1628–1701). It was transcribed and collected as part of *Zokuzoku gunsho ruijū* (続々群書類従), and it is to this edition that I will refer throughout this study (consulting, whenever necessary, a manuscript copy held by Waseda University Library).

⁷ The closing phrase is an allusion to the *Analects*, IV.5; my rendering is inspired by James Legge's.

by recognizing the superiority of Seika's Sinitic verse when compared with the older poetic tradition of the *gozan* (五山) monks:

At that time, *gozan* poetry was still in its prime, and some of [its practitioners] were praised for their exceptional talent. Yet whenever they would meet Seika, they would be defeated, unable to resist him [Shimizu 1991, 84].

Having established Seika's position vis-à-vis the *gozan* tradition, Hokkai proceeds to emphasize his ingenuity in extemporaneous composition and his ability to impart deep meaning to even the most trivial verse:

After Seika's conversion to Confucian learning, people were daunted by the fact that he was upright but at the same time managed to remain elegant and didn't abandon literary pursuits. Once during the blossom season he travelled to Ōhara and composed a poem while visiting Toyotomi Chōshō[shi].⁸ ... Since it is but a playful improvisation, its form and diction need not even be discussed. Yet its conceit and intricacies are enough to prove Seika's depth [Shimizu 1991, p. 85].

The above is sufficient to cast doubt on Keene's argument that Seika's poetic reputation was "dismal." However, another example may be in order here. It is an oft-quoted passage from *Gakumon genryū* (学問源流), a history of Japanese Confucian learning by Nawa Rodō (那波魯堂, 1727–1789), which states:

Seika's learning was proper and vast. Yet, among his writings, there are many passages with unclear diction and meaning. In his verse (Jp. *shi* 詩), he relies on both Tang and Song poetry collections. In his prose (Jp. *bun* 文), he falls back on the Four and Eight Greats.⁹ Still, his being an imperfect age, here and there he fails to avoid interference from Japanese (Jp. *waki washū* 和氣和習) [Nawa 1799, p. 8b].

If cut off here, this passage does appear to proffer a rather unsavory evaluation of Seika's literary prowess. In fact, this is where both Ōta Seikyū and Nagaoka Mariko (長岡麻里子) close their quotations of *Gakumon genryū* [Ōta 1985, p. 171; Nagaoka 1979, p. 54]. However, I believe that a fuller quotation reveals the true import of Rodō's argument:

Nonetheless, had he continued honing his learning gradually, he would have attained even to the purity of Zhou Dunyi, the Cheng brothers, Zhang Zai, and Zhu Xi.¹⁰ It [i.e., his learning] is blameless in its entirety. As for the famous *kanshi* poets of Seika's time, Ishikawa Jōzan loved Seika's verse and studied poetry under him. He truly exerted his effort to the utmost, but, perhaps owing to the trends of the time, his poetry lacked loftiness and a harmonious diction. ... Since even Jōzan was like this, one can know what the style of poetry was like at that time by extrapolation [Nawa 1799, pp. 8b–9a].

Here we learn that, far from being derogatory, Rodō's comments on Seika's poetry are, in fact, quite positive. After all, his verse is considered to be roughly on the same level as that of Ishikawa Jōzan (石川丈山, 1583–1672), the first "professional" *kanshi* poet of Japan admired by

⁸ Chōshōshi (長嘯子) was Kinoshita Katsutoshi's (木下勝俊, 1569–1649) pseudonym.

⁹ "The Four and Eight greats" refers to famous Tang (唐) and Song literati.

¹⁰ The founding fathers of Neo-Confucianism.

none other than Burton Watson. In sum, the preceding discussion demonstrates that Keene's — and, by extension, Rabinovitch's — characterization of Seika as a poet is inconsistent with the opinion of leading early modern critics. It is, therefore, important to find out whether the accusations of derivativeness, impersonality, and a lack of a genuinely Japanese sensibility often levelled against Seika are in fact true.

Unconventional diction and personal tone in Seika's *kanshi*

When scholars of *kanshi* such as Watson and Rabinovitch speak of “derivative” or “conventional” language, they refer to large-scale borrowing and imitation of Chinese precedent characteristic of some Sinitic verse. Needless to say, the high Tang poets such as Li Bai (李白, 701–762) and Du Fu (杜甫, 712–770) continued to exert immense influence on Japanese *kanshi* writers throughout the Tokugawa period, and it is difficult to ascertain precisely where a line should be drawn between poetic inspiration and outright mimicry. One criterion does come to mind, however: it is a well-known fact that writers of regulated verse (or “new style poetry,” Ch. *jintishi* 近体詩) strove to avoid the use of pronouns, auxiliary particles, and other function words in their poems, hoping to say as much as possible within the limited space of the most popular *jintishi* forms, the *jueju* (絕句) and the *lüshi* (律詩). However, Seika's verse, while almost entirely confined to the *jueju* and *lüshi* forms, appears to be relatively unincumbered by such considerations. In fact, my reading of *Seika sensei bunshū* suggests that he often favored the use of function words and pronouns, particularly 与, 又/亦, 哉, 此, 是, and even the highly unexpected and archaizing 兮. The example below demonstrates this quite aptly:

元旦試筆

我性不関間与忙
山林城市又何妨
春来忽被风光触
作鳥歌兮作蝶狂

“First poem of the year written on New Year's day” (Gantan shihitsu) [SSB, p. 63]

By nature unaffected by leisure and business,
In mountain groves or amidst city bustle, what is there to restrain me?
With the coming of spring, suddenly spurred by its splendor,
I sing like a bird and dance the mad dance of butterflies!

Function words are found in every line of the poem (including the passive marker 被 in line three); another curious feature of this quatrain is Seika's disregard for the conventional 2-2-3 caesura pattern in the last couplet.¹¹ This almost prosaic diction is atypical of regulated verse, but Seika uses it in a large number of his poems, and more examples of it can be observed below.

Another technique that is not at all common in the shorter regulated verse forms but which Seika appears to enjoy is repetition and alternation:

逢坂関

天下三関逢坂関
往還還往不曾関
蝉丸去後無人会

“Ōsaka Barrier” (Ōsaka no seki) [SSB, p. 66]

Ōsaka Barrier, one of the Three Barriers of the realm;
With all the coming and going, it's never seen a moment of peace.
Yet, since Semimaro passed away, nobody there has been worth meeting.

¹¹ In septasyllabic *jueju* the first caesura usually falls between the first two and the middle two syllables, followed by a caesura between the middle two and the final three syllables.

依旧両山围一湾 Only the two peaks embrace the bay, unchanged from ages past.

次韻紹意子 **“With rhymes by Jōishi” (Jōishi ni jiin su) [SSB, p. 71]¹²**

喜見新功詩思情 I’m glad to witness your new achievement on the path of poetry.

知君勤學歷多程 I know that you’ve been studying hard for a very long time.

秋牕夜諷孤燈淡 On autumn nights, you recite verse by the window, lit by a lone faint lamp,

梧葉聲兼書葉聲 As the flutter of parasol tree leaves mixes with that of pages.

Repetition and alternation of identical syllables is the primary trope of “Ōsaka Barrier,” which is based on the story of the famous blind lute player and poet Semimaro (fl. early Heian, also Semimaru, 蟬丸). He is said to have resided nearby Ōsaka Barrier and composed the following *waka* [Mostow 1996, p. 171]:¹³

kore ya kono	So this it is! That
yuku mo kaeru mo	going, too, and coming, too,
wakaretsutsu	continually separating,
shiru mo shiranu mo	those known and those unknown,
Ōsaka no seki	meet at the Barrier of Ōsaka.

Seika’s “Ōsaka’s Barrier” is clearly intended as a playful reinterpretation of the syntax of Semimaro’s *waka* and exhibits, to borrow Rabinovitch’s words, “a distinctively Japanese sensibility” (more will be said about this in the following section). Its first couplet contains both repetition (関 ... 関) and alternation (往還還往), which are difficult to convey in an English rendering. The same can be said about the concluding line of “With rhymes by Jōishi,” where Seika plays with the polysemanticity of the word “leaf” (葉) by simultaneously applying it to natural phenomena (tree leaves) and manmade physical objects (sheets of paper). Repetition and alternation are among Seika’s favorite tropes, despite being atypical of shorter regulated verse forms.

At this point it has become clear that Seika’s poetics cannot be called “derivative” judging by standard conventions of regulated verse. Moreover, scholars have proven that Seika did not strive to imitate any single poet or style of *kanshi* [Matsushita 1961, pp. 7–14; Wang 2002, p. 95]. But what of charges of “impersonality” often leveled against *kanshi* poets from the first century of the Tokugawa period, Seika included? In this regard, I will confine myself to a single example, which proves that Seika’s poetry can hardly be blamed for such a shortcoming:

¹² I have not been able to establish the identity of Jōishi with absolute certainty. Perhaps, this poem refers to Furuichi Jōi (古市紹意, fl. late sixteenth to early seventeenth century?), a tea ceremony master from Kyoto.

¹³ While aptly conveying the syntactic structure of the original, Mostow’s rendering is strikingly artless. My own translation is as follows: “So this is the fabled / Ōsaka Barrier! / Where those who come and go part ways / And the familiar and strange / cross their paths!”

“Mr. Lone Smile” (独笑献笑, *Dokushō kenshō*) [SSB, p. 83]

Some time ago I got a hold of a small bronze figurine of a Daoist immortal: I bought it for a piece of fine silver. As I recall, Nawa Kassho had told me where to find it.¹⁴

I placed the figurine in my study as a trinket. When visiting moonlit flower gardens and gorgeous mountain streams, I would take it with me as a poet’s friend and drinking companion.

At one point Tomishima Genko brought me a gift: an old piece of bronze resembling a bamboo hat.¹⁵ When I tried capping the figurine with it, it turned out to be a perfect match and fit snugly. What a marvelous coincidence!

I gave the figurine a proper name, calling it Mr. Lone Smile. At that time the sky over the spring hills had just cleared up, and it was quiet all around. I decided to write the figurine this poem: as expected, it was smiling at me. And so I smiled too. The hills were also smiling, making three of us.

If Razan had been there to see it, surely he would have composed a piece of poetry criticism...

Now I’ve wiped the dust off my bed and am waiting for my three friends to come over. I also want to show this poem to my student Kyūen to see yet another smiling face!¹⁶

偶得銅仙心快哉	I’ve come across this figurine: my heart is so happy!
傾頭擎手口容開	Its head is tilted, its arms raised, a grin on its face.
命名独笑今非独	I named it Mr. Lone Smile, but he’s lonely no more:
我笑春山献笑来	For I’m smiling too, and so are the spring hills.

Jueju quatrains combined with prosaic prefaces were among Seika’s favorite poetic forms. Moreover, I believe that most of his best compositions can only be appreciated when the preface is taken to form an organic unity with the poem. “Mr. Lone Smile” is a perfect example of this kind of prose-verse symbiosis. When taken in isolation, its closing quatrain strikes the reader with its simplicity, yet when coupled with the preface, it turns into a personal and touching poetic miniature. In a few strokes of the brush, Seika paints a homely yet somewhat melancholic picture of his life in Ichihara (市原), a village north of Kyoto where he resided in semi-reclusion in the latter half of his life. His relationships with students and friends are juxtaposed with his loneliness, while the mentioning of the scholarly and uptight Razan with his “poetry criticism” results in a humorous effect. It is also worth pointing out that the quatrain itself is fully equipped with Seika’s favorite

¹⁴ Nawa Kassho (那波活所, 1595–1648), a prominent student of Seika, one of the “four heavenly kings” of Seika’s school.

¹⁵ Tomishima Genko (富島元古, dates unknown), another friend and, perhaps, student of Seika. Boot identifies him with one Shibue Shunkō (渋江春江) [footnote 50 in Boot 1983, p. 232].

¹⁶ Kyūen (岌淵) was a pseudonym of Takeda Mōan (武田蒙庵, 1561?–1619?), another student of Seika.

poetic devices (repetition and alternation) and utilizes fairly prosaic wordings (note the function word 哉, the auxiliary verb 来, and the plain syntax of 今非独).

“Mr. Lone Smile” is a deeply “personal,” albeit lighthearted work. *Seika sensei bunshū* contains many others just like it, some of which will be introduced in the following section. Here one conjecture may be offered as to why scholars such as Watson and Rabinovitch consider Seika’s and other early Tokugawa poetry “impersonal.” Earlier I have noted that both appear to base their conclusions on a limited number of works. More importantly, following the modernist idea of a poem being, by necessity, an independent and fully complete composition, they pay less attention to pieces that include prefaces and other paratextual elements. At the same time, my reading of *Seika sensei bunshū* suggests that Seika can be called a master of such poetic miniatures. In fact, they bear a striking resemblance to the *shihua* 詩話 (Jp. *shiwa*), a peculiar and somewhat ambiguous premodern genre often combining elements of poetry criticism, storytelling, and versification.¹⁷ It is with such poetic miniatures that the following section is primarily concerned.

Sino-Japanese synthesis in Seika’s *kanshi*

One of the most significant faults that Watson and Rabinovitch find with Sinitic poetry written during the first century of Tokugawa rule is its purported inability to deal with native, Japanese subject matter and its lack of a “distinctively Japanese sensibility.” In the previous section I have introduced “Ōsaka Barrier,” a quatrain by Seika which not only references Japanese literary lore, but goes so far as to play with its source text’s (in this case, a *waka* by Semimaro) syntax. This immediately puts to question the assertion that Seika, like other early Tokugawa *kanshi* poets, was incapable of engaging with Japanese topoi in a meaningful way. In this section, I will further argue that Seika often experimented with such topoi on lexical, syntactic, and, most importantly, thematic levels. This experimentation is best revealed in his poetic miniatures (i.e., preface + poem), but not at all absent from stand-alone poems:

贈鶴峯

貼扇雖輕情豈空
陋邦物產愧贈公
寸誠可記朝鮮国
一掬猶伝日本風

“Presented to Hakpong” (Kakuhō ni okuru) [SSB, p. 59]

This paper fan is light, but my feelings aren’t trivial.
A product of our remote land, I’m ashamed to gift it to you.
Pray remember my sincerity back in Korea,
As this fan’s every swing brings a gust of wind from Japan.

富士山

遠為土峯成此遊
吟眸处处幾回頭
青天忽見素羅笠
羅笠檐中十五州

“Mt. Fuji” (Fujisan) [SSB, p. 67]

I’ve come on this long journey to see Mt. Fuji.
I turn my head, searching for it here and there, hoping to write a poem.
Suddenly a white gauze hat appears in the blue skies,
And under its eaves—fifteen provinces.

The first example is a quatrain that Seika presented to Kim Sōng’il (金誠, 1538–1593, styled Hakpong), a Chosŏn (朝鮮) statesman who was dispatched as an envoy to Japan in 1590. Following contemporary custom, Seika exchanged poems with Kim, and this one seems to have been his

¹⁷ For a brief yet excellent introduction to Japanese *shiwa*, see Ibi Takashi (揖斐高), “Shiwa taigai” (詩話大概), in *Nihon shishi, Gozandō shiwa* [Shimizu 1991, pp. 583–587].

farewell gift. While otherwise conventional, this poem exhibits one curious feature: the word Seika uses to denote a paper fan, 貼扇 **tieshan*, which is not, to the best of my knowledge, attested in Chinese dictionaries. In fact, 貼扇 is the *kanji* spelling of the native Japanese *hariōgi* with the same meaning. One can only speculate as to why Seika, a learned man certainly capable of using appropriate Sinitic vocabulary, chose to incorporate a distinctively Japanese word in his composition. Perhaps he wished to impart to this literary memento a flourish of foreign exoticism or perhaps the fan was fashioned in such a distinctively Japanese way as to warrant lexical innovation. One thing is clear: here and elsewhere Seika does not shy away from such literary experimentation.

The example of “Mt. Fuji” offers a somewhat different insight. It is beyond doubt that in this quatrain Seika works with native poetic material, namely Mt. Fuji, but it is his metaphorical use of the “white gauze hat” that deserves further comment. An earlier quotation from *Gakumon genryū* mentioned the fact that the famous *kanshi* poet Ishikawa Jōzan studied under Seika and enjoyed his verse. Coincidentally, one of his most famous quatrains still admired today and often chanted at *shigin* 詩吟 competitions makes use of a very similar conceit:

“Mt. Fuji” [Bradstock & Rabinovitch 1997, p. 60]

Celestial visitors come to play from the peaks beyond the clouds.

Ancient sacred dragons dwell deep within her cavernous depths.

A pure white fan turned upside-down in the sky above the eastern sea

With snow so like the finest silk and a plume of smoke for a handle.

Whether in composing this verse Jōzan was inspired by his teacher’s work is impossible to tell. What is crucial is the fact that while being largely skeptical about Seika and his contemporaries’ poetic prowess, both Watson and Rabinovitch treat Jōzan with unusual warmth [Watson 1990, p. 6; Bradstock & Rabinovitch 1997, p. 24]. In my view, both scholars are not justified in drawing such a stark line between the “derivative” Seika and the trailblazer Jōzan given the similarities between the two.

Further evidence for my claim that Seika did in fact successfully engage with Japanese topoi and was able to exhibit a distinctively Japanese sensibility in his verse can be found in Seika’s poetic miniatures:

“Mt. Ogura” (小倉山, Ogurayama) [SSB, p. 79]

Among the mountains west of the capital there is one called Mt. Ogura. Secluded and refreshing, it has attracted reclusive gentlemen since ancient times. Some erected their detached villas there; others confined themselves to grass huts. Countless people have done so, just like the Venerable Saigyō or Fujiwara Teika.¹⁸

¹⁸ Both Saigyō (西行, 1118–1190) and Teika (定家, 1162–1241) were among the most well-known *waka* poets in Japanese history. Teika owned a detached villa on Mt. Ogura.

One day Munetaka—a man of elegance—and I called on Haruyuki in his home library [nearby Mt. Ogura].¹⁹ Enjoying the cool of the evening and treading on moonlight, we went for a stroll and casually chanted poems. Then we saw some reminders of the wise men of the past. A lament by Li Bai kept crossing my mind: “People of today can’t see the moon of old, but it is this moon that once shone on the men of antiquity.”²⁰

Inspired by this, I composed a little poem and offered it to Munetaka and Haruyuki. Let it serve as a promise of another such outing.

小倉山下屢經過	The foot of Mt. Ogura has been oft-trodden;
聞說先賢行樂窩	I hear tell that wise men of old retired here to enjoy themselves.
今夜坐來古時月	Tonight’s moon is the same as it was in the distant past:
月搖松竹亦倭歌	Rising over pines and bamboo—just like in a <i>waka</i> !

In his preface and quatrain, Seika draws poetic inspiration from two sources: Li Bai’s verse and *waka* lore. The closing line of the *kanshi* echoes the following Japanese poem by Saigyō, who is mentioned in the preface [Minemura 1995, p. 185]:

<i>Ogurayama</i>	Mt. Ogura:
<i>Fumoto no sato ni</i>	When leaves scatter
<i>Konoha chireba</i>	In the village by its foot,
<i>Kozue ni haruru</i>	I view the bright moon
<i>Tsuki wo miru kana</i>	That shines over tree branches!

Not only does Seika’s “Mt. Ogura” make use of a native location and play with a Japanese sensibility, but it goes further by synthesizing it with Chinese poetic precedent. Seika moves freely between Chinese and Japanese topics, only to further refute a once predominant preconception that Sinitic literature is somehow unworthy of being considered part of the Japanese canon. The same technique is employed in the following work as well:

**“The Sumida River, with a preface” (角田川并序,
Sumidagawa narabi ni jo) [SSB, p. 69]**

Just a few steps to the east from Asakusa there is a river called the Sumida. As I was taking in the view dotted with little boats and singing at the top of my voice, a pretty bird appeared, flapping its little wings. It was that bird “with a red beak and feet,” the one so vividly described in *waka* anthologies. And so I didn’t need to ask about its name to know that it was a *miyako-dori*, “the bird of the capital.”

After all, a thing’s name reflects its nature, for in this bird’s singing there was something reminiscent of the capital. Without even realizing it, I succumbed to longing

¹⁹ Kako Munetaka (賀古宗隆, dates unknown) was an old friend of Seika’s; Haruyuki is the given name of Yoshida [also Suminokura] Soan (吉田[角倉]素庵, 1571–1632), Seika’s student.

²⁰ This refers to Li Bai’s “Raising a wine cup and asking the moon” (把酒問月, Ba jiu wen yue).

for my home. When even “the birds of Yue nest on southern branches, and Hu horses neigh facing north,” why should people be any different?²¹

A long time ago Bai Juyi was demoted and sent to the shores of the Panshui in Jiangzhou. While in his boat, he overheard the sounds of a *pipa* reminiscent of the capital, and tears soaked his gown. It is a beautiful tale for a thousand years.

In China and in Japan, on the shores of the Panshui in Jiangzhou and the Sumida in Edo, travelers from the capital are similarly moved by familiar sounds. My only shame is that I was unable to compose a ballad about it! Even so, can one say that the singing of this bird is inferior to the *pipa* music played by that merchant’s wife? Ah!

飛鳴有鳥角田川
名曰京都声自然
我亦舟中湓浦客
斷腸認作琵琶絃

Here, on the Sumida, a bird flies over and sings its song.
It’s called “the bird of the capital,” and its voice is worthy of its name.
Now I, too, am a traveler in a boat by the shores of the Panshui.
With pain in my heart, I hear in its chirping the strings of the *pipa*.

Seika’s “The Sumida River” is similar to “Mt. Ogura” in its attempt to synthesize continental and native poetic themes. Its preface draws on Bai Juyi’s (白居易, 772–846) “Ballad of the *pipa*” (琵琶行, *Pipa xing*), a ballad-style poem that tells the story of Bai’s exile to the south in 815. According to the ballad, while travelling by boat on an autumn night, the poet overheard the *pipa* being strummed with great skill by a famous lute player from the capital. Abandoned by her merchant husband, she found herself all alone in an inhospitable environment, and her story and connection to Chang’an greatly touched Bai Juyi. A native of Kyoto, Seika invokes an episode from *The Tales of Ise* (伊勢物語, *Ise monogatari*, ca. 10th c.), where the travelling protagonists witness “birds of the capital” catching fish in the Sumida and are similarly moved to tears [Mostow & Tyler 2010, p. 36]. It is noteworthy that, at least in this instance, both locations (the “deep south” of imperial China and the “deep east” of Japan where the protagonists of *The Tales of Ise* were headed) are traditionally associated with exile and intense longing for one’s home. Seika’s skillful juxtaposition of their literary significance is noteworthy.

“The Sumida River” is also a testament to Seika’s cosmopolitan disposition most well-known from his “Ship compact” translated in *Sources of Japanese Tradition* [De Bary 2001, pp. 39–40]. Yet the preceding discussion has made it abundantly clear that it did not result in unabashed Chinoiserie or a complete lack of a “distinctively Japanese sensibility.” Quite to the contrary, Seika’s *kanshi* are examples of an active and conscious attempt to synthesize Chinese and Japanese motifs, nay, to see them as constituents of a unified Sino-Japanese literary continuum. But how do we explain this cosmopolitan poetics of Seika? I will conclude this study with several remarks concerning his views on poetry.

²¹ Seika uses a condensed version of two lines originating in the *Selections of Refined Literature* (文選, *Wenxuan*, 6th c.).

Conclusion: Seika and the ideal of “living verse”

To reiterate: Anglophone scholars suggest that Sinitic poetry from roughly the first century of the Tokugawa period—including poetry by Fujiwara Seika—suffers from three major defects: (a) a derivative and uninventive diction, (b) a significant lack of individuality, and (c) failure to use *kanshi* to represent distinctively Japanese subject matter. However, this argument is not borne out by concrete evidence when applied to Seika’s *kanshi*. In particular, Seika’s poetic language can hardly be called derivative, his tone is often endearingly personal, and his engagement with native topoi and *wabun* 和文 lore is one of the defining features of his work. I have already conjectured that the opinions of Keene, Watson, and Rabinovitch regarding early Tokugawa *kanshi* and Seika’s poetry specifically are a result of their reliance on a limited number of texts contained mostly in modern annotated anthologies, their uncritical acceptance of Japanese secondary scholarship, and their modernist understanding of what “a poem” ought to be.

To gain a better grasp of Seika’s poetics, an investigation of his own opinions on the matter is in order. Matsushita Tadashi does just that in his “Fujiwara Seika no shibunron” and comes to the following conclusions [Matsushita 1961, pp. 1–15]:

1. Seika considered literary pursuits to be secondary to the Confucian practice of the Way.
2. While believing that literature was a vehicle for the Way, he did not support the supposedly common Neo-Confucian idea that literature is harmful and considered it essential to self-cultivation.
3. While not trained as a *kanshi* poet, Seika showed a significant interest in the matter and was exceptionally well-read.
4. His tastes in poetry were highly eclectic; there was no single poet or style he strove to imitate.
5. In poetic composition, Seika emphasized spontaneity and truthfulness over formal embellishments.

Points 4 and 5 can be further illustrated by a preface to one of Seika’s impromptu quatrains, which reads much like a literary manifesto and deserves to be quoted in full:

**“With Rhymes by Ōmura Baian, with a preface” (次韻梅庵由己并序,
Baian Yūko ni jiin su narabi ni jo) [SSB, p. 70]²²**

Looking at Japanese *kanshi* of late, I have been perplexed for some time by one thing. What the men of old, in their evaluations of poetry, considered skillful, ornate, and exceptional does not at all agree with the compositions and criticism of today. This is why I became perplexed.

Someone told me, “It’s the nature of poetry to change over time and produce different schools. Now you’re perplexed because the men of today don’t match the men of antiquity, and because the various poets don’t conform to a single school. This is like building a boat to traverse land or a chariot to sail on water. Isn’t it foolish and deluded?”

²² Ōmura Yūko (大村由己, 1536?–1596, styled Baian 梅庵) was a prominent monk and Confucian scholar. Seika’s collected works contain several exchanges with Yūko, who seems to have influenced Seika’s understanding of literature and the arts.

I responded, “Historical change and dissimilar schools are certainly a fact. But as for the reasons why a poem may be considered good or poor, I completely disagree. Can there be a difference between the past and the present, or between Japan and China, when it comes to this?”

“Consider hawthorns and pears, or tangerines and pomelos. They all have different flavors, but each is pleasing to the palate. Conversely, that which is not pleasing to the palate is not proper to consume. And so it is with poetry, too: the dissimilar flavors are like historical differences or divergent schools. So that which pleases the palate is good poetry; if it fails to do so, it is poor.”

When I reached this conclusion, my perplexity became even deeper, and my confusion only grew. Yet I had never studied poetry, so how could I dispel my confusion and get rid of perplexity? I could only sigh...

In the summer of the *guisi* year [i.e., 1593], I accompanied Lord Kobayakawa Hideaki on a trip to Nagoya Castle in Hizen.²³ Old master Baian was also present to attend on His Lordship the Chancellor.²⁴ One day, when he was free from official business, he invited me to have an idle chat. Our talk was far from finished when the scenery behind the window began to grow dark. It was raining, and we were lit by a single lamp standing on Baian’s bed. Just around daybreak, a tiny insect flew into the room flapping its wings and bumped into the burning lamp. Noticing this, master Baian composed a poem and showed it to me. Its final couplet read:

In my study, we’ve exhausted all talk: ten years of rain.²⁵

Now we laugh, watching a summer bug beating against the lamp.

My arms and legs did a little dance without my realizing it. “Master, your poem is so similar to those by men of antiquity!” I exclaimed. “Du Fu’s ‘Gazing at the cold river, I lean against the mountain pavilion,’ Su Shi’s ‘I laugh as I watch a hungry mouse climb my lampstand,’ Huang Tingjian’s ‘I leave my gate and let out a laugh; the Great River stretches before me’ ... all these lines are practically indistinguishable from your couplet.²⁶ Is it a masterful adaptation or a simple coincidence?”

“Now I realize that the words of that man from before were misguided and that my perplexity has been warranted. The knot in my chest has been untangled without anyone’s prompting, and the doubts in my heart have melted away on their own.

“Finally I understand: in its petty ornateness, the poetry of today is shallow. Often it becomes slave to historical allusions and stylistic requirements, only to lose its free and uncontrived form. Some say, however, that the poetry by men of antiquity completely

²³ Kobayakawa Hideaki (小早川英明, 1582–1602) was Toyotomi Hideyoshi’s nephew. Nagoya Castle (名護屋城) in Hizen (肥前) should not be confused with the contemporary city of Nagoya (名古屋).

²⁴ I.e., Toyotomi Hideyoshi.

²⁵ In this line, “rain” seems to be a poetic allusion to friendship.

²⁶ Here Seika is referring to the following poems: “Ballad on binding a chicken” (縛鷄行, *Fu ji xing*) by Du Fu (杜甫, 712–770), “Sitting down at night with my nephew Anjie travelling from afar” (侄安節遠來夜坐, *Zhi Anjie yuanlai yezuo*) by Su Shi (蘇軾, 1037–1101), and “Received fifty branches of daffodils from Wang Chongdao” (王充道送水仙花五十支, *Wang Chongdao song shuixianhua wushizhi*) by Huang Tingjian (黃庭堅, 1045–1105).

lacks mastery. It seems that they only recognize skill and beauty in useless ornateness—like engravings on ice—and fail to discern the hidden treasure that water holds, which is salt.

“Zhuang Zhou said: ‘They dug one orifice in him every day, and at the end of seven days Hundun died.’²⁷ Is it not the same with poetry? Whether it be in its conceit or its form, its beginning, middle, or end, if someone tries to forcibly shape a poem as though with an ax or a chisel, he will invariably end up with dead verse. Living verse! That’s what it’s all about! And if someone has been able to preserve Hundun’s virtue, it is you, master!

“From now on I wish to join your poetic coterie to study the art and shake off the dust of the world. If you permit this, I will benefit greatly. Please don’t reject me because of my old age!”

This preface aptly illustrates Seika’s poetic preferences. He opposes the idea that any historical period or any school of poetry should be given priority but insists on the existence of some universal standards of poetic quality. It is important to emphasize that Seika believes these standards to be equally valid in both China and Japan. Moreover, Seika maintains that empty ornamentation and extensive attention to formal elements of verse will invariably result in “dead verse” (Jp. *shiku* 死句). Conversely, Baian’s ability to compose good poetry extemporaneously reveals to him the importance of “living verse” (Jp. *kakku* 活句), a product of “naturalness” and spontaneity as opposed to formalism.²⁸ The poetic ideal of “living verse” helps to explain Seika’s frequent use of somewhat prosaic language replete with function words: if one chooses to compose regulated verse extemporaneously, such linguistic elements can be profoundly helpful, lest one make constant recourse to rhyme dictionaries and poetic encyclopedias. Moreover, if verse is to be “living,” a Japanese *kanshi* poet is more or less forced to incorporate native poetic topoi in his work to respond to the call of inspiration here and now, which Seika successfully does in his poetic miniatures.

In light of the above, it becomes clear that contemporary scholars need to direct more attention to the Sinitic part of Japan’s literary heritage. While the utter disregard that “national literature historiography” (Jp. *kokubungakushi* 国文学史) customarily paid to *kanbungaku* has become a thing of the past, its echoes are still strong in the field, and the mischaracterization of Seika’s works by Anglophone scholars is but one example of this. It is my hope that this brief study has demonstrated that many fascinating avenues for further research still lie hidden and that more scholars will seize these opportunities and take the study of Sinitic literature in Japan to a new level.

²⁷ A quotation from the *Zhuangzi*, VII.7; my rendering is inspired by James Legge’s.

²⁸ The term *kakku* (lit. “living phrases”) also has a Zen connotation. According to Muller’s *Digital Dictionary of Buddhism*, it refers to a “statement or response, usually made in the course of Chan [=Zen] encounter dialogue, which comes forth from genuine and spontaneous personal actualization, and is thus helpful in terms of leading others to self-realization” (see the entry under “活句,” <http://www.buddhism-dict.net/ddb/>, accessed August 23, 2022). The same term was also used prominently in Chinese poetry criticism from the Song dynasty on. Whether Seika’s Zen-oriented education plays a role in his choice of this term is, perhaps, an unanswerable question—especially given the fact that by his time *gozan* education had become thoroughly eclectic and some of the monks were “Buddhist” in name only. Yet it makes clear sense when placed within the context of the *Zhuangzi* legend of Hundun.

REFERENCES

- Boot, W.J. (1983). *The Adoption and Adaptation of Neo-Confucianism in Japan: The Role of Fujiwara Seika and Hayashi Razan*. PhD diss. Leiden University.
- Bradstock, T.R. and Rabinovitch, J.N. (1997). *An Anthology of Kanshi (Chinese Verse) by Japanese Poets of the Edo Period (1603–1868)*. Lewiston: Edwin Mellen Press.
- Bradstock, T.R. and Rabinovitch, J.N. (2002). *The Kanshi Poems of the Ōzasa Tanzaku Collection: Late Edo Life through the Eyes of Kyoto Townsmen*. Kyoto: International Research Center for Japanese Studies.
- De Bary, Wm. T. et al. (Eds.). (2001). *Sources of Japanese Tradition: Volume Two, 1600 to 2000*. New York: Columbia University Press.
- Inoguchi, A. & Matano, T. (1982). *Fujiwara Seika, Matsunaga Sekigo*. Tokyo: Meitoku shuppansha. (In Japanese).
- Keene, D. (1976). *World within Walls: Japanese Literature of the Pre-Modern Era, 1600–1867*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Matsushita, T. (1961). Fujiwara Seika no shibunron [The poetic theory of Fujiwara Seika]. *Shibun*, 29, 1–15. (In Japanese).
- Matsushita T. (1969). *Edo jidai no shifū shiron: Min, Shin no shiron to sono sesshu* [Poetic style and theory in the Edo Period: The poetic theory of Ming and Qing and its absorption]. Tokyo: Meiji shoin. (In Japanese).
- Minemura, F. (Ed.). (1995). *Shin kokin wakashū*. Vol. 43. Tokyo: Shōgakusan (SNKBZ series). (In Japanese).
- Mostow, J.S. & Tyler, R. (2010). *The Ise Stories: Ise Monogatari*. Honolulu: University of Hawai‘i Press.
- Mostow, J.S. (1996). *Pictures of the Heart: The Hyakunin isshu in Word and Image*. Honolulu: University of Hawai‘i Press.
- Nagaoka, M. (1979). Fujiwara Seika kenkyūshi [The history of Fujiwara Seika studies]. *Shisen*, 53, 51–57. (In Japanese).
- Nawa, R. (1799). *Gakumon genryū* [The origins of learning]. Osaka: Sūkōdō. (In *kanbun*).
- Ooms, H. (1985). *Tokugawa Ideology: Early Constructs, 1570–1680*. Princeton: Princeton University Press.
- Ōta, S. (1985). *Fujiwara Seika*. Tokyo: Yoshikawa kōbunkan. (In Japanese).
- Seika sensei bunshū [The collected works of Fujiwara Seika]. (1969–1970). Compiled by Reizei Tametsune. In *Zokuzoku gunsho ruijū* (Vol. 13, pp. 43–131). Tokyo: Zoku gunsho ruijū kanseikai. (In *kanbun*).
- Seika sensei bunshū*. (1836). Compiled by Reizei Tametsune. 1836 manuscript edition, Waseda University Library. (In *kanbun*).
- Shimizu, S. et al. (Eds.). (1991). *Nihon shishi, Gozandō shiwa*. Vol 65. Tokyo: Iwanami shoten (SNKBT series). (In Japanese, original *kanbun*).
- Wang, Jingyu. (2002). Fujiwara Seika ni okeru To Ho shi juyō [The reception of Du Fu’s poetry by Fujiwara Seika]. *Hikaku shakai bunka kenkyū*, 12, 91–100. (In Japanese).
- Watson, B. (1968). Some Remarks on the *kanshi*. *The Journal-Newsletter of the Association of Teachers of Japanese*, 5 (2), 15–21.
- Watson, B. (1975). *Japanese Literature in Chinese: Poetry and Prose in Chinese by Japanese Writers of the Later Period*. New York: Columbia University Press.
- Watson, B. (1983). *Grass Hill: Poems and Prose by the Japanese Monk Gensei*. New York: Columbia University Press.
- Watson, B. (1990). *Kanshi: The Poetry of Ishikawa Jōzan and Other Edo-Period Poets*. San Francisco: North Point Press.
- Yamagishi, T. (1987). *Kinsei kanbungakushi* [A history of early modern Sinitic literature]. Tokyo: Kyūko shoin. (In Japanese).

Yamagishi, T. (Ed.). (1966). *Gozan bungaku shū, Edo kanshi shū*. Vol. 89. Tokyo: Iwanami shoten (NKBT series). (In Japanese, original *kanbun*).

Поступила в редакцию: 24.08.2022
Принята к публикации: 03.09.2022

Received: 24 August 2022
Accepted: 3 September 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Российская колония на Уруп (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил

В.В. Щепкин

Аннотация. В статье излагается история российского поселения на острове Уруп в 1795–1805 гг. на основе сравнительного изучения опубликованных российских и японских источников, выясняются цели основания поселения и причины его ликвидации. Основанное по инициативе сибирского купца Г.И. Шелехова, российское поселение сыграло важную роль как в российско-японских отношениях, так и в политике японского правительства в отношении айнов и их земель, особенно южных Курильских островов, на рубеже XVIII–XIX вв. Поселение было основано в виду возможного установления торговых отношений между Россией и Японией после экспедиции А. Лаксмана, получившего в 1793 г. разрешение на заход одного российского судна в Нагасаки для продолжения переговоров. В составе отряда было несколько крестьянских семей для изучения возможности хлебопашества на Урупе, а также несколько десятков промысловых работников для охоты на каланов, часть которых, однако, покинула остров в первые годы из-за жестокого поведения главы поселения Василия Звездочётова. Оставшимся удалось установить торговые отношения с айнами южных Курильских островов и получать через них японские продуктовые товары. Однако с прибытием японской правительственной экспедиции на Итуруп в 1798 г. сведения об этих отношениях оказали определяющее влияние на перевод северо-востока Хоккайдо, Кунашира и Итурупа под прямое управление бакуфу, а также на характер японской политики в отношении местного населения – айнов. Стремление выдворить русских с Урупа и тем самым пресечь их отношения с айнами южных Курильских островов привели к решению японского правительства превратить Итуруп в естественную крепость и запретить местным жителям покидать остров, а русским и айнам северных и средних Курил – приезжать на него. В то же время длительное пребывание русских поселенцев на Урупе предотвратило распространение японского влияния к северу от Итурупа.

Ключевые слова: российско-японские отношения, айны, Курильские острова, эпоха Токугава, Российско-Американская компания.

Author: Щепкин Василий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт восточных рукописей РАН (адрес: Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18); доцент Департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Санкт-Петербурге (адрес: Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00401 («Айны в истории российско-японских отношений XVIII–XX вв.»).

Для цитирования: Щепкин В.В. Российская колония на Уруп (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил // Японские исследования. 2022. № 4. С. 38–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Russian settlement on the island of Urup (1795–1805) and its influence on Japan’s policy towards Ainu from southern Kurils

V.V. Shchepkin

Abstract. Based on comparative study of published Russian and Japanese sources, the article describes the history of the Russian settlement on the island of Urup in 1795–1805. First, it clarifies the goals of the foundation of the settlement and the reasons for its liquidation. Founded at the initiative of the Siberian merchant Grigorii Shelekhov, the Russian settlement played an important role both in Russo-Japanese relations and in the policy of the Japanese government towards the Ainu and their lands, especially in the southern Kuril Islands, at the turn of the 18th and 19th centuries. Russians founded the settlement in the view of future trade opportunities with Japan, since, a few years earlier, the Russian envoy Adam Laxman had received a permission to enter the port of Nagasaki to continue negotiations. In the beginning, Russians managed to start exchange of Japanese goods and supplies with the Ainu. After Japanese governmental expedition reached Iturup in 1798, however, information about relations between the Russians and the Ainu led to the transfer of the northeast Hokkaido, Kunashir, and Iturup under the direct control of the bakufu, as well as influenced the nature of Japanese policy towards the local population, the Ainu. The desire to expel the Russians from Urup and thereby stop their relations with the Ainu of the southern Kuril Islands led to the decision of the Japanese government to turn Iturup into a natural fortress and forbid the locals to leave the island, and the Russians and Ainu of the northern and middle Kuril Islands to come there. At the same time, the long stay of Russian settlers on Urup prevented the spread of Japanese influence north of Iturup.

Keywords: Russia-Japan relations, Ainu, Kuril Islands, Tokugawa period, early modern Japan, Russian-American Company.

Author: *Shchepkin Vasilii V.* Candidate of Sciences (History), Senior researcher, Institute of Oriental Manuscripts RAS (address: 18 Dvortsovaya nab., St. Petersburg, 191186, Russian Federation); Associate Professor, Department of Asian and African Studies, National Research University “Higher School of Economics” in St. Petersburg (address: 16, ul. Soyuza Pechatnikov, St. Petersburg, 190008, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0007-1143; E-mail: vshepkin@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Fundamental Research, project number 20-09-00401 (“Ainu in the history of Russo-Japanese Relations in 18-20 centuries”).

For citation: Shchepkin V.V. (2022). Rossiiskaia koloniia na Urupe (1795–1805) i ee vliianie na politiku Iaponii v otnoshenii ainov iuzhnykh Kuril [Russian Settlement on the Island of Urup (1795–1805) and its Influence on Japan’s Policy towards Ainu from southern Kurils]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 38–55. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Введение

Уруп – один из островов Курильского архипелага, принадлежащий к его южной группе. До второй половины XVIII в. на Уруп не было постоянных поселений айнов, поскольку остров являлся местом промысла каланов и других морских животных, в обилии обитавших в прибрежных водах. В сезон охоты сюда приезжали айны как северных, так и южных Курильских островов, поэтому Уруп стал ещё и местом встреч и сезонной торговли двух групп. Шкуры каланов, а также половые органы самцов морских котиков высоко ценились в традиционной китайской медицине как средство, оказывающее благотворное влияние на репродуктивную систему мужчин. Поэтому эти товары издавна пользовались большим спросом в Японии, а по меньшей мере с начала XVII в. входили в список обязательных подношений сёгунам от дома Мацумаэ, в чьём ведении находилась торговля между японцами и айнами.

Впервые посещённый российскими первопроходцами в 1768 г., Уруп надолго стал своего рода базой для контактов с айнами южных островов и японцами. В 1775–1785 гг. на Уруп обосновалась экспедиция под руководством И.М. Антипина и Д.Я. Шабалина, совершившая отсюда ряд плаваний к южным Курилам и Хоккайдо в поисках возможностей торговли. В 1795–1805 гг. здесь же расположилась колония поселенцев по инициативе сибирского купца Г.И. Шелехова. В 1828 г. поселение на Уруп было восстановлено уже как фактория Российско-Американской компании и просуществовало вплоть до передачи всей гряды Курильских островов Японии по Санкт-Петербургскому договору в 1875 г.

Истории этих поселений, а особенно их роли в становлении российско-японских отношений и в жизни курильских айнов, исследователи до сих пор уделяли немного внимания. Первым эту тему затронул П.А. Тихменев в широком контексте истории основания и деятельности Российско-Американской компании [Тихменев 1861, с. 44, 110–112]. В подробнейшем очерке истории Курильских островов А.С. Полонский осветил лишь деятельность первой экспедиции на Уруп 1775–1785 гг., а более поздние поселения обошёл вниманием [Полонский 1871, с. 441–467]. Некоторые данные японских источников о первых поселениях русских на Уруп приводит в своём монументальном труде Д.М. Позднеев [Позднеев 1909, с. 136–152]. Пожалуй, наиболее полно история российских поселений на Курильских островах и, в частности, на Уруп освещена в ряде работ сахалинского археолога В.О. Шубина [Шубин, Шубина 1985; Шубин 2010].

В данной статье будет рассмотрен один из наименее изученных периодов российского пребывания на Уруп – колония компании Г.И. Шелехова (с 1799 г. – Российско-Американская компания), существовавшая на острове в 1795–1805 гг., а также её влияние на политику японского военного правительства бакуфу в отношении России и айнов на рубеже XVIII–XIX вв. Поскольку материалы российских архивов, касающиеся этой темы, были в основном изучены В.О. Шубиным, мы изложим данные российской стороны, опираясь, в первую очередь, на его работы, а также на ряд опубликованных, но не использованных им архивных источников. Новизна же данной статьи будет заключаться в привлечении японских источников, в частности документов правительственной экспедиции на южные Курильские острова 1798–1803 гг. и сочинений, написанных её участниками.

Российская колония на Уруп: цели основания и причины исчезновения

Идея постоянного поселения на Уруп возникла вскоре после первого посещения острова русскими. Хотя Уруп вместе с большей частью других островов Курильской гряды был осмотрен и нанесён на карту ещё в ходе Второй Камчатской экспедиции – во время второго плавания М. Шпанберга и В. Вальтона в 1739 г., первой документально подтверждённой высадкой на остров стал визит казачьего сотника Ивана Чёрного и тоёна о. Шумшу Петра Чупрова с группой курильских айнов и камчадалов в 1768 г.

На Уруп не было постоянных поселений айнов: остров служил местом промысла каланов и других морских животных для айнов как южных, так и средних Курильских островов, здесь же представители двух групп вели торговый обмен. Чёрный встретил на Уруп айнов Итурупа, привёл нескольких из них в российское подданство, затем с проводниками из их числа проследовал на Итуруп, где также привёл в подданство ещё нескольких «князцов», в том числе двоих с Кунашира. В своём журнале, представленном по возвращении в Большерецк властям, Чёрный подробно описал природные условия всех посещённых островов: наличие строевого леса, пригодных в пищу растений и животных, рыбные озёра, удобные гавани [Русские экспедиции 1989, с. 132–140], однако о возможностях хлебопашества или другого освоения не упоминал – вероятно, перед ним задачи оценки такой перспективы ещё не стояло.

Впервые идея о постоянном поселении на одном из южных Курильских островов высказывается камчатским командиром М.К. Бемом в ходе подготовки следующей экспедиции к южным Курильским островам, состоявшейся в 1775–1780 гг. В 20-м пункте инструкции, выданной главе экспедиции И.М. Антипину 8 июня 1775 г., он писал о необходимости узнать «какие есть годные к заселению места, в том числе к человеческому житию и к хлебопашеству и к скотоводству способные» [Русские экспедиции 1989, с. 153]. Сверх того, Антипину было выдано «хлебных ржаных, яришных пшенишных, ячменных, овсяных и коноплённых от каждого роду по 2 фунта семян» с наказом осенью того же года «посеять в удобном месте озимовой хлеб, рожь», а весной следующего 1776 г. «учинить посев ярице, ячменю, пшенице, овсу и семя конопленному и при растении оного смотреть, что будет ли впредь к размножению хлебопашества в урожае надежда» [Русские экспедиции 1989, с. 153].

А.С. Полонский пишет, что посеянные для пробы Антипиным на Уруп рожь, пшеница и ячмень «созрели в своё время и дали немалый урожай», а «на южнейших островах ещё удобнее мог родиться хлеб» По его мнению, южные Курильские острова обещали выгоды для Сибирского края уже тем, что «по их южному положению было возможно там хлебопашество» [Полонский 1871, с. 467]. Тем не менее разведка возможности и места поселения была не главной задачей этой экспедиции – таковой следует признать установление торговых отношений с японцами, что также могло повысить продовольственную безопасность Охотска и Камчатки, поскольку «рыба и звери были бы главнейшими предметами мены с японцами на хлебные их товары» [Русские экспедиции 1989, с. 153]. Хотя участникам экспедиции удалось дважды встретиться на северо-востоке Хоккайдо с чиновниками японского княжества Мацумаэ в 1778 и 1779 г. и договориться о торговле через айнов южных Курил, многочисленные бедствия, выпавшие на долю экспедиции – крушение двух судов, землетрясения, внутренние распри, а также указ

Екатерины II от 30 апреля 1779 г. об оставлении «мохнатых курильцев» свободными – привели к тому, что главный её спонсор якутский купец П.С. Лебедев-Ласточкин отказался от дальнейших плаваний к южным Курилам и перенёс свою деятельность на Алеутские острова.

Тем не менее перспектива торговых отношений с японцами и идея об основании постоянной российской колонии на Урупе не была оставлена. В 1792–1793 гг. состоялось посольство в Японию под руководством А.К. Лаксмана, которому удалось не только впервые встретиться с чиновниками центрального правительства бакуфу, специально для этого приехавшими в Мацумаэ, но и получить разрешение на заход одного российского судна в Нагасаки для продолжения переговоров. Иркутский купец Г.И. Шелехов, который с энтузиазмом смотрел на перспективу торговли с Японией и на начальном этапе участвовал в финансировании экспедиции 1775–1780 гг., очевидно, следил и за ходом миссии Лаксмана. Именно он снова поднял вопрос об основании российского поселения на Урупе. Впервые об этом упоминает иркутский генерал-губернатор И.А. Пиль в своём рапорте Совету при Высочайшем дворе от 28 сентября 1793 г., где он сообщал о намерении Шелехова завести хлебопашество «в приличных местах матерой Американской земли и на Курильских островах» и просил о выделении для этих целей до 20 мастеровых и 10 крестьянских семей [Русские открытия 1948, с. 321–322]. Хотя в тексте рапорта не говорится о связи колонии с перспективой торговли с Японией, вероятно, на эту идею Шелехова сподвигнул успех экспедиции Лаксмана, вернувшейся 8 сентября 1793 г. из Хакодате в Охотск.

Совет при Высочайшем дворе, заслушав рапорт Пили 19 декабря, ответил на просьбу губернатора положительно и 31 декабря направил ему соответствующий указ. 11 мая 1794 г. Пиль направил Шелехову ордер, в котором подробно проинструктировал купца о необходимых мероприятиях и правилах поведения при их исполнении. В девятом пункте этого ордера, который посвящён учреждению колонии на Урупе, Пиль, отмечая, что Шелехов намерен направить туда людей «для хлебопашества по выгодному местоположению и для промыслу зверей», добавляет: «... как сей остров лежит в близком соседстве с владениями Японской империи, в которую, как вам известно, было из России в прошлом 1792-м году посольство о восстановлении дружбы и коммерции, то нужно теперь, чтоб означенный ваш 18-го Курильского острова правитель старался всевозможнейше, ежели случай допустит, видаться где с японцами, показывать им знаки дружества и обходиться приязненно и ласково, не подавая ни малейшего на себя подозрения» [Русские открытия 1948, с. 334–335].

9 августа 1794 г. в письме правителю Северо-Восточной Американской компании А.А. Баранову Шелехов сообщил о своём намерении отправить несколько семей хлебопашцев на Уруп, «ибо и там было и есть моё намерение завести помаленьку Русь», а также содержать компанию «сверх обзаведения хлебопашества», то есть для промыслов морских зверей [Русские открытия 1948, с. 351–352]. В связи с этим он попросил Баранова направить на первый Курильский остров для дальнейшей переправки на Уруп до пятидесяти человек «алеутов и американцев» с их семействами, а «русские будут только ими управлять и содержать прикрытие от мохнатых курильцов, с коими жить просто небезопасно» [Русские открытия 1948, с. 352]. О перспективе торговли с японцами он снова не упомянул.

18 ноября того же года в донесении И.А. Пиллю Шелехов сообщил, что ему до сих пор не удалось отправить отряд на Уруп собственными силами и просил выделения одного из

казённых судов, стоящих в Охотске, «Св. Алексей», для доставки поселенцев весной следующего года [Русские открытия 1948, с. 355–356]. Таким образом, они попали на остров лишь в следующем 1795 г., а не в 1794 г., как пишет об этом В.О. Шубин [Шубин, Шубина 1985, с. 187; Шубин 2010, с. 151].

Главой «курильского отряда» был назначен В.К. Звездочётов. Он посещал Уруп ещё в составе экспедиции 1775–1780 гг. В частности, его имя («иркутской посадской Василей Звездочётов») значится в списке «компанейских работных», посетивших в 1778 г. Итуруп, Кунашир и Хоккайдо вместе с Д.Я. Шабалиным [Русские экспедиции 1989, с. 169]. Теперь уже под его началом на Уруп были направлены 40 человек: кроме него самого 30 промышленников, 4 поселенца с 3 женщинами, и 2 алеута [Шубин 2010].

О дальнейшей судьбе российского поселения на Уруп мы узнаем из российских источников лишь после его исчезновения в 1805 г. В том году во время возвращения из Нагасаки после неудачного посольства в Японию Н.П. Резанов попросил И.Ф. Крузенштерна подойти к Урупу, чтобы узнать о судьбе колонии, сославшись на высочайшую инструкцию [Российско-Американская компания 1994, с. 116]: в ней говорилось о возможном торге через Уруп в случае неудачи переговоров о торговле в Нагасаки или на о. Хоккайдо [Российско-Американская компания 1994, с. 71–74]. Однако Крузенштерн отклонил такой маршрут «по недостаточной глубине вблизи острова» [Тихменев 1861, с. 110]. Тогда Резанов приступил к сбору сведений о судьбе поселения на Камчатке и в Русской Америке, куда, как оказалось, переселились некоторые члены отряда Звездочётова. Обо всём этом Резанов подробно написал в письме директорам Российско-Американской компании от 15 февраля 1806 г. [Командор 1995, с. 320–324].

Звездочётов со своим отрядом прибыл на Уруп на судне «Св. Алексей» летом 1795 г. Практически сразу им удалось вступить в контакт с айнами, приехавшими на остров с Итурупа и Хоккайдо для промыслов. Один из айнских вождей, которого Резанов называет в письме «Аткизским Таёном»¹, преподнёс Звездочётову несколько шкур, получил от него ткани и другие мелочи, а на следующий год передал через других айнов ещё мехов, а также два мешка риса и бочонок сакэ.

Тем временем едва ли не сразу по прибытии начались разногласия между передовщиком Звездочётовым и другими промышленными, которые Резанов и многие авторы вслед за ним объясняли чрезмерной строгостью и буйством начальника. В первый же год он арестовал, высек и выслал обратно на Камчатку штурмана Олесова – единственного, кто попытался ему противиться. В следующем 1796 г. Звездочётов приступил к опытам посева зерновых, в чём потерпел неудачу и стал делать из оставшегося зерна вино. Попытавшийся ему перечить И. Свешников был засечен до смерти, после чего промышленные, собрав совет, избрали новым передовщиком Г. Кошечкина, а Звездочётова связали и отправили на соседний 17-й остров, попросив местных айнов доставить его на Камчатку с донесением о его поступках.

Однако Звездочётов сумел обещаниями подарков уговорить сопровождавших его айнов вернуться вместе на Уруп, где он арестовал Кошечкина, Корюкова, Скачкова и Стасова за неподчинение и выслал их на Камчатку. Затем, опасаясь заговора, Звездочётов приказал ещё

¹ «Аткизский Таён» – айнский вождь с о. Хоккайдо. Словом «Аткиз» (от Аккэси) в XVIII – начале XIX вв. называли северо-восточную часть Хоккайдо или весь остров. «Таён» – «тойон», т.е. вождь, старейшина. Здесь, вероятно, имеется в виду айнский вождь Икотои (см. ниже).

15 промышленникам вернуться на Камчатку и просить об отправке алеутов с байдарками для бобрового промысла. Эти 15 человек ушли на северо-западную сторону острова для постройки байдары. Пережив там зиму 1797–1798 гг., они вернулись в гавань к Звездочётову, где тот выдал им необходимые вещи и отправил в путь. Сам он с 12 мужчинами и 3 женщинами оставался на Урупe.

На этом сведения, полученные Резановым, исчерпывались, поскольку получил он их от О. Стасова, а также В. Шароглазова и И. Вардугина, покинувших остров в 1797–1798 гг. Резанов добавлял, что по информации, полученной им от японцев (вероятно, на Хоккайдо в 1805 г.), русских на Урупe уже нет, однако сам он в этом сомневался, поскольку, во-первых, у Звездочётова оставалось большое количество оружия и боеприпасов, которые бы не позволили айнам или японцам выдворить их оттуда, а, во-вторых, Звездочётов сам мог распространить такой слух через японцев, боясь возвращения на родину и возможного наказания за свои проступки. Обращает на себя внимание также сообщение Резанова о заходе в воды Урупa иностранного судна в 1797 г., о чём его информантам сообщили курильские айны. Вероятно, это было британское судно во главе с У. Броутоном, о котором речь пойдёт ниже.

Не получив возможности лично инспектировать колонию компании на Урупe, Резанов решил поручить это Н.А. Хвостову и Г.И. Давыдову, которых он направил в секретную экспедицию к Сахалину и Курильским островам. В своей инструкции морским офицерам Резанов предписал, встретившись со Звездочётовым, получить от него отчёт обо всех событиях с момента водворения на острове, самого его забрать и доставить к правителю Русской Америки А.А. Баранову, вместо него оставить передовщиком В. Шароглазова, а имеющихся промышленников и поселенцев переписать и пообещать о прибытии судна со всем необходимым на следующий год [Российско-Американская компания 1994, с. 151–154].

Осенью 1806 г. Давыдов на тендере «Авось» должен был исследовать острова Симушир и Уруп, после чего встретиться с «Юноной» во главе с Хвостовым в заливе Анива на Сахалине, однако из-за болезней членов экипажа и повреждений судна он раньше назначенного срока был вынужден вернуться на Камчатку. «Юнона» и «Авось» подошли к Урупу лишь в мае 1807 г., но не смогли пристать к берегу из-за недостаточной глубины. О судьбе Звездочётова Хвостов и Давыдов узнали от японцев на Итурупе несколько дней спустя: по их словам, тот умер, после чего оставшиеся десять человек в прошлом 1806 г. покинули Уруп. При этом Давыдов в своём журнале отметил, что этой зимой их на Камчатке ещё не было [Российско-Американская компания 1994, с. 176]. На обратном пути в Охотск Хвостову и Давыдову всё же удалось найти свидетельство поселения Звездочётова на Урупe: 1 июня 1807 г. штурман Вардугин с тендера «Авось» высадился на берег, где «видел жилище русских, почти уже обвалившееся, но нет ни следа человеческого и никакого признака недавнего пребывания в сём месте людей; дороги даже поросли травой». Также он обнаружил могилы с крестом и доску с надписью о том, что Звездочётов умер в апреле 1805 г., а рядом с ним похоронены ещё трое промышленников и одна женщина [Шубин 2010].

Этим исчерпываются сведения о поселении на Урупe в 1795–1805 гг. в российских источниках. Более половины промышленников покинули остров или погибли не позднее 1798 г., а все последующие годы Звездочётов оставался на Урупe всего с полутора десятками поселенцев. В то же время даже из этих скудных сведений можно увидеть, что айны, а затем

и японцы, жившие на Итурупе, были осведомлены о положении дел российской колонии на соседнем острове. Это вынуждает нас обратиться к японским источникам.

Российская колония на Уруп в документах японской экспедиции в земли айнов 1798–1799 гг.

Из японских источников, касающихся деятельности российской колонии на Уруп в 1795–1805 гг., до сих пор были доступны на русском языке лишь те, что переведены и опубликованы Д.М. Позднеевым [Позднеев 1909, с. 136–152]. В сущности, это один документ, представленный как часть главы «Эзосцы с острова Расёва, захваченные в плен, сообщают подробно о положении русских на Курильских островах» из книги Окамото Рюносукэ «Материалы к истории Хоккайдо с точки зрения российско-японских отношений». Документ представляет собой протокол допроса курильских айнов с острова Расшуа (13-й в Курильской гряде), прибывших на Итуруп 23 июня 1805 г. в количестве 7 мужчин и 7 женщин во главе с Сирэита (в крещении Максимом Григорьевичем).

Рассказ курильца Максима Григорьевича японскому инспектору Кикиути Сонай охватывает довольно большой временной промежуток с середины XVIII в., когда русские впервые пришли на его остров Расшуа, до текущего 1805 г. По его словам, он и его спутники были отправлены на Итуруп по приказу «главного начальника эзосцев (айнов. – В.Щ.) по имени Кэрэко (Григорий)», чтобы выяснить, приходят ли японские чиновники на этот остров и «какие меры принимают к воспитанию эзосцев», поскольку слухи об этом дошли до камчатских властей. Когда они прибыли на остров Чирпой, то встретили там 13 русских мужчин и женщин, которые незадолго до того покинули Уруп, где жили под началом Звездочётова с 1795 г. Они рассказали, что занимались на острове промыслом морских животных, а также вели меновую торговлю с айнами Аккэси, Нэмуро, Кунашира и Итурупа, от которых получали сакэ, рис и японскую лаковую посуду. По их словам, именно то, что айны перестали приезжать на Уруп после 1803 г., привело их к решению вернуться на Камчатку. Они попытались уплыть с острова ещё в 1804 г. и доплыли до Чирпои, но не смогли продвинуться дальше и были вынуждены вернуться для зимовки на Уруп, где в апреле 1805 г. умер их начальник Звездочётов².

Однако этот протокол допроса курильских айнов 1805 г. является далеко не единственным японским источником о деятельности русских на Уруп в 1795–1805 гг. Судя по всему, японцы впервые узнали о российской колонии на острове в 1797 г., незадолго до того, как на Итуруп прибыл один из отрядов японской правительственной экспедиции в восточные земли айнов. Первая такая экспедиция состоялась ещё в 1785–1786 гг., когда до военного правительства бакуфу дошли слухи о контактах чиновников княжества Мацумаэ с членами российской экспедиции в 1778–1779 гг. Тогда фактический глава правительства Танума Окицугу (1719–1788) рассматривал возможность освоения Хоккайдо и торговли с Россией для улучшения финансового положения бакуфу. Однако, когда ему на смену пришёл Мацудайра Саданобу (1759–1829), был взят курс на сохранение текущего

² Задание выяснить положение дел на Итурупе, полученное айнами о. Расшуа, а также трудности российских поселенцев Урупа, вызванные отсутствием торговли с айнами южных Курил, дало инспектору Кикиути Сонай основания предположить, что группа курильских айнов с о. Расшуа на самом деле и есть те русские с Урупа – он высказывает такую мысль в своём протоколе.

положения, при котором все дела, связанные с землями айнов, находились в ведении княжества Мацумаэ. После визита российской экспедиции А. Лаксмана в 1792–1793 гг. у Саданобу возникла идея учреждения поста наместника в северных провинциях, который бы отвечал за коммуникацию местных и центральных властей, однако из-за его отставки она не была претворена в жизнь.

Поводом для новой экспедиции стали сведения о заходе иностранных судов в гавани о. Хоккайдо в 1796–1797 гг. Первое судно появилось в местечке Абута на берегу Вулканического залива в сентябре 1796 г. Из Мацумаэ туда был направлен вассал княжества Като Кэнго, который в прошлом взаимодействовал с Лаксманом. Изначально предполагалось, что это судно российское, поскольку Лаксману было выдано разрешение на заход одного судна в Нагасаки для продолжения переговоров [Ёкояма 2013, с. 89–90]. Однако оказалось, что это было британское судно «Провиденс» под управлением У. Броутона, которое занималось гидрографической съёмкой в Японском и Охотском морях. О заходе судна было незамедлительно доложено в Эдо. В ноябре оттуда был направлен чиновник в Мацумаэ и далее в Абута для проверки возможной нелегальной торговли, однако, вернувшись в Эдо в мае следующего 1797 г., он доложил, что фактов таковой не выявлено [Ёкояма 2013, с. 90].

В августе 1797 г. Броутон снова появился в гавани Этомо на Хоккайдо уже на более мелкой шхуне «Принц Уильям Генри». Бакуфу, осведомлённое о прошлогоднем визите, на этот раз получало сведения ото всех княжеств, в водах которых появлялось судно, и смогло восстановить маршрут британца: в течение лета и осени 1797 г. он проследовал от островов Мияко в южной части архипелага Рюкю вдоль тихоокеанского побережья Японии, а затем, пройдя проливом Цугару, исследовал Татарский пролив и, не обнаружив прохода между Сахалином и материком, вернулся вдоль побережья Приморья и Кореи через Цусимский пролив в Макао. Кроме того, из Мацумаэ от посетивших судно вассалов были получены сведения, что Броутон делал подробные карты берегов Японии, что не могло не взволновать бакуфу [Ёкояма 2013, с. 90–92].

Предполагая, что и в следующем 1798 г. британское судно снова может появиться в водах Хоккайдо, бакуфу направило туда экспедицию из 180 человек во главе с Ватанабэ Кюдзо (1758–?), Оокоти Масакото (?–?) и Мицухаси Наримити (1751–1838). Первый оставался в Мацумаэ для расследования дел княжества, второй возглавил отряд в восточные земли айнов, а третий – в западные. Несколько человек из второго отряда во главе с Кондо Дзюдзо (1771–1827) в августе 1798 г. переправились из Нэмуру в северо-восточной оконечности Хоккайдо на о. Кунашир, 3 сентября – на Итуруп, а 3 октября вернулись на Хоккайдо [Щепкин 2022, с. 250–253].

Первыми японцами, посетившими Итуруп (если не считать случайно занесённых туда моряков), были члены правительственной экспедиции 1785–1786 гг. Тогда они встретили в местечке Сярусаму на северо-востоке Итурупа троих русских и настоятельно просили их покинуть остров, хотя и не смогли найти достаточных доводов для этого. В этот раз русских на острове уже не было – об их пребывании свидетельствовали лишь несколько деревянных крестов, которые Кондо Дзюдзо, тщательно зарисовав, приказал снести. Вместо них был поставлен столб с надписью о принадлежности Итурупа Великой Японии – сегодня это, пожалуй, самый известный факт из биографии Дзюдзо. Тогда же он получил первые сведения о российской колонии на соседнем Урупе.

Если верить Могами Токунаи, сведения о русских на Урупе были впервые получены от У. Броутона и его спутников: в 1797 г. в гавани Этомо они сообщили вассалу княжества Мацумаэ Като Кэнго, что видели на острове вынесенное на берег судно, которые русские пытаются спустить на воду и, видимо, отремонтировать. Когда в следующем 1798 г. Могами Токунаи и Кондо Дзюдзо отправились на Итуруп, местные айны подтвердили эти сведения [Могами 1972, с. 457].

В 3-томном сборнике документов «Материалы Кондо Дзюдзо о землях айнов» опубликовано несколько десятков черновых версий рапортов Кондо правительству бакуфу. Российской колонии на Урупе в той или иной степени касаются девять из них, причём семь датированы 8-м месяцем 1798 г., один – 1799 г., и ещё один – 1800 г. [Кондо 1984, с. 28–77, 85–87, 133–136, 262–270]. Два последних посвящены уже скорее возможным мерам по выдворению русских с Урупа, в то время как информация о деятельности колонии содержится в наиболее ранних документах. Сведения довольно детальны и заслуживают отдельного обстоятельного изучения, поэтому приведём здесь лишь их общий очерк, изложенный Кондо Дзюдзо в 1804 г. в сочинении «Исследование размежевания приграничных земель по картам»:

«Примерно в 7–8 году правления Кансэй (1795–1796 гг. – *В.Ш.*) одно крупное русское судно с 60 человеками на борту, включая 3 женщины и одного курильского айна, по-видимому, вышло с Камчатки и в 9-м месяце того же года³ прибыло на остров Уруп. Сойдя на берег в месте под названием Ванина⁴, [русские] построили дома и склады и стали там жить. Сначала в год Дракона (1796 г. – *В.Ш.*) они поселились в Мацукотан, однако трое человек умерло, в 3-м месяце года Змеи⁵ 28 человек вернулось на родину, в 5-м месяце года Лошади⁶ [ещё] 14 человек вернулось на родину, а оставшиеся 17 человек включая 3 женщин (это число не точно, поскольку [кто-то ещё] мог умереть или уехать) до сих пор остаются жить.

Айнов ежегодно обманывают, что намерены вернуться на родину, но никуда не уезжают. Во главе тех русских стоит один человек. Тот, которого зовут Маитараси⁷, в год Лошади (1798 г. – *В.Ш.*) уехал на родину, а сейчас остался и живёт человек по имени Кэнэтобуси⁸. У русских даже родились дети, одному из которых уже исполнилось 5–6 лет. Айны из мест, которыми они управляют, тоже следуют обычаям русских: связывают [волосы] на голове и бреют бороды. С ними также приехал айн с острова Симушир по имени Сирэйта⁹, он служит переводчиком при русских.

³ Промежуток с 13 октября по 11 ноября 1795 г.

⁴ Ныне бухта Алеутка на юго-восточном (тихоокеанском) побережье острова.

⁵ С 28 марта по 26 апреля 1797 г.

⁶ С 14 июня по 13 июля 1798 г.

⁷ «Маитараси» – вероятно, «байдарщик» (см. далее в тексте слово «майтарэ» – «байдара»). Возможно, имеется в виду штурман Олесов, которого, по приведённым выше сведениям Резанова, Звездочётов первым выгнал с острова в 1795 или 1796 гг.

⁸ «Кэнэтобуси» – скорее всего, «передовщик», как называли Звездочётова (в других документах также «Кэрэтопус», «Кэнэтопус»).

⁹ Вероятно, тот же самый Сирэйта (Максим Григорьевич), который в июне 1805 г. приехал на Итуруп и был допрошен японским инспектором (см. выше).

У них припасено огромное количество ружей и пороха: они пользуются ими уже около десяти лет, но до сих пор осталось. Среди русских есть один, занимающийся кузнечным делом. Они привезли с собой и держат животных, похожих на собак, с белой шерстью и длинными хвостами. Лодки у них двух типов. Первые обтянуты кожей, а каркас сделан из дерева. Когда не пользуются, каркас ослабляют, а кожу складывают. Размером меньше, чем суда-дзуаи¹⁰. Айны называют их *тондомиппу*¹¹, русские называют *майтарэ*. Вторые делаются [полностью] из дерева. Айны называют их *рокундо*¹², а русские – *поросённый*¹³.

В первый год, когда приехали русские, вождь Аккэси [по имени] Икотой также зимовал на этом острове. Он очень сблизился с русскими и даже преподнёс для российского государя шкуры каланов. Прежде русские не вели себя особенно дружелюбно по отношению к айнам и каждый раз случались ссоры за промысловые места, однако, когда айны Итурупа в год Дракона (1796 г. – В.Ш.) впервые приехали [на Уруп] после того, как там поселились русские, те стали относиться к ним с большим дружелюбием и со всей учтивостью. Айны Итурупа, когда, прибыв на Уруп, как и в прежние годы, обнаружили жилища русских, заподозрили неладное и нерешительно оставались в открытом море. Однако русские выплыли на лодках к ним навстречу и стали всех угощать, поя вином и давая табак. После этого день за днём они дарили еду, питьё и сахар, и даже слуг угощали едой и вином. То же и с охотой на морского зверя: если раньше постоянно случались конфликты, то теперь такого не было.

Когда айны принесли каланов и сказали, что хотят продать, [русские] ответили, что, поскольку это товар для поставки в Японию, они не могут их купить, и меха следует продавать японцам. День за днем они сетями ловили рыбу и, отделив половину, отдавали айнам. Русские сказали, что если отныне [айны] будут ежегодно привозить японские товары, то и из той страны они будут привозить товары и вести торговлю. Поскольку японцы также приезжают в земли айнов, то там должно быть много японских товаров. Следует привозить любые товары. Больше всего из них они хотят шкуры. Также говорят, что особенно высоко ценят рис. Когда встречаются айнов, то всегда по два-три раза спрашивают, нет ли у них с собой японского риса. Говорят, что если сможете привезти рис, то обменяем его на какие угодно ткани. [...] Все эти русские до сих пор живут на острове Урупе и не уезжают» [Кондо 1976, с. 67–68].

Эти сведения в целом соответствуют данным российских источников, с тем лишь замечанием, что под количеством прибывших на остров (60 человек), вероятно, имеется в виду общее число находившихся на борту судна «Св. Алексей», которое после высадки отряда на Урупе отправилось далее в Русскую Америку. Если опираться на российские источники, на Урупе высадилось 37 человек, пятеро из которых были высланы на Камчатку в 1796 г., и к 1797 г. их осталось 32 – что уже совпадает с данными Кондо.

¹⁰ Дзуаи-бунэ (яп. 圖合舟) – тип японского судна грузоподъемностью менее 100 коку риса, распространенный в период Эдо (1603–1867) в северных провинциях Японии.

¹¹ Айн. *тонто цип*, от *тонто* – «дубленая кожа», *цип* – «лодка».

¹² Айн. *рокунто* – «большой корабль», «иностранный корабль» (в т.ч. так называли японские суда типа «бэндзайсэн» грузоподъемностью более 100 коку).

¹³ Вероятно, имеется в виду слово «брошенный», поскольку в Ванинау находилось российское судно, выброшенное цунами на берег в 1780 г. Его пытались снять на воду как члены экспедиции Антипина и Шабалина, так и люди из отряда Звездочётова, но безуспешно.

Все эти сведения, по словам Кондо, он узнал от троих айнов с Итурупа и Кунашира [Кондо 1984, с. 31–32, 37]. Дальнейшая информация в материалах Кондо Дзюдзо тесно связана с вопросом выработки политики японского правительства в отношении российской колонии на Урупе и, как следствие, айнов южных Курильских островов. Этому будет посвящён заключительный параграф статьи.

Политика Японии в отношении российской колонии и айнов южных Курил в 1799–1803 гг.

Вскоре после получения первых отчётов из экспедиции в конце 1798 г. центральное правительство бакуфу издало 20 февраля 1799 г. указ о временном – на 7 лет – переводе восточных земель айнов от Уракава до Сирэтоко, а также «прилегающих островов» под своё прямое управление и назначило нескольких чиновников своими уполномоченными на этих территориях (яп. *эдзоти гоё:гакари* 蝦夷地御用掛). Кондо Дзюдзо предлагал подобные меры ещё до начала экспедиции, представив в 1797 г. два предложения: «О морской обороне» и «О мерах в отношении айнских земель Мацумаэ и о контроле за границей с иностранными государствами». В них он обращал внимание на участвовавшие случаи захода иностранных судов, особенно британских и российских, в японские воды, прежде всего к северным островам, и даже предположил возможный союз России и Великобритании против Японии. В качестве ответных мер он и предложил перевод земель айнов под прямое управление бакуфу и укрепление там береговой обороны [Кондо 1984, с. 1–12].

Однако после своей первой поездки в земли айнов в 1798 г. Кондо, не отказавшись от идеи их перевода под управление бакуфу, предложил укреплять оборону не военными средствами, а путём подчинения айнов и освоения их земель. Очевидно, это произошло в том числе под влиянием полученных им сведений о российской колонии на Урупе. Более того, меры, предпринимаемые в отношении айнов, прежде всего на Итурупе и Кунашире, должны были привести в конечном счёте к уходу русских с Урупа и превращению этого и ещё нескольких островов к северу в «буферную зону», защищающую айнов южных Курил от российского влияния.

В своих записках японские чиновники приводили целый ряд примеров того, что впоследствии называлось «необыкновенным методом» русских «приручать людей с помощью ложной гуманности и поддельных благодеяний» [Хабутто 1978, с. 37]. Как позже писал наместник в Хакодате Хабутто Масаясу (1752–1814), «земли айнов – это огромный остров, окружённый с четырёх сторон морями, поэтому возвести где-либо неприступную крепость [и довольствоваться этим] невозможно, а потому нет другого пути, кроме как с теплом и заботой воспитывать айнов, пока все они не падут ниц перед гуманным правлением государства, и как бы их ни приручали иностранцы, они не склонялись бы к ним». Он также указывал на опыт России, в которой «люди и составляют неприступную крепость» [Хабутто 1978, с. 37–38].

Это и стало основным курсом политики бакуфу в отношении айнских земель после их перевода под прямое управление. В том же указе от 20 февраля 1799 г. говорилось: «Дела, связанные с образованием айнов, изменением их обычаев, а также способами торговли вверяются вашим знаниям при соблюдении первоочередного принципа подчинения [айнов], включая общую цель освоения страны». 15 марта того же года уполномоченным был

передан документ под названием «Общий смысл текущего дела» с более подробным разъяснением, сводившихся к четырём пунктам:

1) Путём благого влияния и образования постепенно приводить к японским обычаям, подчинять теплотой, так чтобы в самой глубине своих душ они не колебались даже в случае попыток иностранных государств приручить их – вот что должно стать первейшим принципом, однако в первую очередь на данный момент следует поступать так, чтобы айны могли извлекать выгоду из торговли, к которой они привыкли на своих землях;

2) Время от времени обучать пути обработки земли и разъяснять, как поддерживать жизнь с помощью питания зерновыми;

3) Хотя использование айнами японского языка находилось под запретом, в этот раз на территориях, подвластных бакуфу, этот запрет приостанавливается, и следует учить их пользоваться преимущественно японским языком, а также время от времени обучать их тому, что поможет превратиться в японцев;

4) Тем, кто захочет следовать японским обычаям, препятствий не чинить.

Во всех этих документах новая политика в землях айнов неоднократно описывалась японским словом «кайкоку» 開国. С середины XIX в. за этим словом закрепилось значение «открытие страны [для новых отношений]», однако в этом случае имелось в виду скорее «освоение страны» или даже «основание [новой] провинции», как трактует его японский историк Фудзита Сатору [Фудзита 2005, с. 166]. То есть деятельность бакуфу в землях айнов мыслилась как превращение их в одну из провинций Японии и инкорпорацию в традиционную политико-административную систему.

Примечательно, что именно это слово вызвало недовольство некоторых членов правительства и прежде всего сёгуна Токугава Иэнари (1773–1841). 16 декабря 1799 г. он направил главе совета старейшин родзю Мацудайра Нобуакира (1763–1817) распоряжение, по которому запрещалось использование слова «кайкоку» в представляемых на высшее имя документах. Кроме того, сёгун выразил мнение, что не следует прилагать чрезмерных усилий в освоении айнских земель, а довериться в этом деле природе и времени. По мнению Фудзита Сатору, это мнение сёгуна стало отражением позиции части властной элиты страны, согласно которой следовало оставить земли айнов под управлением княжества Мацумаэ и не заниматься их освоением, чтобы они продолжали служить буферной зоной между Японией и Россией [Фудзита 2005, с. 167–169].

После этого уполномоченные в землях айнов решили в своей риторике сместить акцент с «отбора земель для освоения» на «отбор земель для обороны», ссылаясь на беспечность дома Мацумаэ, допустившего подчинение русскими Курильских островов вплоть до Урупа. В результате им удалось добиться смены статуса перевода восточных земель айнов под управление бакуфу с «временного» на «вечный», что было осуществлено в августе 1802 г. В то же время предложение о переводе под прямое управление западных земель айнов (западного побережья Хоккайдо и Сахалина) было отвергнуто. Ранее, в марте того же года, был учреждён пост наместников в землях айнов (яп. *эдзоти бугё*: 蝦夷地奉行), позже переименованный в наместников в Хакодате (яп. *Хакодате бугё*: 箱館奉行). На него были назначены двое из числа уполномоченных в землях айнов, Хабуто Масаясу и Тогава Ясутото (1762–1821), которые отличались более мягкой и осторожной позицией в отношении

айнских земель. Можно сказать, что тем самым был достигнут определённый компромисс в политике бакуфу в отношении айнов и их земель.

Тем не менее всё это время российская колония на Уруп оставалась для японских властей проблемой, которую нужно было как-то решать. В качестве первоочередной меры Кондо Дзюдзо предлагал направить на Уруп чиновников для встречи с русскими, чтобы убедить их покинуть остров, поскольку нахождение на нём нарушает законы Японии. Примечательно, что Кондо считал Уруп и некоторые острова к северу от него территорией Японии на том основании, что айны южных Курильских островов и северо-востока Хоккайдо вели там сезонный промысел морских животных. Кондо отмечал, что в 1793 г. Лаксману наряду с разрешением на заход одного российского судна в Нагасаки было выдано разъяснение японских законов, поэтому российская сторона должна быть осведомлена, что заход в другие места запрещён. Следует отметить, что в черновике другого рапорта, датированного тем же 8-м месяцем 1798 г., Кондо предлагал взять под прямое управление бакуфу острова Кунашир и Итуруп, обосновывая это в том числе тем, что в лицензии основателя бакуфу Токугава Иэясу (1543–1616), выданной в 1604 г., эти острова не включались в территории, подведомственные княжеству Мацумаэ [Кондо 1984, с. 48–49]. В этом видна противоречивость доводов Кондо: с одной стороны, он считает Уруп территорией Японии, с другой – приводит аргументы в пользу того, что Курильские острова не принадлежали дому Мацумаэ.

Дальнейшая дискуссия о действиях в отношении российской колонии на Уруп подробно описана в сочинении Хабуто Масаясу «Записи о светоносном правлении [землями варваров] добродетельного государя»¹⁴. Кондо, предложив направить на Уруп чиновников для выяснения целей нахождения там русских, запросил от руководства инструкций на случай, если те откажутся покидать его. Мнения уполномоченных в землях айнов на этот счёт разделились. Мацудайра Тадааки (1759–1805) сказал, что если русские выразят намерение покинуть остров, но сошлутся на отсутствие подходящего судна, нужно предоставить им 4–5 айнских лодок, однако если они откажутся уезжать, то всех без исключения доставить в Хакодатэ и заключить надолго в тюрьму. Исикава Тадафуса (1756–1836) пошёл дальше и предложил в случае отказа русских уехать убить всех поселенцев. Оба чиновника при этом акцентировали внимание на доводе Кондо о том, что русским был известен запрет на проезд в какие-либо места Японии кроме Нагасаки, а потому «нарушение ими границы и проживание на Уруп является проявлением презрения к Японии». Более мягкую позицию заняли Хабуто Масаясу и Мицухаси Наримити (1751–1838): они предложили значительно сократить снабжение японскими продуктами айнов южных Курильских островов, которые ездят для промыслов на Уруп и торгуют с русскими, чтобы у последних не осталось источников продовольствия и выгод от торговли. Это предложение в итоге и было выбрано в качестве основы дальнейших действий [Хабуто 1978, с. 79–80].

Два чиновника, Томияма Мотодзюро и Мияма Ухэйта, в сопровождении двух рядовых самураев отправились на Уруп из местечка Сибэторо на Итурупе 6 августа 1801 г. На следующий день они прибыли в Окаиватара на Уруп, где встретили айна по имени Сакэроку с Итурупа, занимавшегося там охотой, и расспросили его о русских. Несколько дней японцы провели в ожидании благоприятной погоды для дальнейшего плавания в Тобо,

¹⁴ Подробнее об этом источнике см. [Климов 2021].

где находилось российское поселение. За это время они установили на высоком холме столб с надписью «Остров, на веки вечные принадлежащий Великой Японии» (яп. *тэнтё: тикю: дай нихон дзокуто*: 天長地久大日本屬嶋). 12 августа они, наконец, покинули Окаиватара и прибыли в Тобо, где встретились с Василием Звездочётовым и другими поселенцами, записали их имена и возраст, подробно расспросили об обстоятельствах приезда и дальнейших намерениях, осмотрели и зарисовали местный быт, а также сообщили, что в Японии торговля с другими странами строго запрещена. 13 августа японцы вернулись в Окаиватара, а 15-го вернулись на Итуруп, где доложили обо всём Кондо Дзюдзо [Хабуто 1978, с. 81–87].

После этого было принято решение выдавать айнам Итурупа, отправлявшимся для промыслов на Уруп, только то количество сакэ и табака, которое необходимо для личного потребления, так чтобы торговля с русскими была невозможной. Айны, посетившие Уруп в следующем 1802 г. сообщили, что русские по-прежнему остаются на острове, однако теперь они стали чинить препятствия айнам в их охоте на каланов и тюленей, разгоняя животных в местах промысла, а также не позволяли айнам Симушира и других островов к северу плыть на Итуруп, куда те хотели попасть, услышав о процветании острова под властью японцев [Хабуто 1978, с. 87–88].

В 1803 г. были предприняты ещё более строгие меры. Во-первых, было решено усилить оборону Итурупа и Кунашира, чтобы не допустить приезда туда русских с Урупа. Во-вторых, поскольку айны, ездившие для промысла на Уруп, могли по-прежнему передавать русским сакэ, рис и табак в обмен на шкуры каланов, даже несмотря на их ограниченное количество, выдаваемое японцами, было принято решение полностью запретить айнам Итурупа и Кунашира ездить на Уруп и тем самым прервать их всяческие отношения с русскими. Для этой цели уполномоченные даже направили на высочайшее имя просьбу одобрить приостановку поставки шкур каланов ко двору сёгуна на два или три года, пока русские не покинут Уруп [Хабуто 1978, с. 89].

Как уже было видно из российских источников, а также из протокола допроса айнов острова Расшуа, переведенного Д.М. Позднеевым, эти меры возымели эффект. После 1803 г. русские на Урупе стали испытывать проблемы с продовольствием и уже в следующем 1804 г. приняли решение покинуть остров. Они добрались на байдарках до острова Чирпой, но из-за неблагоприятной погоды были вынуждены вернуться на Уруп, чтобы перезимовать там. За это время умерли их предводитель Звездочётов, а также две девочки. Лишь в 1805 г. оставшиеся 14 человек смогли, наконец, покинуть Уруп, однако удалось ли им добраться до Камчатки – до сих пор остается неизвестным: как уже говорилось, Г.И. Давыдов в своём журнале отмечал, что зимой 1806/1807 гг. он их там не встречал.

Необходимо также отметить, что политика японских властей, нацеленная на выдворение русских с Урупа, привела к кардинальным переменам и в истории айнского народа. Запретив айнам южных Курильских островов плавать на Уруп для сезонного промысла морских животных во избежание контактов с русскими, бакуфу сделало невозможными встречи и торговые отношения с айнами средних и северных Курильских островов и тем самым прервало вековые контакты двух субэтнических групп. Так была открыта дорога к окончательному приграничному размежеванию двух государств, которое состоялось уже во второй половине XIX в., в эпоху, когда решения о принадлежности

«территорий» принимались за тысячи километров от них, в Симодэ, Санкт-Петербурге и Портсмуте, без всякого учёта интересов местного населения.

Заключение

Как показывает сравнительное изучение российских и японских источников, поселение на Урупэ, основанное по инициативе Г.И. Шелехова в 1795 г. и просуществовавшее десять лет, оказало определяющее влияние как на российско-японские отношения, так и на политику японского правительства в отношении айнов и их земель, особенно южных Курильских островов, на рубеже XVIII–XIX вв. Хотя формальным поводом к отправке правительственной экспедиции 1798 г. стали заходы британского судна в воды Хоккайдо, именно проблема российского поселения на Урупэ и торговых связей русских и айнов южных Курил и северо-востока Хоккайдо послужили важнейшим основанием для перевода восточных земель айнов под прямое управление бакуфу. В то же время то, что российские поселенцы оставались на острове до 1805 г., косвенно способствовало нераспространению японского влияния севернее Итурупэ. За это время политика бакуфу по японизации айнов южных Курил успела смениться на более пассивный курс для сохранения текущего положения, что поддерживалось значительной частью японской элиты. Также, на наш взгляд, изучение влияния российской колонии на Урупэ на восприятие России японским правительством на рубеже XVIII–XIX вв. может внести важный вклад в оценку хода и результатов переговоров Н.П. Резанова в Нагасаки в 1804–1805 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Климов В.Ю.* «Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя» («Кю:мэй ко:ки»). Первая и вторая тетради // Новые источники по истории и культуре айнов. Санкт-Петербург: Изд-во «Лема». 2021. С. 168–276.
- Командор: страницы жизни и деятельности Двора Его Императорского Величества действительного камергера, руководителя первой русской кругосветной экспедиции Николая Петровича Резанова / сост. Ю. П. Авдюков, Н. С. Ольхова. Красноярск: [б. и.]. 1995.
- Позднеев Д.М.* Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материке Азии и России. Т. 2. Ч. 1. Токио: То:ё: инсацу кабусики кайся. 1909.
- Полонский А.С.* Курилы // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 4. Санкт-Петербург. 1871. С. 367–576.
- Российско-Американская компания и изучение Тихоокеанского севера, 1799–1815 (Исследования русских на Тихом океане в XVIII – первой половине XIX в. Том 3). Москва: Наука. 1994.
- Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. Под ред. и со вступ. ст. А.И. Андреева. Москва: Гос. изд-во геогр. лит. 1948.
- Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1989.
- Тихменев П.А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий её до настоящего времени. Ч. I. Санкт-Петербург: тип. Э. Веймара. 1861.
- Шубин В.О.* Русские поселения на Курильских островах в XVIII–XIX веках // XIV Съезд Русского географического общества. Книга 4. Часть 1. Санкт-Петербург. 2010. С. 147–158.
- Шубин В.О., Шубина О.А.* Курилороссия // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 184–189.
- Щепкин В.В.* Айны глазами японцев: неизвестная коллекция А. В. Григорьева. Санкт-Петербург: Арка. 2022.

REFERENCES

- Klimov, V.Yu. (2021). “Zapisi o Svetonosnom pravlenii [zemlyami varvarov] dobrodetel'nogo Gosudarya” (“Kyu:mei ko:ki”). Pervaya i vtoraya tetradi. [“Notes on the Luminous Reign (of the Barbarian Lands) by the Virtuous Monarch” (“Kyūmei kōki”). First and Second Parts]. In: *Novye istochniki po istorii i kul'ture ainov* [New Sources on Ainu History and Culture] (pp. 168–276). Saint Petersburg: Lema. (In Russian).
- Komandor: stranitsy zhizni i deyatel'nosti Dvora Ego Imperatorskogo Velichestva deistvitel'nogo kamergera, rukovoditelya pervoi russkoi krugosvetnoi ekspeditsii Nikolaya Petrovicha Rezanova* [The Commodore: Life and Activities of Nikolai P. Rezanov, Chamberlain of His Majesty's Court, Head of the First Russian Round-the-World Expedition]. (1995). Compiled by. Yu.P. Avdiukov, N.S. Ol'khova. Krasnoyarsk. (In Russian).
- Polonskii, A.S. (1871). Kurily [Kuril Islands]. In *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society in the Department of Ethnography], Vol. 4 (pp. 367–576). Saint Petersburg. (In Russian).
- Pozdneev, D.M. (1909). Materialy po istorii Severnoi Yaponii i ee otnoshenii k materiku Azii i Rossii [Materials on the History of Northern Japan and Its Relations to Asia Mainland and Russia]. Vol. 2. Part 1. Tokyo: Tōyō insatsu kabushiki kaisha. (In Russian).
- Rossiisko-Amerikanskaya kompaniya i izuchenie Tikhookeanskogo severa, 1799–1815 [Russian-American Company and Exploration of the Northern Pacific, 1799–1815]. (1994). In *Issledovaniya russkikh na Tikhom okeane v XVIII – pervoi polovine XIX v. Tom 3* [Russian Explorations in the Pacific in the 18th and first half of the 19th centuries. Vol. 3]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoi chasti Tikhogo okeana vo vtoroi polovine XVIII v. Sbornik dokumentov* [Russian Expeditions to Explore Northern Pacific in the Second Half of 18th Century. Collection of Documents]. (1989). Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (In Russian).
- Russkie otkrytiya v Tikhom okeane i Severnoi Amerike v XVIII v.* [Russian Discoveries in the Pacific and North America in the 18th century]. (1948). Ed. and introduction by A. I. Andreev. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. (In Russian).
- Shchepkin, V.V. (2022). Ainy glazami yapontsev: neizvestnaya kolleksiya A.V. Grigor'eva [Ainu Through the Eyes of Japanese: An Unknown Collection by A.V. Grigoriev]. Saint Petersburg: Arka. (In Russian).
- Shubin, V.O. (2010). Russkie poseleniya na Kuril'skikh ostrovakh v XVIII–XIX vekakh [Russian Settlements in the Kuril Islands in the 18th – 19th Centuries]. In: *XIV S'ezd Russkogo geograficheskogo obshchestva. Kniga 4. Chast' 1* [14th Congress of the Russian Geographical Society. Book 4. Part 1] (pp. 147–158). Saint Peterburg. (In Russian).
- Shubin, V.O. & Shubina, O.A. (1985). Kurilorossiya [Kurilorussia]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 5, 184–189. (In Russian).
- Tihmenev, P.A. (1861). *Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-Amerikanskoi kompanii i deistvii ee do nastoiashchego vremeni. Ch. I* [Historical Overview of the Formation of the Russian-American Company and Its Activities up to the Present Moment. Part I]. Saint Peterburg: E. Veimar publishing house. (In Russian).
- * * *
- Fujita, Satoru. (2005). *Kinsei koki seijishi to taigai kankei* [Political History of the Late Period of Early Modern Japan and Foreign Relations]. Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai. (In Japanese).
- Kondo, Juzo. (1976). Hen'yo bunkai zuko [Study of Boundary Settlement Basing on Maps]. In *Kondo Seisai zenshu* [Complete works by Kondo Seisai]. Vol. 1. Tokyo: Daiichi shobo. (In Japanese).

- Kondo, Juzo. (1984). *Kondo Juzo ezochi kankei shiryō* [Sources on the History of Ainu Lands, Written by Kondo Juzo]. Vol. 1. Tokyo: Tokyo daigaku shiryō hensanjo. (In Japanese).
- Mogami, Tokunai. (1972). Ezo soshi kohen [Continuation of “Ainu notes”]. In *Hokumon sosho* [Library of the North]. Vol. 3 (pp. 447–479). Tokyo: Kokusho kankokai. (In Japanese).
- Yokoyama, Yoshinori. (2013). *Nihon kinsei no rekishi* [History of early modern Japan]. Vol. 5. Kaikoku zenya no sekai [The world on the eve of the opening the country]. Tokyo: Yoshikawa kobunkan. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 31.08.2022

Принята к публикации: 25.10.2022

Received: 31 August 2022

Accepted: 25 October 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

Восприятие Японии в российском общественном сознании

Л.В. Сморгунов, О.А. Игнатьева

Аннотация. Япония долгое время оставалась страной, закрытой для России. По некоторым источникам знакомство с её жителями началось в XVII в., а первую непосредственную информацию о быте и укладе японцев мы получили из описаний тех, кто осваивал Дальний Восток в XVIII в., и русских мореплавателей. Особенно неопределимый вклад в вопрос познания Японии на начальном этапе сделал пленённый в начале XIX века японцами капитан В.М. Головин. Исследование страны означает не только фокус на политических или экономических отношениях, но и на психологической перцепции жителей стран друг другом. Этот уровень мягкой силы важен для формирования добрососедской ментальности и способности толерантно воспринимать друг друга, что создает прочную основу для долгосрочных мирных отношений. Целью данной статьи является анализ разных источников как академического, так и бытового плана для характеристики образа восточного соседа, сложившегося в сознании российских граждан. Для достижения поставленной цели используется феноменологический подход в контексте «восприятия другого». В работе последовательно обосновывается доминирование исторической памяти в выстраивании отношений по типу невоенного соперничества и разрешаемого конфликта. Логика и структура статьи представляет собой движение от анализа отношений между жителями наших стран, начиная с записок мореплавателей в XIX в. и заканчивая усилением совместных контактов после развала СССР. Рассматривается динамика текущих отношений на основе привлечения материалов социологических опросов. Анализируется восприятие японской культуры российской молодёжью в контексте субкультуры аниме и дзен-буддизма. Сегодня особую роль в формировании представлений о других странах играют информационно-коммуникационные технологии, которые ускоряют взаимодействие и создают виртуальное пространство для интенсификации личных контактов. Таким образом, авторы приходят к выводу, что образ Японии в сознании и ментальности российских граждан формировался и формируется по агонистическому типу, предполагающему принятие инаковости другого, а не отторжения, как в случае «восприятия другого» по полемическому типу.

Ключевые слова: Япония, Россия, восприятие другого, историческая память, *agon*, *poletos*, аниме, дзен-буддизм.

Авторы:

Сморгунов Леонид Владимирович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9). ORCID: 0000-0002-2581-2975; E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Игнатьева Ольга Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры политического управления, факультет политологии, Санкт-Петербургский государственный университет (адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9). ORCID: 0000-0002-1658-6427; E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сморгунов Л.В., Игнатьева О.А. Восприятие Японии в российском общественном сознании // Японские исследования. 2022. № 4. С. 56–74. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

The perception of Japan in the Russian public consciousness

L.V. Smorgunov, O.A. Ignatjeva

Abstract. Japan has long been a country closed to Russia. According to some sources, acquaintance with its inhabitants began in the 17th century, and we received the first direct information about the way of life of the Japanese from the descriptions of those who explored the Far East in the 18th century, as well as from Russian sailors. A particularly invaluable contribution to the question of understanding Japan at the initial stage was made by captain V.M. Golovnin, who was captured by the Japanese. Studying a country means not only focusing on political or economic relations, but also on the psychological perception of the inhabitants of the other country. This level – the level of soft power – is also important for building long-term good neighborly relations, affecting the mentality and the ability to perceive each other in a tolerant way. The purpose of this article is to analyze various sources, both academic and everyday ones, to characterize the image of Japan that has developed in the minds of Russian citizens. To achieve this goal, a phenomenological approach is used in the context of the “perception of the other”. The authors consistently prove the dominance of historical memory in the development of relations, which proceeded according to the type of non-military rivalry and conflict resolution. The logic and structure of the article is a movement from the analysis of relations between the inhabitants of our countries, starting with the notes of navigators of the 19th century, towards the analysis of the dynamics of current relations, and, finally, the discussion of the attitudes and perceptions of Japanese culture by the Russian youth. The authors conclude that the image of Japan in the minds and mentality of Russian citizens is formed according to the agonistic type, which implies the acceptance of the other, and not rejection, as is the case of the “perception of the other” according to the polemos type.

Keywords: Japan, Russia, perception of the other, historical memory, agon, polemos, anime, Zen Buddhism.

Authors:

Smorgunov Leonid V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Governance, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2581-2975; E-mail: l.smorgunov@spbu.ru

Ignatjeva Olga A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Governance, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (address: 7/9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1658-6427;

E-mail: o.a.ignatyeva@spbu.ru

Conflict of interests. The authors declare the absence of the conflict of interests.

For citation: Smorgunov L.V., Ignatjeva O.A. (2022). Vospriyatiye Yaponii v rossiyskom obshchestvennom soznanii [The perception of Japan in the Russian public consciousness]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2022, 4, 56–74. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

Отношение Японии и России складывались в неоднозначных исторических условиях. Народы общаются, выдвигая наряду с политическими или экономическими требованиями ещё и когнитивно-психологические интерпретации. В политическом и экономическом смыслах были и остаются проблемы, что же касается культуры, то здесь, как представляется, обеими сторонами признается большое значение культурных обменов и взаимопознания. Научная англоязычная литература о российско-японских отношениях раскрывает основные особенности исторических связей этих двух стран [Bartlett 2008; Cohen 2010; Bukh 2010; Perabo 2017; Ji-won 2020]. Опубликованы и проинтерпретированы путевые заметки русских, посетивших Японию в конце 18 – начале 20 в. [Wells 2004; Maggs 2010]. Вместе с тем проблема восприятия русскими японцев остаётся пока недостаточно изученным вопросом. Особенно это значимо в условиях растущего значения новых средств коммуникации, которые создают неизвестные ранее возможности для политической идентификации социальных общностей, по-другому включая в этот процесс историческую память. Следует отметить, что «восприятие другого» является одной из основных тем современной философско-социологической литературы, которую можно эффективно использовать в качестве методологии анализа отдельного случая русско-японского восприятия друг друга. Эта методология уже нашла выражение и в исследовании истории взаимоотношений Японии и России [Smorgunov 2008; Переславцева 2016; Чугров 2016; Любимова 2020].

Следует сказать, что при наличии большого списка современной литературы в России по истории и нынешнему состоянию российско-японских отношений, результатов исследования российских представлений о Японии относительно немного. Среди имеющейся литературы выделяются фундаментальные труды и обобщающие работы по истории и современному состоянию российско-японских отношений, включающие в себя интерпретации когнитивно-психологических взаимных установок [Молодяков 1996; Штейнер 2006; Саркисов 2015; Торкунов, Йокибэ 2015; Козлов 2016; Алпатов 2017; Стрельцов 2022], работы по российской и японской идентичности в различные периоды русско-японских отношений, начиная с 19 в., где содержится материал о взаимных представлениях [Саркисов 2016; Стрельцов, 2016; Чугров 2016]. Интересны работы по лингвистическому анализу восприятия культуры и общества Японии россиянами. Так, в исследовании Поповой Е.А. и Казанцевой В.А. анализируются три группы лингвистических маркеров, определяющих Японию как экзотическую культуру, страну с высоким уровнем технологического развития и субъекта международных отношений, представляющего некоторую опасность для России [Попова, Казанцева 2017, 2020]. В ряде работ, написанных на основе социологических данных, анализируется образ Японии со значительным компонентом восприятия её как экзотической страны, когда даже её промышленный прогресс в послевоенный период подводится под оценку «футуристичности» [Любимова 2020]; в других работах, описывающих мнение жителей российского Дальнего Востока, подчёркивается противоречивое сочетание суждений с выделением потребности интенсификации взаимодействий с этой страной [Ларин, Ларина 2020; Ларин, Ларина 2022]; социологический анализ мнений студентов двух стран о взаимном восприятии продемонстрировал, что российские студенты меньше идеологизированы относительно восприятия японцев, среди них в начале второго десятилетия 21 в. доминировали нейтральные взгляды на Японию [Жилина 2013].

В данной статье образы страны рассматриваются под углом зрения разных стратегий российской интерпретации Японии. Метафизика присутствия человека в мире и его жизни в нём предполагает ответ на вопрос о том, как связаны конструирование образа с исторической традицией интерпретации и взаимного позиционирования двух стран. В связи с этим наше понимание идентификационных практик сегодня не может ограничиться одной стратегией интерпретации взаимодействий и, соответственно, восприятий образов политики. На наш взгляд, здесь присутствует целый комплекс стратегий, избираемых участвующими во взаимодействии акторами в зависимости от политической онтологии исторических отношений, находящих радикальное выражение в ситуациях противостояния. Представляется, что доминирующей стратегией восприятия Японии в российском сознании служит историческая память выстраивания отношений по типу соперничества и разрешаемого конфликта при взаимных претензиях, т.е. отношения *agon*, а не военного взаимодействия, направленного на уничтожение врага – *polemos*. Как справедливо пишут редакторы фундаментальной работы по параллельной истории двух стран, «с момента зарождения контактов народы России и Японии относились друг к другу в целом доброжелательно, испытывая взаимную культурную тягу» [Торкунов, Иокибэ 2015, с. 4]. Конечно, эти стратегии присутствуют в истории в смешанном составе, но все же онтологически российское отношение к японскому обществу, культуре и народу характеризуется пониманием их специфики, уважением особенных черт и настроен на конструктивное взаиморасположение. Об этом говорит история и современное состояние отношений. Для описания последнего в работе использованы данные социологических опросов, проведённых российском Фондом общественного мнения в последние два десятилетия.

Agon vs polemos в российском восприятии Японии

Российское восприятие Японии, несмотря на исторические коллизии реальных политических отношений, тяготело к тому, что эта страна всегда оставалась в позитивном спектре базовых оценок и ощущений. Даже «плохие» исторические периоды сосуществования не могли перебить общей конструктивной картины, которую рисовало себе российское сознание относительно природы, культуры, жизни, человека Страны восходящего солнца. Российское понимание Японии учитывало взаимную политику, территориальные проблемы, коалиционные соглашения Японии с другими странами, но никогда не рассматривало эту страну в категориях *polemos*¹, т.е. борьбы на уничтожение или порабощение врага. Скорее в российском отношении присутствовало обострённое чувство соперничества, конкуренции и спора, отношения двух стран (на Дальнем Востоке, в АТР, в глобальном мире) взаимодействие между которыми составляют экзистенциальную потребность сосуществования. В этом смысле *agon*², т.е. соревнование с равным, описывает характерную черту российского восприятия Японии. Можно предположить, что многие

¹ В древнегреческой мифологии *Polemos* – это бог войны. Гераклит говорил о нём в метафорическом смысле как источнике всего. Впоследствии этот термин сыграл большую роль в обосновании политического как войны друзей против врагов у Карла Шмитта и Мартина Хайдеггера.

² *Agon* – в древней Греции борьба или состязание, в частности на олимпийских играх. В политической философии термин часто используется как противоположность войне, или *polemos*.

стереотипы в восприятии японских политиков явились результатом первых посещений Японии русскими, стремящимися, с одной стороны, наладить взаимовыгодные связи, а, с другой, расширяющие свои претензии на участие в политике соответствующего региона. Имеется много русских свидетельств о Японии XVIII–XIX вв. [Черевко 1999; Гришачев 2015], но особое место в этих описаниях отводится «Запискам» капитана-лейтенанта Василия Михайловича Головнина о приключениях его в плену у японцев, опубликованных впервые в 1816 г.

Василий Головнин, проведший два года в плену в Японии начале 19 века (1811–1813 гг.), не мог не попасть под обаяние этой страны. Если вначале он отмечал подозрительность и явную враждебность отношений, то впоследствии не мог не заметить, что японцы умны и проницательны, честны и сострадательны, владеют грамотой, имеют миролюбивое правление и мудрые законы [Записки флота...]. Хотя коллизия пленения российских офицеров и моряков японцами в это время была связана с обоснованным возникшим подозрением с их стороны, в описаниях страны присутствует попытка понять всё её своеобразие и возможные тенденции развития, которые бы благоприятствовали открытым отношениям. В связи с этим важным представляются заключительные замечания В.М. Головнина к своим воспоминаниям: «Книга дойдет до них... Найдя, что мы объявляем в свет со всею искренностью деяния и способы, употребленные нами к примирению, японцы уверятся совершенно в чистосердечии, с каковым предлагали мы им свою дружбу, и желали иметь с ними связь, а сие может служить к немалой пользе государства» [Козлов 2016, с. 15].

Особыми выступают события, имеющие отношение к оформлению русско-японских отношений во время посещения Японии делегацией адмирала Евфимия Васильевича Путятина в 1853 г. в Нагасаки в ходе его путешествия в 1852–1855 гг. Первые впечатления, как принято считать, являются самыми верными и устойчивыми и влияют на последующий процесс формирования и интерпретации образов. Подобные впечатления можно обнаружить во многих исторических свидетельствах, оставленных членами делегации Путятина. Известный русский писатель Иван Александрович Гончаров, который был секретарём Путятина, описал всё путешествие в книге «Фрегат “Паллада”». Однако в отношении первых впечатлений интересны суждения Александра Федоровича Можайского – морского офицера и художника, который оставил ряд зарисовок японцев той поры и сделал к одному из них подробный комментарий. Речь идёт об описании группового портрета японских представителей на переговорах. Можайский был непосредственным свидетелем переговоров, которые вёл Путятин и которые привели, в конце концов, к подписанию Симодского трактата (1855) – первого официального договора между Россией и Японией. Во время переговоров он сделал набросок группового портрета японской делегации, а потом, вернувшись из Японии к месту дальнейшей службы в Гельсингфорсе, доделал этот рисунок, подписал имена японских дипломатов и снабдил своим комментарием [А.М. 1857, с. 1–2]. В этой небольшой зарисовке, как представляется, содержатся основные стратегии восприятия и интерпретации японцев, которые были и остаются свойственными русским. Во-первых, ясно, что японские чиновники рассматриваются в перспективе другой культуры и истории. У них есть свои обычаи, своя манера одеваться, свои особенности вести переговоры и своя структура делегации. Все эти «халаты», «шаровары», «шарфы» подчёркивают «чужескость» и «странность». Различия заставляют русских понять, что они «другие» по отношению к японской культуре. Во-вторых, в описании есть то, что, по мысли

рассказчика, сближает членов делегации с русскими, более того, делает их представителями общечеловеческой культуры. Мы видим членов делегации «умными», «любезными», «благовоспитанными», их деятельность «деловой», они «добры» и «почтенны». Эти характеристики подчёркивают возможность контакта и обсуждения трудных вопросов повестки дня переговоров. Особо следует отметить стремление к пространственной симметрии на переговорах («не успев в своём намерении убедить адмирала подчиниться их обычаю, уполномоченные устроили себе скамейки, равной высоты со стульями, которые были привозимы для нас с фрегата»). Отношение симметрии заставляет понимать присутствующих как равных и взаимозависимых, здесь нет удаления на некоторую «недоступность» и «самостоятельность». В-третьих, в описании много определений, которые заставляют рассматривать происходящее как спектакль. Здесь все выполняют определённые роли («сановник», «шпион», «переводчик», «грамматик») и скрыты под разнообразными масками, которые говорят лишь о функции, но никак не характеризуют самих актёров. Те же самые «халаты», «шаровары», «шарфы», а здесь ещё и «сабли», отделены от культуры и представляют собой атрибуты сцены, элементы декорации. Все маски подчинены формирующемуся событию под названием «переговоры».

Известны воинственные настроения русских и их горестные переживания в ходе и после поражения в русско-японской войне 1904–1905 гг. Можно сказать, что в русском культурном сознании в этот период впервые появился стереотип отношения к Японии как к «вражеской стране» [Попова, Казанцева 2020, с. 42–45]. Но и здесь восприятие Японии в целом перебивается известными противоречивыми мнениями и равными оценками. Интерес к японской культуре в конце 19-го – начале 20-го в. в российском обществе сочетался с критическим военно-политическим настроением. Как справедливо отмечала Розамунд Барлетт, «ни одна другая страна в мире никогда не находилась в состоянии одновременно войны с Японией и в культурном плену у неё: это была уникальная ситуация. Неудивительно поэтому, что реакция на войну была разнообразной и противоречивой» [Bartlett 2008, p. 9]. Не только дипломатия, но и отношение к Японии проявляется в словах императора Николая II при приёме им нового посланника этой страны в 1906 г.: «Я узнал из доклада Нелидова (заместитель министра иностранных дел), что Ваше превосходительство глубоко симпатизирует нашей стране, и весьма рад тому, что Вы назначены к нам. Во время войны мы воевали друг с другом как честные и благородные противники (*комэй сэйдаи*), и я хотел бы, чтобы и теперь мы стали друг для друга честными и истинными товарищами. Это было бы большим счастьем и для Японии, и для России» (цит. по [Саркисов 2016, с. 307]). Знаменательный факт, но после войны именно японское правительство начало активную программу строительства мемориалов в Маньчжурии, чтобы показать свою добрую волю бывшему врагу, заявить о своей роли опекуна в регионе и продемонстрировать свою ценность как великой державы. Рядом с Порт-Артуром были сооружены памятники победителям, японцы построили первый крупный памятник павшим русским, храм-мавзолей, ставший местом последнего упокоения защитников форта. В этом факте проявляется не только японское великодержавие, но и признание России как партнёра, а не непримиримого врага. «На церемонии открытия в июне 1908 года военные чиновники обеих стран праздновали вместе в атмосфере взаимного уважения и восхищения. Генерал Гернгрос возглавил “ура” от русских войск в честь японского императора и его “отличной” армии, а генерал Ноги и японские солдаты кричали “банзай” русскому

императору и его “храбрым” солдатам» [Cohen 2010, p. 394]. Конечно, японский национализм этого периода и русское национальное самосознание находились в диссонансе, но уже через десять лет настроения изменяются для публики в целом. Во время Первой мировой войны Япония выстроила союз с Россией на Дальнем Востоке, помогая ей материально, что вызывало также создание положительных и одобрительных впечатлений.

Участие Японии на стороне белой армии в гражданской войне, Анτικοинтерновский пакт 1935 г., её милитаризация в 1930-е – 1940-е гг. и известные события Второй мировой войны, сопровождавшиеся её разгромом в августе–сентябре 1945 г. при участии СССР сформировали официальную отрицательную пропаганду, направленную против Японии, что не могло не сказаться на общественных настроениях того периода. Япония в целом воспринималась как противник Советского Союза, идущий на сделку с внутренним и международным империализмом. Ситуация начинает изменяться в 1960-х гг. Линда Гальван со ссылкой на работу японского исследователя Мидзобути Соноко пишет, что «отношение к Японии как к врагу в советское время тоже не было однозначным – неприязнь к Японии сочеталась с “состраданием и дружелюбием” к азиатским народам в целом» [Galvane 2010, p. 69]. Понимание зависимости японской внешней политики вместе с общей виктимизацией [Стрельцов 2016, с. 337–352] оценок понесённых тяжёлых трат во Второй мировой войне, делало восприятие Японии понятным и принятым. Как справедливо отмечал Д.В. Стрельцов, «что касается Советского Союза, то, по понятным причинам, гораздо больше внимания послевоенная советская историография уделяла вопросам, связанным с Великой Отечественной войной. Вступление СССР в войну с Японией, помимо того, что это было уже эпизодом не Великой Отечественной, а Второй мировой войны, в большей степени подавалось не как возмездие за совершенные японской военщиной преступления, а как выполнение обязательств СССР перед союзниками» [Стрельцов 2016, с. 340]. Книга журналиста-международника В.В. Овчинникова «Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы», изданная в 1971 г. в Советском Союзе тиражом в 65 тыс. экземпляров была выражением искренней симпатии к японскому народу. До этого отдельные главы из книги публиковались в весьма влиятельном литературном журнале «Новый мир» и вызвали восхищение читающей публики. Всеволод Овчинников писал: «Об этом соседнем народе наша страна с начала нынешнего века знала больше плохого, чем хорошего. Тому были свои причины. Да и то плохое, что мы привыкли слышать о японцах, в целом соответствует действительности и нуждается скорее в объяснении, чем в опровержении. Однако если отрицательные черты японской природы известны нам процентов на девяносто, то положительные лишь процентов на десять» [Овчинников 1971, с. 216].

1990-е гг. привнесли нечто новое в распределение реакций российских граждан на Японию. Крушение советской идеологии привело к ослаблению критической политической волны и к более интенсивному многостороннему взаимодействию с Японией. Происходит перестройка политических отношений, расширяется спектр культурных взаимодействий, большое количество российских и японских городов устанавливают побратимские связи (побратимские связи берут своё начало в 1961 г.; к настоящему времени 41 город или область в России имели побратимские связи с Японией). Налаживается интенсивный процесс взаимодействия между руководством двух стран. Общая политика этого периода не изменяется и в первые десятилетия нового века, демонстрирующие новые возникающие сложности и элементы восприятия Японии в общественном сознании.

Динамика общественного мнения о Японии в первые два десятилетия 21 века

Восприятие другой страны в обозримой исторической перспективе формируется в основном под влиянием происходящих флуктуаций в системе международных отношений, охватывающих эти две страны. Следует, конечно, различать некоторые базовые стереотипы, которые остаются более-менее устойчивыми в силу закрепления в сознании оценок и интерпретаций более глубинных оснований понимания истории и культуры стран, и более подвижное общественное мнение, которое подвержено изменению под влиянием высказываний политиков и средств массовой информации. Последнее как раз и возникает как отзыв на текущую политику, колеблясь в зависимости от конкретных политических шагов в межстрановых отношениях. В первые десятилетия 21 в. отношения России и Японии были лишены устойчивости, о чём свидетельствуют результаты опросов населения. Во-первых, несмотря на изменение идеологической базы российской политики в отношении Японии, для японского общества нерешённой оставалась территориальная проблема и заключение договора о мире, что с определённой периодичностью создавало напряжения и конфликты. Во-вторых, Япония, как и прежде оказывалась втянутой в ту политику, которую проводили западные государства в отношении России. Ясно, что это не могло не оказывать влияния на восприятие россиянами Японии. 24–25 ноября 2018 г. Фондом общественного мнения (ФОМ) был проведён очередной социологический опрос, позволяющий измерить отношение россиян к нашему дальневосточному соседу – Японии [Россияне делятся...]. В опросе приняли участие 1500 респондентов из 53 субъектов Российской Федерации. В контексте вопроса «В настоящее время между Россией и Японией сложились в целом хорошие или плохие отношения?» это был очередной замер, так как на протяжении 18 лет проводились периодические опросы, фиксирующие изменения отношений между соседними странами.

На рис. 1 можно проследить тренд, указывающий на ухудшение отношений между Японией и Россией с 2000 г. по 2018 г. Однако с 2011 г. по 2018 г. отношения стали резко улучшаться. Напряжённость в отношениях и их ухудшение можно охарактеризовать существованием территориального спора между двумя странами и жёсткой политикой восточного соседа в стремлении урегулировать данный вопрос. С приходом в 2012 г. к власти премьер-министра Абэ Синдзо ситуация стала меняться. Новый премьер пошёл на сближение с Россией, пытаясь путём укрепления экономических связей и налаживания тёплых и доверительных отношений с президентом России В.В. Путиным наконец-то разрешить в пользу Японии старый территориальный спор. Следует отметить, что в мае 2016 г. С. Абэ была заявлена новая экономическая политика в отношении России из восьми пунктов, которая отличалась от предыдущей политики, ориентированной на использование потенциала России как поставщика сырья и энергии, к более диверсифицированной и индустриально ориентированной стратегии [Панов 2016, с. 37–38]. К тому же она предполагала развитие экономических отношений как базы для заключения мирного договора и решения спорных территориальных вопросов. В 2018 г. премьер-министр С. Абэ и президент В.В. Путин приняли решение объявить перекрёстным годом Японии и России с целью стимулирования обменов между двумя странами в сферах культуры, искусства, бизнеса, науки, образования и др. В рамках года планировалось провести более 400

мероприятий. Все это не могло не сказаться на общественном мнении в России. Япония присоединилась к антироссийским санкциям после 2014 г. и после 24 февраля 2022 г. Однако можно согласиться с Ю.В. Латовым, что, «хотя антироссийские санкции осуществляют абсолютно все развитые страны, общественное сознание определённо не включает Японию в число “плохих” стран» [Латов 2017, с. 117].

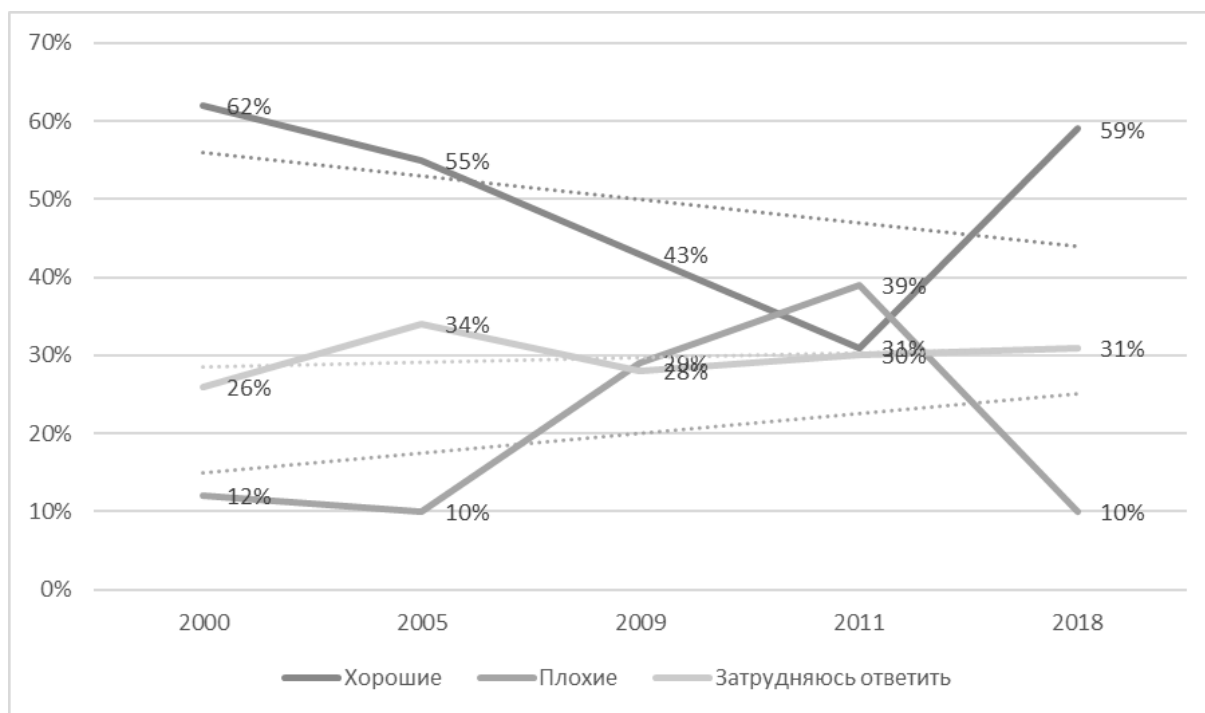

Рис. 1. Динамика российско-японских отношений с 2000 по 2018 г.

Источник: ФОМ, Россия. <https://fom.ru/Mir/14158>

Существует определённая цикличность в динамике российско-японских отношений: периоды затишья сменяются периодами резких сдвигов. В данном случае резкие структурные сдвиги приходятся на период 2005–2009 гг. и на период 2011–2018 гг. При этом резкий сдвиг в отрицательных отношениях приходится на период 2005–2009 гг., а заметный сдвиг в улучшении отношений приходится на 2011–2018 гг. И если последний положительный структурный сдвиг можно объяснить реализацией целенаправленных усилий правительства и премьер-министра Японии Абэ Синдзо на формирование добрососедских отношений с Россией, то период с 2005 по 2009 г. характеризуется частой сменой власти в Японии: Коидзуми Дзюньитиро (2001–2005), Абэ Синдзо (2006–2007), Фукуда Ясуо (2007–2008), Асо Таро (2008–2009), а также более неравномерной в отношениях с Россией политикой. Как подчеркивает О.Г. Парамонов, в «период между первым и вторым кабинетами С. Абэ японская внешняя политика имела ситуативный, реактивный характер не только на российском направлении, но и в целом» [Парамонов 2021, с. 122]. Следовательно, можно сделать вывод, что вопрос нормализации российско-японских отношений в данный период не занимал особого внимания политиков и проводился по давно сложившемуся стереотипу. И после отставки Абэ в 2020 г. она продолжила свой курс.

Интересно распределение общественного мнения о российско-японских отношениях в региональном разрезе. Понятно, что это региональное распределение зависит от близости к Дальнему Востоку и Японии, от уровня экономического и культурного взаимодействия с этой страной, от исторических связей, зафиксированных публичной памятью.

На рис. 2 представлены ответы на вопрос «Как вы считаете, Япония – это дружественное или недружественное по отношению к России государство?». В среднем 45–50 % населения из шести регионов считают Японию дружественной страной. Чуть больший процент (58 %) респондентов ответил на этот вопрос положительно Южном федеральном округе. Самая большая доля респондентов (65 %) пришла на Дальневосточный федеральный округ. Высокое значение показателя на Дальнем Востоке связано с активной политикой Японии в данном регионе по продвижению культуры своей страны как на уровне финансовой поддержки Японским фондом, так и активным участием консульств в различных мероприятиях, а также близостью Японии к данному региону, что делает возможным поездки в данную страну не только на уровне туристических путешествий, но и по рабочим визам. В этом регионе Япония занимает третье место среди стран по объёму экспорта и второе по объёму импорта.

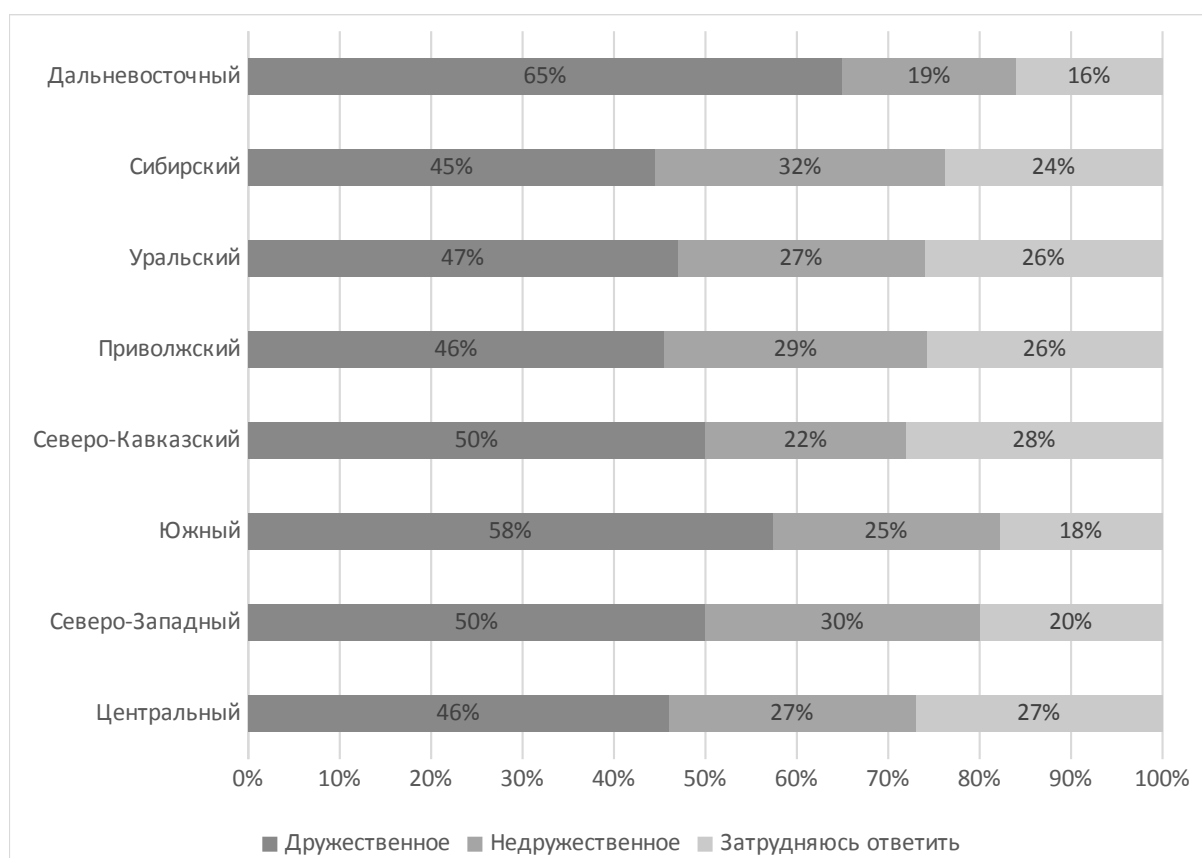

Рис. 2. Результаты ответов на вопрос «Как вы считаете, Япония – это дружественное или недружественное по отношению к России государство?»

На рис. 3 отражены результаты ответов на вопрос «Если говорить в целом, как вы считаете, для России партнёрские отношения с Японией важны или не важны?». Очевидно, что подавляющее число россиян полагают, что для России важны партнёрские отношения с Японией. Наибольший процент утвердительных ответов дали жители Центрального и

Северо-Западных федеральных округов (85 %), далее идут жители Дальневосточного федерального округа (84 %), затем Сибирского федерального округа (83 %). Чуть меньший процент показали жители Северо-Кавказского и Уральского федеральных округов – 79 % опрошенных ответили положительно. Таким образом, можно сделать вывод, что жители России не только готовы, но и приветствуют сотрудничество со своим тихоокеанским соседом.

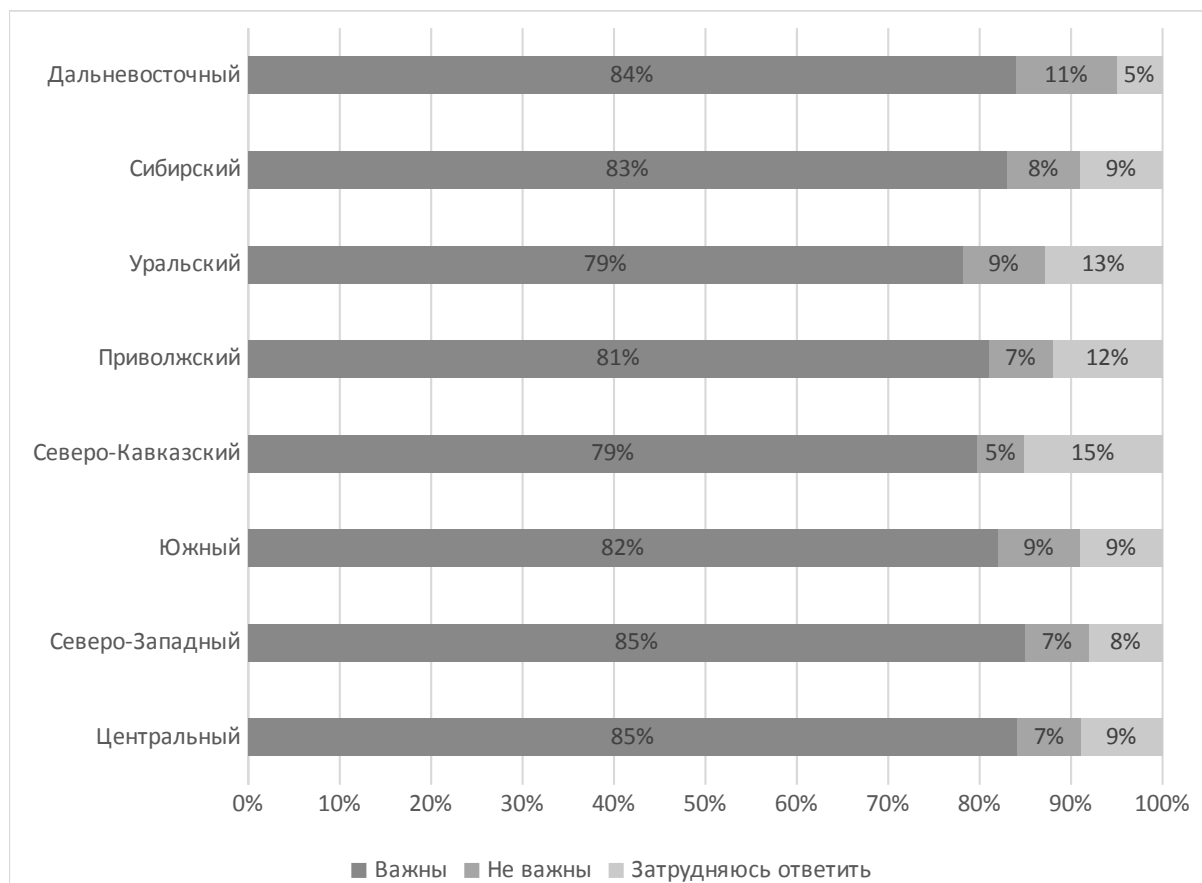

Рис. 3. Результаты ответов на вопрос: «Если говорить в целом, как вы считаете, для России партнёрские отношения с Японией важны или не важны?»

На рис. 4 отражены представления русских о готовности Японии сотрудничать с Россией, что является немаловажным в выстраивании добрососедских отношений и свидетельствует о положительном образе Японии в сознании большинства россиян. Так жители Дальнего Востока в 86 % случаев полагают, что японцы готовы к сотрудничеству с Россией и стремятся к этому. Жители Южного федерального округа полагают, что Японии нуждается в сотрудничестве с Россией в 81 % случаев. Представители Сибирского и Северо-Кавказского регионов считают так в 79 % случаев. Наименьший процент готовности к сотрудничеству Японии в представлении российских граждан показали жители Северо-Западного и Центрального регионов – 74 % и 77 % соответственно. Чуть более низкие показатели по северо-западу и центру России связаны с удалённостью данных регионов от Японии и ориентацией экономических связей до недавнего времени на страны Западной Европы и США.

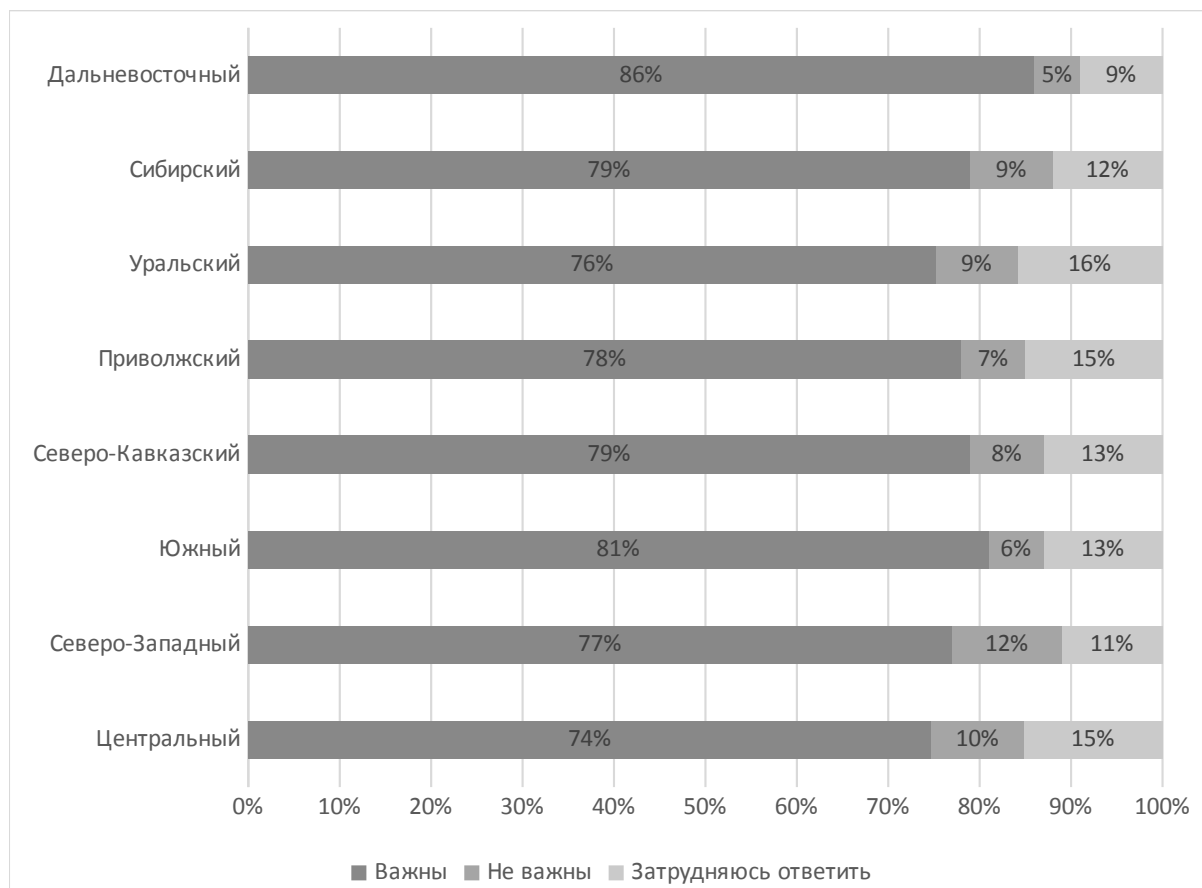

Рис. 4. Результаты ответов на вопрос: «Как вы думаете, а для Японии партнёрские отношения с Россией важны или не важны?»

Молодёжная субкультура Японии в России

Япония остаётся притягательным магнитом как для западных стран, так и для России. Её экзотический образ цветущей, технологически и экономически развитой страны, хранящей свои традиции и умело транслирующей их из поколения в поколение при помощи увлекательных сюжетов манги и аниме, не оставляет равнодушными многих жителей планеты. Цифровое поколение, зумеры, вступающие во взрослую и самостоятельную жизнь, в этом смысле не исключение. Как и их родители, они тоже попадают под скромное обаяние японской культуры. Долгое время с момента окончания Второй мировой войны отношения между Японией и Россией строились, исходя из литературных образов и стереотипов. При этом позитивными в этих отношениях были вопросы культуры, а негативными – вопросы политики. За это время «Россия и Япония приобрели поистине уникальный опыт построения взаимных образов при почти полном отсутствии политической реальности» [Куланов, Стоногина 2003].

Согласно опросу Фонда общественного мнения (08–09.02.2014), проведённому в 43 субъектах Российской Федерации на выборке из 1500 респондентов, в целом удельный вес поклонников аниме среди зрителей других мультипликационных жанров небольшой и в основном это молодёжь до 30 лет (6 % постоянных зрителей аниме в этом возрасте; см. рис. 5).

Рис. 5. Привлекательность жанров мультфильмов в РФ

Источник: ФОМ. Соцопрос «О мультфильмах» (2014).

Отаку – это сплочённые ряды увлечённой молодёжи, которые общаются как в Интернете в специально созданных группах социальных сетей ВКонтакте и Фейсбуке³ (в российском сегменте), так и встречаются вживую на косплейных фестивалях и аниме-ивентах.

Таблица. 1. Группы российских аниме-отаку ВКонтакте и в Фейсбуке

ВКонтакте	Количество участников	Фейсбук	Количество участников
Anime Channel	527918	Аниме арти	2800
AlexandriA	234365	Аниме. Русскоязычное сообщество	3800
Аниме	1642866	Дорамы Аниме Турецкие сериалы	6500
Картинки из аниме	144068	Аниме	24000
Аниме обои Antiterror	104073	^.^Аниме^^	16000
Хентай, аниме	104300	Аниме это наша жизнь	1200

³ 4 марта 2022 г. принято решение о блокировке доступа к сети Facebook на территории Российской Федерации. <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74156.htm>

Субкультура аниме возникла в Японии после того, как японская киноиндустрия стала массово выпускать в середине XX в. японские мультипликационные фильмы – аниме. Идейное ядро такого жанра – это «травма модернизации», которая выражена в каком-то знаковом событии (экологическая катастрофа, Вторая мировая война, взросление). Преодоление этого события через самопознание и самоосвобождение – суть каждого сериала аниме, что, конечно, привлекает многочисленных поклонников.

В 1990-е гг. японские мультипликационные сериалы аниме стали транслировать и в России. Очень быстро сформировались фаномные движения в разных регионах страны, которые развивались самостоятельно и зачастую независимо друг от друга [Воробьева 2021, с. 1–24]. В целом данная культура является безобидной и относится к более широкому молодёжному движению – гиков, отличающемуся от брутальных субкультур: футбольных фанатов (околофутбола), скинхедов, АУЕ. Данное увлечение предполагает формирование сообществ, совместное время проведение как в сети, так и в реальности с общением на темы из сюжетов полюбившихся аниме, косплей. «Куда сложнее и проблематичнее дело обстоит с другой, менее многочисленной категорией *анимэшников*, а вернее, *отаку* – экстремальными фанатами этой субкультуры, для которых анимэ, манга, компьютерные игры – это цель, причем главная цель в жизни, вся её суть. Они обитают в своих параллельных мирах вне времени, пространства и связи с окружающей действительностью и в этой своей одержимости во многом напоминают своих японских единомышленников» [Катасонова 2010, с. 52]. В целом субкультура аниме охватывает все регионы России, но чем регион ближе к Японии, тем больше количество фанатов.

Ещё одно культурное влияние, которое испытывают жители Российской Федерации, и особенно самая активная её часть – молодёжь, – это распространение практик дзен-буддизма, пришедшего к нам из Японии, но через страны англосаксонского мира. Дзен-буддизм появился в Японии в XII в. на основе китайского чань-буддизма, который возник в Китае как направление религиозных и телесных практик в V–VI вв. и достиг там расцвета в VIII в. Это была практика усмирения плоти и выживания в экстремальных условиях. Постепенно с усилением влияния данной религиозной школы китайские власти поставили её под запрет, и учение «чань» перешло в соседнюю Японию, где долгое время было не востребовано. И только в Средние века, в эпоху катаклизмов, оно стало популярным и в Японии, особенно для военного сословия – самураев, ибо дзен (чань) «учил, как не бояться смерти, как всегда быть готовым, как выжить в жизни, плохо приспособленной для жизни» [Штейнер 2006]. Суть данного учения заключается в особой онтологии жизни, но часто не совсем правомерно сводится к телесным практикам, предполагающим особую физическую подготовку (сидение в позе лотоса), отрешение от мирских забот путем разного рода аффирмаций.

Сначала дзен-буддизм проник на Запад, особенно став популярным после Второй мировой войны, что связано с размещением американских оккупационных войск в Японии и потерей ориентиров у западной молодёжи как результата послевоенного шока. В 1960-е гг. данное учение пришло и в Советский Союз [Александрова 2021, с. 97–101], заразив декадентствующую советскую интеллигенцию, желавшую быть «в стороне от совка, в пространстве собственном, виртуальном, эстетизированном» [Александрова 2021, с. 97]. Новый всплеск интереса к учению и практикам дзен начался в 1990-е гг., когда он фактически стал влиятельным течением в масс-культуре как способе ухода от тяжелых экономических и политических реалий, вызванных развалом Советского Союза.

Таким образом, хотя многие жители России, в том числе и молодёжь, никогда не бывали в Японии, они воспринимают эту страну через систему образов, семиотических знаков, транслируемых массовой культурой при помощи Интернета, СМИ, телевидения, а также на основе личных контактов с теми, кто когда-то посещал эту страну и общался с её жителями. Восприятие Японии в России окутано ореолом экзотики и обладает притягательной силой из-за её инаковости, неопознанности, удалённости. 64 % среди молодёжи 18–30 лет по данным ФОМ 2018 г. положительно оценивают российско-японские отношения.

Заключение

Существенной чертой восприятия образов другой страны в аспекте проблемы взаимных отношений является, как правило, *оппозиционность*. Под оппозиционностью восприятия образа можно понимать противопоставление возможных описаний образа другого, когда другой воспринимается не просто чужим (остранённым, увиденным), а в сопоставлении со своей культурой (понятным другим). В крайнем выражении оппозиция представляется как победа в борьбе подобная игре с нулевой суммой, или войне (*polemos*). В этом случае неважно, будем ли мы говорить о внешнем или о внутреннем образе. Следует подчеркнуть, что в этом случае образ формируется путём отталкивания от референта, от той основы, на которой образ должен был бы лежать и которую он должен был бы представлять. Образ становится ничем иным как носителем противоположности, разрыва, отношения «между», разорванности связей. Здесь необходимо присутствует отношение враждебности. Так строятся отношения в парадигмах «цивилизация – варварство», «мы – чужие», «друзья – враги». Второй тип формирующихся отношений базируется на принятии другого, понимании его культуры и способности выстраивать долговременные отношения, хотя и конкурентного плана. Их можно условно называть отношениями *конкурентной взаимности*. Здесь, наверное, удачным будет описание отношений как агонистских (*agonistic*). Как показывает история российско-японских отношений, начиная с первых шагов знакомства в XVII–XVIII вв., доминирующей стратегией взаимного восприятия здесь был второй тип отношений. XIX в. рисует в этом отношении благоприятную картину. Восприятие Японии после войны 1904–1905 гг. и Второй мировой войны 1939–1945 гг. в российском общественном сознании «сползло» с линии противопоставления и враждебности к пониманию и выстраиванию взаимности. Реальная политика, конечно, влияла на динамику взаимного восприятия, о чём свидетельствуют данные последних десятилетий. Общественное мнение адекватно отвечало на проблемные конфликты, однако всегда оставалось пространство для понимания. Даже молодёжь, испытывая притягательную силу японской экзотики, понимает её как дополнительный шаг к конструктивному взаимодействию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- А[лександр] М[ожайский]. Япония и японцы // Российский художественный листок. 1857. № 14. С. 1–2.
- Александрова О.А. Проникновение дзэн-буддизма в пространство отечественной культуры и философии // Образные ресурсы и технологии. 2021. Том 37. № 4. С. 97–101. DOI: 10.21777/2500-2112-2021-4-97-101

- Аллатов В.М.* Японистика. Теория языка. Социоллингвистика. История языкознания. Москва: Языки славянской культуры. 2017.
- Воробьева Е.С.* Субкультура аниме в современном российском социокультурном пространстве / Автореферат на соискание уч. степени кандидата наук. 2021. С. 1–24.
- Гришачев С.В.* (ред.). История российско-японских отношений: XVIII – начало XXI века. Москва: Аспект Пресс. 2015.
- Жилина Л.В.* Япония и Россия: пути формирования общественного мнения о странах-соседах // Ежегодник Япония. 2013. Т. 42. С. 135–153.
- Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев. Москва: Захаров. 2004.
- Катасонова Е.Л.* Отаку: за и против. Новая генерация людей компьютерной эпохи // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12. С. 52–58.
- Козлов С.* Русские открывают Японию: из рукописного наследия мореплавателей В. М. Головнина и А. И. Хлебникова 1810-1820-е гг. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 2016.
- Куланов А., Стоногина Ю.* Образ и реальность: Япония и Россия глазами друг друга. 15.07.2003. <https://polit.ru/article/2003/07/15/621297/> (дата обращения: 09.07.2022).
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л.* Меняющиеся образы Восточной Азии в сознании жителей тихоокеанской России: срезы последних лет // Россия и АТР. 2020. № 4 (110). С. 15–45.
- Ларин В.Л., Ларина Л.Л.* Современный взгляд на Японию из Владивостока (по результатам опроса 2021 года) // Японские исследования. 2022. № 1. С. 95–114. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114
- Латов Ю.В.* Антизападничество во внешнеполитическом менталитете современных россиян (по данным социологических опросов) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. Т. 5. № 4 (20). С. 108–123. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5522
- Любимова Н.С.* Образ Японии в России – старые элементы в новом оформлении // Вестник антропологии. 2020. № 3 (51). С. 153-167. DOI: 10.33876/2311-0546/2020-51-3/153-167
- Молодяков В.Э.* «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. Москва: Институт востоковедения РАН. 1996.
- Овчинников В.В.* Ветка сакуры: Рассказ о том, что за люди японцы. Москва: Молодая гвардия. 1971.
- Панов А.Н.* Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // Ежегодник Япония. 2016. С. 7–42.
- Парамонов О.Г.* Российско-японские отношения на рубеже веков: закономерности, маршруты, лидеры // Международная аналитика. 2021. Т. 12 (2). С. 107–129. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-107-129>
- Переславцева Р.С.* Образ «другого» в произведениях о русско-японской войне 1904–1905 годов // Вестник Новгородского государственного университета. 2016. № 94. С. 59–62.
- Попова Е.А., Казанцева В.А.* Роль стереотипов в формировании образа Японии в русской языковой картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2020. № 2. С. 42–45.
- Попова Е.А., Казанцева В.А.* Япония и японцы в зеркале русской фразеологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 4. С. 58–60.
- Россияне делятся своими представлениями о Японии и отношениями между нашими странами. ФОМ. 16.01.2019. <https://fom.ru/Mir/14158> (дата обращения: 6.07.2022).
- Саркисов К.О.* Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М.: Олма Медиа Групп. 2015.
- Саркисов К.О.* Сравнительный анализ идентичностей России и Японии (1905–1917 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. С. 298–309.
- Стрельцов Д.В.* (ред.). Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами. Москва: Изд. Аспект Пресс. 2022.

- Стрельцов Д.В. Идентичности России и Японии в послевоенный период (1945–1991 гг.) // Ежегодник Япония. 2016, С. 337–352.
- Торкунов А.В., Иокибэ М. (ред). Российско-японские отношения в формате параллельной истории: коллективная монография. Москва: МГИМО-Университет. 2015.
- Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX века. Москва: Наука. 1999.
- Чугров С.В. Идентичности России и Японии в постбиполярный период (1991–2015 гг.) // Ежегодник Япония. 2016. С. 353–375.
- Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России. Рабочая тетрадь 33/2016; Российский совет по международным делам (РСМД). Москва: Спецкнига. 2016.
- Штейнер Е.С. Без Фудзиямы: японские образы и воображения. Москва: Наталис. 2006.
- Штейнер Е.С. Япония и «японщина» в России и на Западе. 18.01.2006. <https://polit.ru/article/2006/01/18/schteiner/> (дата обращения: 09.07.2022).

REFERENCES

- Aleksandrova, O.A. (2021). Pronikновение dzen-buddizma v prostranstvo otechestvennoi kul'tury i filosofii [The Penetration of Zen Buddhism Into the Space of National Culture and Philosophy]. *Obraznye resursy i tekhnologii*, 37 (4), 97–101. <https://doi.org/10.21777/2500-2112-2021-4-97-101> (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2017). *Yaponistika. Teoriya yazyka. Sotsiolingvistika. Istoriya yazykoznaniiya* [Japanese Studies. Theory of Language. Sociolinguistics. History of Linguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian).
- Cherevko K.E. (1999). *Zarozhdenie russko-yaponskikh otnoshenii XVII–XIX veka* [The Origin of Russian-Japanese Relations in the 17th – 19th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Chugrov, S.V. (2016). Identichnosti Rossii i Yaponii v postbipolyarnyi period (1991–2015 gg.) [Russian and Japanese Identities in the Post-Bipolar Period (1991–2015)]. *Yearbook Japan*, 353–375. (In Russian).
- Chugrov S.V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii. Rabochaya tetrad' 33/2016* [The image of Russia in Japan and the image of Japan in Russia. Working Paper 33/2016]. Russian International Affairs Council. Moscow: Spetskniga. (In Russian).
- Grishachev, S.V. (Ed.). (2015). *Istoriya rossiisko-yaponskikh otnoshenii: XVIII – nachalo XXI veka* [History of Russian-Japanese relations: 18th – early 21st century]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Katasonova, E.L. (2010). Otaku: za i protiv. Novaya generatsiya lyudei komp'yuternoii epokhi [Otaku: For and Against. A New Generation of People of the Computer Age]. *Aziya i Afrika segodnya*, 12, 52–58. (In Russian).
- Kozlov, S. (2016). *Russkie otkryvayut Yaponiyu: iz rukopisnogo naslediya moreplavatelei V. M. Golovnina i A. I. Khlebnikova 1810-1820-e gg.* [Russians Discover Japan: From the Handwritten Heritage of Navigators V.M. Golovnin and A.I. Khlebnikov, 1810–1820s]. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. (In Russian).
- Kulanov, A., Stonogina, Yu. (2003, July 15). *Obraz i real'nost': Yaponiya i Rossiya glazami drug druga* [Image and Reality: Japan and Russia Through Each Other's Eyes]. *Polit.ru*. Retrieved July 9, 2022, from <https://polit.ru/article/2003/07/15/621297/> (In Russian).
- Larin, V.L., Larina, L.L. (2020). Menyayushchiesya obrazy Vostochnoi Azii v soznanii zhitelei tikhoookeanskoi Rossii: srezy poslednikh let [Changing Images of East Asia in the Minds of the Inhabitants of Pacific Russia: Data From Recent Years]. *Rossiya i ATR*, 4 (110), 15–45. (In Russian).
- Larin, V.L., Larina, L.L. (2022). *Sovremennyi vzglyad na Yaponiyu iz Vladivostoka (po rezul'tatam oprosa 2021 goda)* [A Modern View of Japan From Vladivostok (Based on a 2021 Survey)]. *Japanese Studies in Russia*, 1, 95–114. <https://doi.org/10.24412/2500-2872-2022-1-95-114> (In Russian).
- Latov, Yu.V. (2017). Antizapadnichestvo vo vneshnepoliticheskom mentalitete sovremennykh rossiyan (po dannym sociologicheskikh oprosov) [Anti-Western Sentiment in the Foreign Policy Mentality of

- Modern Russians (According to Opinion Polls)]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, Vol. 5, 4 (20), 108–123. <https://doi.org/10.19181/snsp.2017.5.4.5522> (In Russian).
- Lyubimova, N.S. (2020). Obraz Yaponii v Rossii – starye elementy v novom oformlenii [The Image of Japan in Russia – Old Elements in a New Design]. *Vestnik antropologii*, 51 (3), 153–167. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/153-167> (In Russian).
- Molodyakov, V.E. (1996). «Obraz Yaponii» v Evrope i Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka ["The Image of Japan" in Europe and Russia in the Second Half of the 19th – early 20th Centuries]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).
- M[ozhaiskii], A[leksandr]. (1857). Yaponiya i yapontsy [Japan and the Japanese]. *Rossiiskii khudozhestvennyi listok* [Russian Artistic Paper], 14, 1–2. (In Russian).
- Panov, A.N. (2016). Vneshnepoliticheskie priority prem'er-ministra Yaponii Abe Sindzo [Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Foreign Policy Priorities]. *Yearbook Japan*, 7–42. (In Russian).
- Paramonov, O.G. (2021). Rossiisko-yaponskie otnosheniya na rubezhe vekov: zakonomernosti, marshruty, lidery [Russian-Japanese Relations at the Turn of the Century: Patterns, Routes, Leaders]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 12 (2), 107–129. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-107-129> (In Russian).
- Pereslavceva, R.S. (2016). Obraz «drugogo» v proizvedeniyakh o russko-yaponskoi voine 1904–1905 godov [The Image of the “Other” in the Works on the Russo-Japanese War of 1904–1905]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 94, 59–62. (In Russian).
- Popova, E. A., Kazanceva, V. A. (2017). Yaponiya i yapontsy v zerkale russkoi frazeologii [Japan and the Japanese in the Mirror of Russian Phraseology]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 4, 58–60. (In Russian).
- Popova, E. A., Kazanceva, V. A. (2020). Rol' stereotipov v formirovanii obraza Yaponii v russkoi yazykovoi kartine mira [The Role of Stereotypes in Shaping the Image of Japan in the Russian Language Picture of the World]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2, 42–45. (In Russian).
- Rossiyanе delyatsya svoimi predstavleniyami o Yaponii i otnosheniyami mezhd u nashimi stranami [Russians Share Their Ideas About Japan and Relations Between Our Countries] (2019, January 16). Retrieved July 6, 2022, from <https://fom.ru/Mir/14158> (In Russian).
- Sarkisov, K.O. (2015). *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnoshenii (1817–1917)* [Russia and Japan. One Hundred Years of Relations (1817–1917)]. Moscow: Olma Media Grupp. (In Russian).
- Sarkisov, K.O. (2016). Sravnitel'nyi analiz identichnostei Rossii i Yaponii (1905–1917 gg.) [Comparative Analysis of the Identities of Russia and Japan (1905–1917)]. *Yearbook Japan*, 298–309. (In Russian).
- Shteiner, E.S. (2006). *Bez Fudziyamy: yaponskie obrazy i voobrazheniya* [Without Fujiyama: Japanese Imagery and Imagination]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Shteiner, E.S. (2006, July 9). Yaponiya i «yaponshchina» v Rossii i na Zapade [Japan and „Japaneseness” in Russia and in the West]. *Polit.ru*. Retrieved July 9, 2022, from <https://polit.ru/article/2006/01/18/schteiner/> (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2016). Identichnosti Rossii i Yaponii v poslevoennyi period (1945–1991 gg.) [Russian and Japanese Identities in the Postwar Period (1945–1991)]. *Yearbook Japan*, 337–352. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (Ed.) (2022). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosednyami* [Problems of the Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).
- Torkunov A.V., Iokibe M. (Eds.). 2015. *Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii: kollektivnaya monografiya* [Russian-Japanese Relations in the Format of a Parallel History: Collective Monograph]. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russian).

Vorob'eva, E.S. (2021). *Subkul'tura anime v sovremennom rossiiskom sotsiokul'turnom prostranstve* [Anime Subculture in the Modern Russian Sociocultural Space]. Candidate of Sciences Dissertation Summary. 1–24. (In Russian).

Zapiski flota kapitana Golovnina o priklyucheniyakh ego v plenu u yaponcev (2004). [Notes of Navy Captain Golovnin About His Adventures in Japanese Captivity]. Moscow: Zakharov. (In Russian).

Zhilina, L.V. (2013). Yaponiya i Rossiya: puti formirovaniya obshchestvennogo mneniya o stranakh-sosedyakh [Japan and Russia: Ways of Shaping Public Opinion About Neighboring Countries]. *Yearbook Japan*, 42, 135–153. (In Russian).

* * *

Bartlett, R. (2008). Japonisme and Japanophobia: The Russo-Japanese War in Russian Cultural Consciousness. *The Russian Review*, 67 (1), 8–33.

Bukh, A. (2010). *Japan's National Identity and Foreign Policy: Russia as Japan's 'Other'*. Oxford and New York: Routledge.

Cohen, A. (2010). Long Ago and Far Away: War Monuments, Public Relations, and the Memory of the Russo-Japanese War in Russia, 1907–14. *The Russian Review*, 69 (3), 388–411.

Galvane, L. (2010). In the Middle, Somewhat... Japanese-Russian Mixed Blood Characters in Contemporary Russian Literature. *New Zealand Slavonic Journal*, 44, 69–87.

Ji-won, Yu. (2020). The Origin of Territorial Disputes in Northeast Asia and Japanese Perceptions of the Russo-Japanese War. A Literature Review. *Pacific Focus*, XXXV (1), 59–75. <https://doi.org/10.1111/pafo.12155>

Maggs, B. (2010). Imprisoned! Two Russian Narratives of Travel and Captivity in Asia in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries: Filipp Efremov in Central Asia and Vasilii Golovnin in Japan. *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*, 52 (3/4), 331–349.

Perabo, B. (2017). *Russian Orthodoxy and the Russo-Japanese War*. London: Bloomsbury Academic.

Smorgunov, L. (2008). Strategies of Representation: Japanese Politicians on Russian Internet and Television. In Y. Mikhailova, W. M. Steele (Eds.), *Japan and Russia. Three Centuries of Mutual Images* (pp. 192–207). Global Oriental.

Wells, D. (2004). *Russian Views of Japan, 1792–1913: An Anthology of Travel Writing*. Routledge.

Поступила в редакцию: 10.09.2022

Received: 10 September 2022

Принята к публикации: 25.11.2022

Accepted: 25 November 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89

Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.)

С.Г. Лузянин

Аннотация. Избрание в 2012 г. В.В. Путина на новый президентский срок и его дальнейшие внешнеполитические инициативы сказались на активизации внешней политики России в целом, и на японском направлении, в частности. В статье предпринимается попытка осветить развитие российско-японских связей в период 2012–2022 гг., включая фазу обострения отношений после начала Специальной военной операции России на Украине 24 февраля 2022 г. и присоединения Японии к антироссийским санкциям США, а также роль и влияние Китая на двусторонний российско-японский формат, на регион Восточной Азии и др. Автор, опираясь на работы ведущих российских специалистов, рассматривает динамику взаимного восприятия образов России и Японии на уровне российского и японского общественного мнения, специфику китайско-американских отношений в условиях торговой войны в японском измерении. Особое внимание уделено изучению эволюции российско-японских торгово-экономических, военно-политических, энергетических, арктических и гуманитарных контактов. В работе прослеживаются особенности российской, японской и китайской мотиваций по вопросам региональной безопасности, их отношение к украинским событиям, включая проведение российской СВО, реакция Москвы на антироссийские санкции Токио, на давление США и их союзников. В общем виде сформулирована проблема эволюции условного треугольника «Россия – Япония – Китай» на современном этапе, деформация его ключевых элементов и перспективы дальнейшего развития.

Автор концентрируется на освещении российско-японских контактов в сферах региональной безопасности до и после 24 февраля 2022 г., включая южно-курильские опции, а также на анализе скрытых, возможных японских политических мотиваций в период правления С. Абэ по проблемам углубления российско-китайского стратегического партнёрства и проекции этого партнёрства на безопасность Японии и японо-американский военно-политический союз. Важным в работе представляется освещение динамики российско-японских политических отношений в свете оформления российским руководством статуса Японии как «недружественного государства» и дальнейшее развитие двусторонних – российско-японской и российско-китайской – моделей взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: Россия, Япония, Китай, торговля, инвестиции, безопасность, трансформация угроз, санкции, «недружественное государство».

Автор: Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, Департамент зарубежного регионоведения Научно-Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, Мясницкая, 20); профессор кафедры востоковедения МГИМО Университет МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76). ORCID: 0000-0001-9578-6023; E-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лузянин С.Г. Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.) // Японские исследования. 2022. № 4. С. 75–89. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89

Russian-Japanese relations and the Chinese factor: Evolution and transformation (2012–2022)

S.G. Luzyanin

Abstract. The election of V.V. Putin for a new presidential term in 2012 and his further foreign policy initiatives affected the intensification of Russia's foreign policy in general, as well as its Japanese direction. The article attempts to highlight the development of Russian-Japanese relations in the period of 2012–2022, including the phase of aggravation of relations after the start of the Russian special military operation in Ukraine on February 24, 2022 and Japan's accession to the US anti-Russian sanctions, as well as the role and influence of China on the bilateral Russian-Japanese format, the East Asian region, the specifics of Chinese-American relations in the context of the "trade war" in the Japanese dimension, etc. Based on the published works of leading Russian experts, the author examines the dynamics of mutual perception of the images of Russia and Japan at the level of Russian and Japanese public opinion. Particular attention is paid to the study of the evolution of Russian-Japanese trade and economic, military-political, energy, Arctic, and humanitarian contacts. The paper traces the features of Russian, Japanese and Chinese motivations regarding regional security issues, attitudes towards the Ukrainian events, including the Russian special military operation, Moscow's reaction to anti-Russian sanctions, towards the pressure from the United States and their allies. In general, the problem of the evolution of the notional triangle "Russia – Japan – China" at the present stage, the deformation of its key elements and the prospects for further development are formulated.

The author focuses on the coverage of Russian-Japanese contacts in the areas of regional security before and after February 24, 2022, including the South Kuril options, as well as the analysis of hidden possible Japanese political motivations during the rule of Shinzō Abe regarding the problems of the deepening of the Russian-Chinese strategic partnership and the projections of this partnership on the security of Japan and the Japanese-American military-political alliance. An important aspect of the work is the coverage of the dynamics of the Russian-Japanese political relations in the light of the Russian leadership designating Japan as an "unfriendly state" and the further development of bilateral Russian-Japanese and Russian-Chinese models of interaction in the Asia-Pacific region.

Keywords: Russia, Japan, China, trade, investment, security, threat transformation, sanctions, "unfriendly state".

Author: *Luzyanin Sergey G.*, Doctor of Sciences (History), Professor of the School of International Regional Studies of the "Higher School of Economics" University (HSE) (address: 20, Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian Federation); Professor of the Department of Oriental Studies, MGIMO University of the Russian Foreign Ministry (address: 76, Vernadsky Ave., Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-9578-6023; E-mail: luzyanin.sergey@mail.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Luzyanin S.G. (2022). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya i kitayskiy faktor: evolyutsiya i transformatsiya (2012–2022 gg.) [Russian-Japanese relations and the Chinese factor: Evolution and transformation (2012–2022)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 75–89. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89

Введение

Избрание в 2012 г. В.В. Путина на новый президентский срок и его дальнейшие внешнеполитические инициативы сказались на активизации внешней политики России в целом, и политики на японском направлении, в частности. В условиях разворачивающегося российского поворота на Восток вплоть до проведения Специальной военной операции 24 февраля 2022 г. и полноформатного подключения Японии к антироссийским санкциям США, российско-японский трек, несмотря на сохранение приоритетности стратегического партнёрства с Китаем, рассматривался Москвой как один из дополнительных вариантов диверсификации внешней политики, как часть стратегии с опорой на разные центры силы в АТР. При этом торгово-экономические и инвестиционные ресурсы российско-японского сотрудничества позволяли Москве использовать их в качестве дополнительной компенсации западных экономических санкций, введённых против России в 2014 г. Очевидно, что после выхода Японии из статуса нейтрального и перехода в группу «недружественных государств», данные опции для России либо полностью исчезли, либо значительно сократились.

С другой стороны, развитие двусторонних российско-японских и китайско-японских отношений, а также российско-китайского партнёрства по вопросам, затрагивающим японские интересы, может быть представлено в виде условного треугольника «Россия – Япония – Китай», включающего в себя региональную безопасность, торгово-экономические, гуманитарные и прочие проблемы. Очевидно, что каждая двусторонняя модель существует в собственной парадигме, но при этом китайский фактор влияет не только на российско-японские отношения, но и на международную расстановку сил в мире в целом и в Восточной Азии в частности.

В статье предпринимается попытка осветить эволюцию российско-японских отношений до Специальной военной операции России (24 февраля 2022 г.) и после неё, включая те её аспекты, которые связаны с влиянием Китая на эти отношения, и роль Пекина в расстановке сил в регионе с учётом американского фактора. Автор затрагивает проблему эволюции взаимного восприятия в историческом и современном плане, асимметричность стереотипов. Особый акцент делается на анализе проблематики региональной безопасности, изменении подходов российского руководства по вопросам размещения Японией американских систем ПРО, южнокурильской проблемы в российско-японских отношениях, Арктической повестки Москвы, Токио и Пекина, эволюции торгово-экономических связей России и Японии в условиях усиления антироссийских санкций и обострения украинского кризиса.

Российско-японская модель взаимодействия: экономические параметры

Российское восприятие Японии во второй половине XX в., несмотря на достаточно непростую историю отношений за последние 100 лет, в целом было позитивным, без агрессии и враждебности. Народы двух государств пережили русско-японскую войну 1904–1905 гг., больно ударившую по самолюбию и дальневосточным (курильско-сахалинским) территориям царской России, и Вторую мировую войну (1939–1945 гг.), уничтожившую

японский милитаризм и вернувшую СССР утраченное – территориальную и политическую справедливость.

Японский технологический взрыв 1970–1980 гг. и загадочные культурные артефакты притягивали внимание всего мира, вызывая восхищение и желание разгадать путь «японского воина» XX века [Овчинников 1975]. Восстановление по итогам Совместной советско-японской декларации от 19 октября 1956 г. дипломатических отношений СССР и Японии и неудачная попытка подписания мирного договора, решения Южно-Курильской проблемы, тем не менее, не воспринимались как политический тупик или катастрофа в отношениях двух государств. Классический, блоковый, биполярный мир «СССР – США» органично встраивал в свою структуру незавершенную советско-японскую модель, которая мирно эволюционировала в 1990-е гг. в российско-японскую, дополнив её надеждами и ожиданиями разрешения территориальной дилеммы.

В самой Японии образ СССР был деформирован историческими стереотипами. По мнению Д.В. Стрельцова, «...в условиях идеологического противостояния Японии и СССР в период холодной войны происходила передача травматического опыта и стереотипов от поколения к поколению. В рамках такой парадигмы Советский Союз оставался для Японии “источником всевозможных бед”. К тому же в Стране восходящего солнца не сложилось сильных лоббистских групп в пользу отношений с СССР, так как он занимал относительно низкое положение в шкале внешнеполитических и экономических приоритетов Токио» [Стрельцов 2022, с. 44].

«Ельцинская эпоха» добавила противоречивости и необоснованных взаимных ожиданий – в Японии элиты и население были уверены, что в 2000 год страна вступит, вернув «северные территории», а в России – что поток японских инвестиций и технологий вот-вот хлынет на российские территории, сказочно обогатив их, и что сам факт подписания большого Договора – вопрос почти решённый. В марте 1991 г. в высших эшелонах российской власти рассматривались варианты продажи Южно-Курильских островов за 28 млрд долл. США (миссия Одзава Итиро).

Первое пребывание В.В. Путина в 2000–2008 гг. на посту президента России во многом ознаменовалось на японском направлении попытками устранения двусмысленности вокруг территориального вопроса. 27 сентября 2005 г. В.В. Путин, выступая перед своим официальным визитом в Японию, сделал заявление японским СМИ о том, что четыре Южно-Курильских острова находятся под суверенитетом России и это закреплено международным правом по результатам Второй мировой войны, что вызвало тогда отрицательную реакцию в среде японских экспертов и учёных, писавших о том, что новая линия В.В. Путина якобы разрушает сложившуюся в 1990-е гг. «линию Б.Н. Ельцина».

Российско-японский экономический трек по отдельным отраслям развивался соответственно конъюнктуре, складывавшейся на том или ином этапе. Показатель двусторонней торговли в 2007 г. оценивались в 7,1 млрд долл. США, объём накопленных прямых инвестиций – 3,1 млрд долл. США, из которых 2,5 млрд приходилось на запущенный в том же году проект «Сахалин-1» с участием японской компании «Содэко», а также проект «Сахалин-2» с участием «Мицубиси» и «Мицуи». Открывались определённые перспективы увеличения нефтяного российского импорта, другие опции. Исторического максимума российско-японская торговля достигла в 2013 г., составив 33,2 млрд долл. США, далее она

пошла на спад: 2014 г. – 30,8 млрд долл.; 2015 г. – 21,3 млрд долл., 2016 г. – 16,1 млрд долл. [Перспективы развития 2019, с. 23–32, 37–40].

В апреле 2013 г. после 10-летнего перерыва состоялся официальный визит японского премьер-министра С. Абэ в Россию, наметивший политические сдвиги в двусторонних отношениях. Крымские события 2014 г. на некоторое время затормозили политический процесс, однако Токио присоединился к антироссийским санкциям лишь формально, и японское участие в них не принесло в тот период серьёзного ущерба российской экономике. 6 мая 2016 г. в Сочи состоялась новая встреча В.В. Путина и С. Абэ, который пренебрёг настоятельными советами США отказаться от контактов с руководителем России и с большим энтузиазмом и заинтересованностью провёл все запланированные встречи.

По итогам встречи был подписан План экономического сотрудничества из 8 пунктов: 1) кооперация в сфере поддержки малого и среднего бизнеса; 2) развитие городской среды; 3) сотрудничество в сфере энергетики; 4) подъём Сибири и Дальнего Востока; 5) развитие российского здравоохранения; 6) диверсификация российской промышленности в сторону усиления высокотехнологических и обрабатывающих секторов; 7) углубление научно-технической кооперации; 8) формирование гуманитарных обменов [«Азиатский поворот» 2022, с. 64–69, 71].

С 2017–2018 гг. в двусторонних торгово-экономических отношениях стала просматриваться позитивная динамика: в 2017 г. торговля оценивалась в 18,1 млрд долл.; в 2018 г. – 18,3 млрд; в 2019 г. – 21,3 млрд. В 2020 г. в условиях пандемии COVID-19 товарооборот сократился до 16,2 млрд долл., отставая в 6 раз от российско-китайского и в 3 раза от российско-южнокорейского.

При этом структура российского экспорта в Японию не менялась ни на пике (2013 г.), ни в период спада (2016 г.) – 76 % приходилось на продукцию минерального сырья, включая углеводороды и небольшую долю металлов, драгметаллов, древесину (5,5 %), целлюлозу (4 %), машины и оборудование (1,1 %) и др. Импорт на протяжении последнего десятилетия также в структурном плане не менялся – около 80 % товаров составляли японские машины и оборудование.

К 2017–2018 гг. увеличились инвестиционные доли японской корпорации «Содэко» до 30 % в акциях топливно-энергетического проекта «Сахалин-1» и до 12,5% компании «Мицуи» и 10 % компании «Мицубиси» в проекте «Сахалин-2». При этом на экспорт в Японию приходилось в тот период до 20 % объёма нефти с проекта «Сахалин-1» и до 30 % с «Сахалина-2», а также около 80 % СПГ с завода, построенного в рамках проекта «Сахалин-2» [Перспективы развития 2019]. Возникало ощущение, что сахалинские проекты по содержанию были некоей скрытой формой японского неокOLONIALИЗМА, юридически умело встроенного в соглашения о совместном разделе продукции (СРП) и лоббируемые заинтересованными бизнес-группами в России и Японии.

В 2018–2019 гг. были запущен Перекрестный год России и Японии, в которых акцент делался на углубление народной дипломатии, а в 2020–2021 гг. на этом же треке были проведён Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов. 5 июня 2021 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2021) состоялась сессия «Россия – Япония», на которой обсуждался ряд актуальных вопросов под модераторством президента Японской ассоциации по торговле с Россией и новыми независимыми государствами (РОТОБО) Мураяма Сигэру и председателя Общероссийской

общественной организации «Деловая Россия», председателя совета директоров группы компаний «Р-Фарм» Алексея Репика [Горчакова, Казаков 2021, с. 71–73, 75].

Другими словами, в российско-японской модели образца 2019–2021 гг. открывались отдельные позитивные «окна» кооперации – межрегиональные, гуманитарные, общественно-научные и пр., но при этом главных прорывов на инвестиционно-экономическом и тем более политическом поле не наблюдалось.

Двойственный смысл имела и программа сотрудничества из 8 пунктов. Российские эксперты отмечали два её принципиальных момента: 1) Она (программа) носила эклектичный характер, объединяя практически все основные экономические процессы двусторонней кооперации, с ориентацией не на достижение конкретного результата, а на продвижение японского «бренда» в плане превосходства японского над всем российским. Форма доминировала над содержанием.

Отдельные направления программы, например увеличение продолжительности здоровой жизни россиян за счёт повышения уровня медицинского обслуживания и др., выглядели как некая социальная «благотворительность» с учётом более продвинутого по сравнению с российским японского образа жизни. Равноправный принцип был фактически демонтирован и заменен японским снисходительным «покровительством» [Нелидов 2022, с. 49–55, 59–61].

Кроме социально-рекламного компонента, скрытым мотивом японской стороны была реализация главной установки – экономическая помощь в обмен на территориальные уступки. Программа сотрудничества, несомненно, содержала, в завуалированной форме, политический подтекст.

Арктическая повестка

План экономического сотрудничества включал также российско-японское арктическое направление кооперации. В мае 2013 г. при поддержке России Япония получила статус наблюдателя в Арктическом совете – основной международной структуре в составе основных арктических государств – России, Канады, США, Дании, Финляндии, Норвегии, Исландии и Швеции. Интерес Японии был обусловлен тремя факторами: а) возможностью использования Северного Морского Пути (СМП) для более удобной транспортировки товаров; б) подключением к энергетическим ресурсам Арктики, включая производство и транспортировку СПГ на Ямале; в) возможностью контроля сферы военной безопасности в условиях растущей конкуренции с Китаем в арктической зоне.

В декабре 2019 г. российское правительство утвердило План развития инфраструктуры СМП на период до 2035 г., который предусматривал развитие ледокольного флота, портовой инфраструктуры, северных российских территорий, в основном депрессивных, лежащих вдоль арктического пути и др. Кроме внутренних ресурсов, для реализации масштабных планов предполагались и внешние источники финансирования, особенно в углеводородной (газовой) сфере, со стороны французских, китайских, японских и южнокорейских компаний.

По итогам переговоров российской компании «Новатек» с японскими представителями корпораций JOGMEC, JGC и Chiyoda была подписана серия соглашений о строительстве трёх линий по производству СПГ в 2023–2026 гг. на Ямале. Итоговым стал заключенный 29 июня 2019 г. на полях саммита G20 в г. Осака (Япония) контракт о покупке японскими

компании 10 %-ной доли в проекте «Арктик СПГ-2». При этом 60 % акций сохранял «Новатек», 7,1 % принадлежало французской Total и по 10 % имели китайские корпорации CNODC и CNOOC.

По оценкам российских специалистов, значение проекта «Арктик СПГ-2» для России и Японии было связано с открывавшейся возможностью соединить российский газ, японские финансы и технологии, трудовые ресурсы и промышленные мощности стран АСЕАН и Южной Азии в единое целое. Морские северные коридоры могли стать новой логистической основой для дальнейшего экономического развития региональной экономики, а российско-японское сотрудничество в Арктике приобретало и глобальное измерение. Японская концепция свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона через арктические углеводородные и транспортные проекты в тот период объективно коррелировалась с российской концепцией Большой Евразии [Стрельцов 2021].

При этом более прикладная японская мотивация просматривалась в том, что с помощью российских арктических газовых проектов Япония стремилась диверсифицировать свой импорт СПГ, который на 60 % был сконцентрирован на трёх страновых треках – малайзийском, катарском и австралийском. К тому же доставка СПГ с Ямала в плане маршрутной логистики была более комфортна для неё, чем ближневосточные варианты.

Серьёзным конкурентом для Японии в арктической зоне с 2013 г. становился Китай, который в рамках своей мега-инициативы «Пояс и путь», помимо сухопутного (евразийского) и южного морского маршрутов, запустил северную морскую версию, официально названную «Ледовый шёлковый путь» [冰上丝绸之路 2017]. В январе 2018 г. Государственный совет КНР опубликовал «Белую книгу» по Арктической политике Китая, в которой была подробно прописана северная стратегия Китая и планы сотрудничества с арктическими государствами, включая Россию. Были сформулированы четыре цели его политики: «изучать», «защищать», «развивать» Арктику и «участвовать» в арктическом управлении, что необходимо для «защиты общих интересов» и «обеспечения устойчивого развития» [Петровский, Филиппова 2022, с. 87–89, 91–95, 114].

Россия, используя китайские инвестиционные и технологические возможности, а также японские ресурсы, работала в данном арктическом регионе одновременно на двух кооперационных дорожках – китайской и японской. В практическом плане китайское влияние было выше, чем японское, но сам факт присутствия Страны восходящего солнца на русском арктическом Севере позволял России сохранять возможность маневрирования в арктических делах, не привязывая свои проекты исключительно к китайскому влиянию. При этом в отношениях со всеми иностранными партнёрами с самого начала сотрудничества Россия ставила условие обязательного признания безусловного российского приоритета в эксплуатации СМР, определяемого географическими, правовыми и историческими факторами, что означало отвержение попыток отдельных государств говорить о необходимости «интернационализации» Северного пути.

Южно-Курильские измерения

Важным компонентом российско-японских трансграничных связей была попытка наладить совместную хозяйственную деятельность на Южных Курилах. Политически решение было принято в декабре 2016 г. на саммите руководителей России и Японии,

включая предоставление безвизового режима жителям Южных Курил для посещения Японии. Однако первые же совместные шаги стали наталкиваться на японское желание проводить эту деятельность под своей юрисдикцией. Интерес японских компаний, пытавшихся развивать острова, был политический, в то время как российскую сторону интересовала экономическая возможность привлечения капитала и других ресурсов в эти депрессивные и отдалённые регионы России. Принципиальным стал вопрос регулирования совместной работы на островах исключительно в рамках российского законодательства, что вызывало противодействие и саботаж со стороны японцев.

26 июля 2021 г. премьер-министр РФ М.В. Мишустин в ходе своего посещения Южно-Курильских островов объявил о создании свободной таможенной территории, освобождении от налогов (НДС, имущественного налога, налогов на землю, на транспортные средства и др.) для резидентов, кроме бизнеса по вылову и экспорту морепродуктов. Выгодные предложения российского руководства были рассчитаны не только на азиатский (японский, китайский и др.) бизнес, но и на привлечение внимания отечественных предпринимателей и инвесторов к отдалённым дальневосточным территориям.

3 сентября 2021 г. российский президент, выступая на VI Восточном экономическом форуме во Владивостоке, уточнил, что речь идёт о налоговых льготах на 10 лет для компаний, которые не просто зарегистрировались на островах, а ведут реальную предпринимательскую деятельность, что ввозить товары, оборудование и вывозить готовую продукцию на всей территории Курильских островов будет гораздо легче и выгоднее, поскольку будет действовать режим свободной таможенной зоны.

Подтекст выступлений российских руководителей означал смену акцентов по привлечению на острова потенциальных предпринимателей и инвесторов. Вместо безуспешного «заманивания» японских компаний, выставлявших постоянные требования и претензии своей юрисдикции и «прав» на данные территории, расчёт стал делаться на российские и иностранные (неяпонские) предпринимательские группы. Фактически «эксклюзивность» Японии на ведение переговоров о совместном хозяйственном освоении Курильских островов стала размываться, что вызвало закономерную нервную реакцию японского МИД и СМИ [Казаков 2021, с. 31–34].

Инвестиционный вклад Японии в Россию к 1 января 2021 г. оценивался в 2,4 млрд долл. ПИИ, что свидетельствовало о низкой мотивации японских компаний и нежелании серьёзно вкладываться в развитие российской инфраструктуры и производства. Японские бизнесмены и эксперты ссылались на административные и налоговые сложности и препятствия для ведения японского бизнеса. При этом на крупных форумах обсуждались и мега-проекты: строительство моста между Сахалином и Хоккайдо, газопровода с Сахалина в Японию и др.

Региональная безопасность

Российско-японские связи развивались в условиях существования сложившихся конкурирующих партнёрств – союзнического японо-американского и стратегического российско-китайского, а также отсутствия между двумя странами мирного договора и наличия Южно-Курильской проблемы – нерешённого вопроса пограничного размежевания.

При этом в тот период наблюдалась достаточно высокая степень кооперации и взаимопонимания в сферах военной и региональной безопасности.

Ключевым политическим треком оставался переговорный формат по мирному договору, который формально существовал, но фактически не развивался, поскольку базовое условие для его подписания – предварительное признание Японией итогов Второй мировой войны, включая легитимность вхождения всех четырёх Южно-Курильских островов в состав СССР – не выполнялось.

Развивался диалоговый формат «2 + 2» (министры обороны и министры иностранных дел двух стран), созданный в 2013 г., а также интенсивные личные контакты двух лидеров. В.В. Путин и С. Абэ 27 раз встречались в течение 2013–2020 гг., японский премьер 11 раз посещал Россию с официальными визитами. Большая часть встреч была посвящена, в числе прочего, вопросам глобальной и региональной безопасности. Проводились консультации между Советами Безопасности РФ и Японии, а 15 января 2020 г. российский президент В.В. Путин принял председателя Совета национальной безопасности Японии С. Китамура. По результатам проводившихся консультаций стали ежегодно проводиться совместные российско-японские антипиратские учения в Аденском заливе и других морских акваториях с участием кораблей Балтийского флота.

Японские и российские представители силовых и специальных служб в 2013–2020 гг. вели ситуативные мониторинги и совместные консультации по профильному анализу «горячих точек» – на Ближнем Востоке, Корейском полуострове, африканском континенте, включая обсуждение мер доверия в военной области, стратегии и тактики антитеррористической борьбы. С 2017 г. произошло заметное усиление сотрудничества в борьбе с киберпреступностью, велась подготовка специалистов высокого класса в сфере информационной безопасности и IT-технологий.

Одной из причин такой успешности, на наш взгляд, был реалистичный подход Токио к стратегическим угрозам и вызовам Японии в регионе, который доминировал в японском руководстве и ранее, но особенно усилился в годы правления С. Абэ. Несомненно, что японский премьер, оставаясь консерватором и выражая правые, националистические взгляды, придерживался и отстаивал традиционные внешние ценности – укрепление союзнических отношений с США, размещение американских ракет средней дальности на японских островах, качественное усиление Сил самообороны, изменение ст. 9 Конституции Японии, возвращение «северных территорий», почитание духов японских погибших воинов в годы Второй мировой войны и т.д. В 2013 г. он посетил храм Ясукуни, вызвав протесты руководства КНР и других стран материковой Азии.

При этом на волне быстрого подъёма Китая и усиления неконтролируемой северокорейской ядерной программы С. Абэ и его окружение понимали, что в целях безопасности Японии российский военно-политический фактор необходимо встраивать в общее японское видение региональной ситуации, что с Россией лучше сохранять нейтрально-дружеские отношения, чем враждебные, которые бы к тому же усугублялись мощным российско-китайским тандемом.

Понимая, что российско-китайское стратегическое партнёрство вряд ли удастся разрушить или демонтировать с помощью американского сдерживания, С. Абэ, вероятно, пытался, одной стороны, «законсервировать» российско-китайский тандем, а с другой – найти допустимую линию с Россией в плане совместного обсуждения общих проблем –

борьба с терроризмом, ядерное распространение, северокорейская тема, борьба с киберпреступностью и др.

В свою очередь, Токио на пике контактов с Москвой, видимо, демонстрировал Москве свои озабоченности возвышением Пекина, давая неформальные, скрытые сигналы о возможности мягкого, постепенного дистанцирования России от Китая в обмен на большие финансово-экономические и политические дивиденды. Поскольку вряд ли такие сигналы находили даже косвенную поддержку В.В. Путина, не исключено, что С. Абэ на каком-то этапе стал проводить иную тактику, – с одной стороны, демонстрируя Москве своё согласие на неконфликтную консервацию «двухполюсного» японо-американского и российско-китайского статус-кво в Северо-Восточной Азии, а с другой – давая добро на экономическое развитие треугольника «Россия – Китай – Япония», включая поддержку российской позиции на невмешательство в китайско-японский островной спор по принадлежности Сэнкаку/Дьяоюйдао и другие чувствительные для Японии вопросы.

При этом стратегическая цель Японии была развести Китай и Россию по разным «комнатам ожиданий» в плане приоритетности угроз для Японии. КНР и КНДР явно шли тогда первым номером, а решение «русского вопроса» С. Абэ, скорее всего, откладывал на более отдалённые сроки, учитывая, каким сложным партнёром оказался для него В.В. Путин.

Подобный японский подход объективно позволял тогда России извлекать тактические выгоды от японского двустороннего сотрудничества (технологические и инвестиционные ресурсы для подъёма Сибири и Дальнего Востока), совпадал с общей линией Москвы на поиск сбалансированной политики в Южной и Восточной Азии с опорой не только на Китай, но и на другие азиатские государства – Южную Корею, Японию, страны АСЕАН, Индию. Россия придерживалась строго нейтралитета по островным коллизиям Поднебесной с Японией, Вьетнамом и другими государствами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Москву и Токио также сближали общие подходы по необходимости денуклеаризации Северной Кореи.

В период президентства Д. Трампа, в условиях развернувшейся китайско-американской торговой войны и геополитического противостояния Пекина и Вашингтона, серьёзное деформирующее влияние на треугольник «Россия – Япония – Китай» стал оказывать американский фактор. Обострение китайско-американских отношений автоматически втягивало Россию и Японию в данный конфликт, соответственно, каждого на стороне своего партнера – КНР или США, деформируя российско-китайско-японскую, относительно стабильную до 2017 г., региональную подсистему.

С другой стороны, американо-китайская конфронтация объективно усиливала значимость и ценность Японии в глазах США как источника передовой технологической продукции двойного назначения и важного союзника, потенциально стоящего на более глубоких антикитайских и антироссийских позициях, чем Южная Корея и другие азиатские партнеры США. Задача Д. Трампа и пришедшего в Белый Дом в 2021 г. Дж. Байдена заключались в том, чтобы максимально быстро раскрыть эти позиции, усилив общую стратегическую линию против КНР и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Постепенно менялась и позиция России в отношении японо-американского тандема. Так, если ещё в марте 2018 г. российский министр иностранных дел С.В. Лавров говорил о том, что Россия уважает право Японии на выбор своих партнёров, форм сотрудничества с ними в военной сфере, то после декабря 2018 г., когда японцы приняли решение о

размещении на своей территории ракетных комплексов ПРО Aegis Ashore, она стала постепенно меняться. В 2018–2020 гг. во время официальных встреч на разных уровнях российская сторона заявляла, что планы размещения в Японии американских систем ПРО, официально направленных против КНДР, являются источником прямой военной угрозы для России, так как теоретически системы могут быть перенастроены против российского ракетного потенциала. Тезис о возможности размещения в Японии американских ракет, направленных на Россию, получил дополнительную подпитку после принятого в 2019 г. президентом Трампом решения о выходе США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) [Стрельцов 2022, с. 120].

В июне 2020 г. Япония приняла решение отказаться от размещения американских ракет ПРО, но было очевидно, что Япония начинала укрепление своей противоракетной обороны с расчётом на новую американскую помощь в рамках приоритетов военной программы на период 2019–2023 гг. При этом официальные объяснения Токио традиционно связывал с северокорейской угрозой, но в оборонной риторике японского руководства стали более рельефно просматриваться также китайский и российский факторы.

В период правления С. Абэ был увеличен военный бюджет, принято новое законодательство в сфере национальной безопасности и два плана государственной обороны (2014 и 2019 г.), создан новый орган внешнеполитического и военного планирования – Совет национальной безопасности.

Свой первый официальный визит пришедший на смену С. Абэ премьер Ё. Суга нанёс во Вьетнам и Индонезию в октябре 2020 г. В Ханое он продемонстрировал намерение продолжать сотрудничество в деле развития потенциала береговой охраны Вьетнама, которая была ориентирована на сдерживание военных приготовлений КНР в Южно-Китайском море. При этом новый японский премьер одновременно и в своих публичных выступлениях, и при планировании проектов регионального сотрудничества, пытался заручиться и поддержкой Китая, фактически, работая сразу на двух альтернативных площадках. За подобными действиями стояла поддерживавшая Суга влиятельная фракция *Никай* правящей Либерально-демократической партии, традиционно занимающая прокитайскую позицию. Поэтому, несмотря на принятие Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП) закона «О национальной безопасности Гонконга», эта фракция смогла заблокировать любые попытки использовать этот документ для отмены государственного визита председателя КНР Си Цзиньпина в Японию, запланированного на апрель 2020 г., но отложенного из-за пандемии COVID-19 [Стрельцов 2020, с. 37, 42–47].

Со своей стороны, Россия в 2020 г. проводила мероприятия по военно-техническому усилению Южно-Курильских островов, укреплению своей военной структуры, включая размещение ракетных комплексов береговой обороны «Бал» и «Бастион» [Перспективы развития 2019, с. 13]. Важным внутривнутриполитическим моментом было принятие в июне 2020 г. поправок в Конституцию Российской Федерации п. 2.1 ст. 67 о запрещении действий, направленных на отчуждение части территории России, а также призывов к таким действиям. Смысл поправок – политически и юридически укрепить территориальную целостность России, включая демонтаж потенциальных японских притязаний.

В интервью еженедельнику «Аргументы и факты» секретарь Совета безопасности РФ Н.П. Патрушев, комментируя активность США на мировой арене и роль Японии в американском QUAD, отметил процесс «азиатизации» НАТО через данный проект,

подчеркнув, что США втягивают в него другие страны, главным образом «... для проведения антикитайской и антироссийской политики», включая и ещё один оформившийся военный блок – американо-британо-австралийский AUKUS, преследующий те же цели¹. 18 октября 2021 г. в рамках проводимых российско-китайских военно-морских учений «Морское взаимодействие», пять российских и пять китайских военных кораблей впервые обогнув японский архипелаг, вошли в акваторию спорных островов Восточно-Китайского моря. Был использован демонстрационный эффект военно-политического позиционирования российско-китайского тандема.

Российско-китайские военно-морские учения близи Японии вызывали в среде китайских экспертов и обозревателей повышенное внимание и одобрительные комментарии. В 2017–2021 гг. вышла серия статей и монографий ряда известных в КНР специалистов по китайско-японским отношениям и региональным проблемам морской безопасности в АТР, в которых были подробно проанализированы основные военно-технические и политические компоненты российско-китайских учений и морских проектов. Подчёркивалось, что чем больше будет совместных заходов российских и китайских кораблей в окружающие Японию акватории, тем сильнее будет работать «морское сдерживание» Японии, а, следовательно, и США, и что Москва и Пекин остаются единственными силами, способными уменьшить амбиции Вашингтона и Токио в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях [Хан Цзиньмин/韩金铭 2019; Чжан Юньлин/张蕴岭 2017; Ли Чонва 2020].

«Разломы» российско-японской модели после 24 февраля 2022 г.

Ещё до начала российской СВО, в 2021 г., российский эксперт В.В. Нелидов, формулируя наиболее вероятные сценарии развития двусторонних отношений, писал: «В случае, если негативные внешние и внутренние факторы окажутся сильнее обоюдной заинтересованности, стагнация двусторонних связей сменится сползанием к конфронтации. Стороны заморозят диалог по мирному договору, а политическая риторика с обеих сторон станет гораздо жёстче... Россия, – подчеркивает В.В. Нелидов, – будет названа в качестве угрозы наряду с такими странами, как КНР и КНДР» [«Азиатский поворот» 2022, с. 67].

В марте 2022 г., как и прогнозировал эксперт, именно так всё и произошло. После ухода по состоянию здоровья С. Абэ, новые премьер-министры, сначала Ё. Суга, а затем и Ф. Кисида, радикально меняют российский курс Японии, фактически, превращая Россию в своего основного врага. 25 февраля 2022 г. Япония вводит первый пакет санкций против РФ, ограничивая экспорт высокотехнологической продукции (проводники, платы, чипы и пр.) и приостанавливает выдачу виз российским гражданам.

16 марта 2022 г. японское правительство объявило об исключении РФ из режима наибольшего благоприятствования, автоматически повысив в разы пошлины на российские импортные товары, вносит в санкционные списки 15 физических и 7 юридических лиц, включая первых лиц страны. Токио заблокировал иенные счета и активы российских банков, включая Центробанк, 43 % японских компаний заявили либо о полном, либо о

¹ Цепная реакция хаоса. Николай Патрушев – о чуждых России союзах и ценностях // Аргументы и Факты. 2021. № 38. 21.09.2021. https://aif.ru/politics/russia/cepная_reakciya_haos_nikolay_patrushev_o_chuzhdyh_rossii_soyuzah_i_cennostyah (дата обращения: 22.11.2022).

частичном прекращении своей деятельности в России, включая большой проект «Арктик-2». Единственным исключением пока остается «Сахалин-2», в котором Япония пытается остаться. Одновременно японское правительство провозгласило курс на поиск стран, которые бы смогли обеспечить в ближайшем будущем замену российских поставок нефти, угля, палладия, ферросплавов, инертного газа и др. 8 апреля 2022 г. Токио высылает из страны 8 российских дипломатов.

21 марта 2022 г. Россия прекратила переговоры с Японией по мирному договору, отменив совместную хозяйственную деятельность и безвизовые поездки между Южными Курильскими островами и Японией, которая была внесена в список «недружественных государств».

В японской риторике стал фигурировать тезис о том, что Россия через украинские события силой пытается изменить статус-кво в мире в целом, и в Азии в частности, который раньше адресовался исключительно Китаю. Фактически Ф. Кисида, аннулировав наследие С. Абэ, начал выстраивать новую (конфликтную) подсистему в Северо-Восточной Азии, уравнивая в качестве главной угрозы для Японии Россию, Китай и Северную Корею. Автономность и стабильность треугольника «Россия – Япония – Китай» стала стремительно разрушаться, на смену данной структуре идет новая конфронтационная модель, параметры и содержание которой пока до конца не ясны, кроме очевидного усиления блокового, силового характера отношений всех акторов в регионе, включая ракетный северокорейский компонент, от которого Япония с военно-технологической точки зрения защититься пока не может.

Неясными остаются перспективы дальнейшей эволюции российско-китайского партнёрства в японском изменении. Не исключено, что по мере обострения региональной ситуации и желания Японии и США взять под свой контроль «безопасность» спорных островов, Россия и Китай могут отойти от взаимного нейтралитета и перейти к совместной дипломатической и военной защите суверенитета и территориальной целостности своих территорий.

Очевидно, что нынешняя японская политика качественно модернизирует российско-китайский «союз», в том числе, на антияпонской основе. С другой стороны, для России появление «недружественной Японии» значительно усиливает военно-политические риски и на Дальнем Востоке, и в Восточной Азии в целом. При этом российская попытка диверсификации своей восточноазиатской политики за счёт опоры (кроме Китая) и на другие азиатские центры пока выглядит проблематичной. В нынешних условиях роль Китая в российско-японском формате значительно возрастает.

Заключение

Таким образом, условная система «Россия – Япония – Китай» из относительно стабильной и самодостаточной структуры в условиях усиления китайско-американской торговой войны 2019–2021 гг., геополитических противоречий Пекина и Вашингтона, обострения российско-американских отношений на санкционных и украинских треках постепенно превращается в систему параллельно развивающихся альтернативных и асимметричных двусторонних (российско-китайской, российско-японской и японо-китайской) моделей.

Присоединение Токио к антироссийской санкционной политике Вашингтона и оформление российским руководством статуса «недружественной Японии» после 24 февраля 2022 г. усиливает процесс демонтажа российско-японских отношений в сферах региональной безопасности, торгово-экономических и инвестиционных контактов, усиливая дальнейшее военно-стратегическое сближение Москвы и Пекина, в том числе на антиамериканской и антияпонской основе. При этом китайско-японский двусторонний формат, несмотря на политическое обострение в Восточной Азии и сохранение конкурентных и стратегических «нестыковок» между Пекином и Токио (Тайвань, Корейский полуостров, спорные острова и др.), сохраняет позитивную торгово-экономическую и инвестиционную динамику, усиливая общую асимметричность треугольника «Россия – Япония – Китай».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы. Монография. Гл. 3 / под ред. А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова, Е.В. Колдуновой. Москва: Аспект Пресс. 2022. С.47–73.
- Горчакова Т.Е., Казаков О.И. К вопросу о влиянии COVID-19 на ситуацию в Японии и российско-японские отношения (2020 г. – первая половина 2021 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика, 2021. № 2. С. 66–77. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-66-77
- Казаков О.И. О новых тенденциях в российско-японских отношениях // Восточная Азия: факты и аналитика 2021, № 3. С. 26–36. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-26-36
- Овчинников В.В. Ветка сакуры. Москва: «Молодая гвардия». 1971.
- Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе: рабочая тетрадь. № 50/2019/ А.Н. Панов, Д.В. Стрельцов, А.А. Киреева, В.В. Нелидов. Гл. ред., И.С. Иванов. РСМД. Москва: НП РСМД. 2019. 69 с.
- Петровский Е.П., Филиппова Л.А. Россия и Китай в Арктике. Москва: Весь Мир. 2022.
- Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023
- Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126
- Стрельцов Д.В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

REFERENCES

- Gorchakova, T.E., Kazakov, O.I. (2021). K voprosu o vliyaniy COVID-19 na situatsiyu v Yaponii i rossiisko-yaponskie otnosheniya (2020 g. – pervaya polovina 2021 g.) [On the Impact of COVID-19 on the Situation in Japan and Russian-Japanese Relations (2020 – first half of 2021)]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2, 66–77. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-2-66-77 (In Russian).
- Kazakov, O.I. (2021). O novykh tendentsiyakh v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh [On New Trends in Russian-Japanese Relations]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 3, 26–36. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-3-26-36 (In Russian).
- Ovchinnikov, V.V. (1971). *Vetka sakury* [Sakura Branch]. Moscow. (In Russian).

- Panov, A.N., Streltsov, D.V., Kireeva, A.A., Nelidov, V.V. (2019). *Perspektivy razvitiya rossiisko-yaponskikh otnoshenii na novom etape: rabochaya tetrad' № 50/2019* [Prospects for the Development of Russian-Japanese Relations at the New Stage: Working Paper. No. 50/2019]. Moscow: RIAC. (In Russian).
- Petrovskii, E.P., Filippova L.A. (2022). *Rossiya i Kitai v Arktike* [Russia and China in the Arctic]. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2020). Kuda poidet politika Yaponii v sfere bezopasnosti posle smeny administratsii v Tokio i Vashingtone? [Where will Japan's security policy go after the change of administrations in Tokyo and Washington?]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4, 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023 (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2021). Rossiiskoe napravlenie politiki Yaponii v Arktike [Russian Direction of Japan's Policy in the Arctic]. *Japanese Studies in Russia*, 2, 110–126. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-2-110-126. (In Russian).
- Streltsov, D.V. (2022). Faktory negativnogo obraza SSSR v Yaponii v period kholodnoi voyny [Factors of the Negative Image of the USSR in Japan During the Cold War]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2, 32–46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46 (In Russian).
- Torkunov, A.V., Streltsov, D.V., Koldunova, E.V. (Eds.). (2022). «Aziatskii povорот» v rossiiskoi vneshnei politike: dostizheniya, problemy, perspektivy. Monografiya [“Asian Pivot” in Russian Foreign Policy: Achievements, Problems, Prospects]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

* * *

- 东亚经济体应如何防范日本化 [Lee Chongwa. How East Asian countries should prevent Japanization / 2022]. Retrieved August 17, 2022, from <https://www.project-syndicate.org/commentary/east-asian-economies-avoid-japan-trap-by-lee-jong-wa-2020-01/chinese> (In Chinese).
- 张蕴岭：日本的亚太与东亚区域经济战略解析 [Zhang Yunling: An Analysis of Japan's Regional Economic Strategy in Asia Pacific and East Asia]. Retrieved August 17, 2022, from <http://www.rbxc.org/Show/1404?itemID=13934> (In Chinese).
- 盘点 “冰上丝绸之路” 上的项目 [Ice Silk Road Project Inventory]. Retrieved August 17, 2022, from <https://chinadialogueocean.net/12569-a-review-of-chinas-arctic-silk-road-projects/?lang=zh-hans> (In Chinese).
- 韩金铭 [Hang Jinming]. (2019). [East Asian Consciousness of Japan and the Policy of Integration in East Asia]. Retrieved August 17, 2022, from <https://wap.cnki.net/touch/web/Dissertation/Article/10212-1018083526.nh.html>. (In Chinese).

Поступила в редакцию:	01.10.2022	Received:	1 October 2022
Принята к публикации:	22.11.2022	Accepted:	22 November 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Почитание предков в современной Японии

И.В. Авдюшенкова

Аннотация. В настоящей статье рассматривается трансформация почитания предков в контексте социально-политических и религиозных условий, а также выявляются особенности почитания в современном японском обществе, изменения формы практик и функций почитания, происходящие в наши дни.

Культ предков в той или иной форме – явление, присущее не только традиционным обществам: в Японии XXI в. обряды, связанные с почитанием предков, практикуются большей частью населения. После Второй мировой войны японские практики почитания претерпели значительные изменения. Важнейшую роль в этих изменениях сыграли послевоенная модернизация и урбанизация японского общества, повлекшие за собой разложение традиционной системы семьи. Изменяется сама концепция предка: понятие предка стремится к расширению и начинает распространяться билатерально (как на линию мужа, так и на линию жены). Происходит переход от «обязательного» концепта предка, включающего всех умерших предков по прямой линии наследования вне зависимости от личных предпочтений, к «опциональному», то есть ограничивающему понятие «предок» близкими родственниками, воспоминания о которых дороги потомку. С изменением концепции предка функции почитания предков также подвергаются трансформации: прежние функции ритуалов почитания способствовали стабильности семейной системы, тогда как новые заключаются в снятии психологической напряжённости в отношениях между живыми и умершими и принесении утешения конкретным людям. Происходит «приватизация» почитания предков, то есть растущее доминирование личных функций в почитании. Диверсификация типов семьи, особенно выразительно проявившаяся в первые десятилетия XXI в., также нашла своё отражение в обрядах почитания предков: появляются альтернативы традиционным похоронам, а также новые формы погребения и хранения останков.

В статье делается вывод о том, что, несмотря на изменения функций и форм почитания предков, место, которое отводят для умерших в своей жизни живые, остаётся неизменно важным. А индивидуализация практик почитания и неугасающая вера большей части японского населения в силу духов предков говорит о том, что культ предков в современной Японии находится, по всей видимости, на очередной стадии своего развёртывания, но отнюдь не угасания.

Ключевые слова: современная Япония, японское общество, культ предков, почитание предков, похороны, поминовение.

Автор: Авдюшенкова Ирина Валерьевна, аспирант Школы языков и культуры Осакинского университета, лаборант-исследователь Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). E-mail: irina.lirani@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Авдюшенкова И.В. Почитание предков в современной Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 90–107. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Ancestor worship in contemporary Japan

I.V. Avdiushenkova

Abstract. This article examines the transformation of ancestor worship in the context of socio-political and religious conditions and identifies the characteristics of worship in contemporary Japanese society and the changes in the form of practices and functions of this worship occurring today.

Ancestor worship is not a phenomenon unique to traditional societies: in 21st century Japan, ancestor worship rituals are practiced by a large part of the population. After World War II, Japanese veneration practices underwent significant changes. The post-war modernization and urbanization of Japanese society played a major role in these changes, leading to the breakdown of the traditional family system. The concept of ancestor itself changes: the concept of ancestor tends to expand and begins to extend bilaterally (to both the husband and wife lines). There has been a transition from the “obligatory” concept of an ancestor, which includes all deceased ancestors in the direct line of succession regardless of personal preferences, to an “optional” one, which limits the concept of “ancestor” to close relatives whose memories are dear to the descendant. With the change in the concept of the ancestor, the functions of ancestor veneration also undergo a transformation: the former functions of veneration rituals contributed to the stability of the *ie* system, while the new ones consist in relieving psychological tensions between the living and the dead and bringing comfort to particular people. There has been a “privatization” of ancestor veneration, that is, a growing dominance of personal functions in veneration. Diversification of family types, especially pronounced in the first decades of the 21st century, is also reflected in the rites of ancestor veneration: alternatives to traditional funerals and new forms of burial and storage of remains are appearing.

The article concludes that, despite changes in the functions and forms of ancestor worship, the place given to the dead in their lives by the living remains invariably important. And the individualization of veneration practices and the undying belief of a large part of the Japanese population in the power of ancestor spirits indicate that the ancestor cult in contemporary Japan is apparently at the next stage of its unfolding, but by no means of extinction.

Keywords: contemporary Japan, Japanese society, ancestor worship, ancestor veneration, funerals, commemoration, death studies.

Author: Avdiushenkova Irina V., graduate student at the School of Languages and Culture, Osaka University; research assistant at the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12 Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031). E-mail: irina.lirani@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Avdiushenkova I.V. (2022). Pochitaniye predkov v sovremennoy Yaponii [Ancestor worship in contemporary Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 90–107. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Введение

Культ предков – универсальное явление культуры, присущее отнюдь не только лишь традиционным обществам. Мы можем видеть, что ритуалы и обряды, связанные с культом предков, практикуются современными людьми разных социальных слоев, уровня образования, достатка. Это свидетельствует о глубокой укоренённости экзистенциальной и религиозной потребности в подобных практиках. В Японии же этот феномен духовной жизни имеет сложную структуру: практики и верования, связанные с отношениями между

живыми и мёртвыми, существовали здесь ещё до прихода буддизма, и, претерпевая определённые трансформации, не потеряли своей значимости и по сей день.

В настоящее время мы имеем возможность наблюдать за видоизменением ритуалов японского почитания предков, обусловленной социальными изменениями в Японии. Новое общество даёт нам возможность максимально индивидуализировать наши отношения с умершими близкими, подстроить их под свои потребности. Исследуя ритуал почитания предков как способ организации общественного бытия, как одно из условий жизнестойкости общества, мы приближаем себя к пониманию социальной природы человека. Отсюда возникает потребность в комплексном исследовании почитания предков в современном японском обществе, выявлении его сущности и форм проявления.

Культ предков как явление

Культ предков можно обнаружить везде, где в той или иной форме сохранились первобытная или традиционная культура и верования. Наиболее явно связанная с этим культом обрядовая практика наблюдается среди ряда традиционных социумов Азии, Африки, Северной и Южной Америки, Океании и Австралии. Согласно толкованию, представленному в Оксфордской «Энциклопедии религий», культ предков представляет собой обряды и верования, объектом которых являются умершие родственники практикующих эти обряды [Hardacre, p. 320]. В узком смысле культ предков представляет из себя конкретные действия, которые выполняются во время обрядов, связанных с умилоствлением умерших родственников и/или исполнением их потребностей.

Следует особо указать на то, что группа «умершие», «мёртвые» значительно шире группы «предки», и несмотря на то, что разделение между ними не всегда бывает очень строгим, к обрядам культа предков обычно не относят обряды по умершим, не являющимся родственниками, а также верования в умерших вообще, без особых указаний на родство.

Культ предков тесно связан с космологией и мировоззрением практикующего сообщества. В рамках этого сообщества он также играет определяющую роль в вопросах правопреемственности и наследования этого сообщества. Важно отметить, что культ предков не считается религией как таковой. Часто он практикуется наряду с другими религиозными обрядами, нередко существуя в качестве одного из элементов религиозной системы. Формальная доктрина, религиозная концепция в культе предков как правило отсутствует; используемые в некоторых практиках тексты обычно представляют собой литургические руководства. В обрядах за редким исключением не принимают участие священнослужители, не принадлежащие к родственной группе. Попытки вовлечь в культ людей извне также не наблюдаются, практики ограничены этнической группой [Hardacre, p. 321–322].

Среди учёных существуют различные мнения о целесообразности использования того или иного термина для обозначения практик культа предков. В настоящей же работе будет использоваться словосочетание «культ предков» как устоявшийся в русском языке перевод английского термина *ancestor worship* для обозначения явления в целом, и «почитание предков» для его японского проявления.

Южнокорейский антрополог Чхун Соп Бэ, исследователь культа предков в странах Азии и Африки, даёт следующее краткое определение понятию «предок»: это «умерший, имеющий влияние на своих живых потомков». Более подробное определение таково: «это

трансцендентные существа, представляющие религиозные, этические и институциональные ценности своего сообщества. Их местопребывание и влияние находится в пределах (может варьироваться) физического и спиритуального миров» [Choon Sup Bae, p. 23].

Как уже обозначено, слова «предок» и «умерший» не могут считаться синонимами. Для того, чтобы почитаться в качестве предка, умерший должен иметь определённые особенности и статус в системе родства. В зависимости от культуры, в которой практикуется культ, эти особенности разнятся. Так, в Японии, для того чтобы считаться предком, дух умершего должен пройти несколько этапов для достижения этого состояния. У некоторых других народов можно встретить обратное: спустя много лет после смерти (около 4–5 поколений) духи умерших становятся «безымянными духами» и теряют статус предка.

Точно ответить на вопрос, когда и как возникло японское почитание предков, не представляется возможным. Ряд учёных настаивает, что культ предков был заимствован японцами из Китая, другие убеждены, что в его основе лежат исконные верования и, следовательно, ритуалы почитания предков практиковались задолго до проникновения на архипелаг буддизма и конфуцианства. Так или иначе, с некоторой долей определённости мы можем сказать лишь то, что в протоисторический период в Японии, должно быть, существовал целый ряд верований и практик, связанных с отношениями между живыми и умершими.

Общество раннеисторической Японии, по всей видимости, состояло из многочисленных кровнородственных единиц, называемых *удзи* (яп. 氏), в которых почитались божества-покровители этих групп – *удзи-гами* (яп. 氏神). Кажется вероятным, что каждый *удзи* в ранней Японии имел свой собственный культ предков и миф, с ним связанный; только с проявлением гегемонии правящего рода Ямато эти разрозненные культы объединились в единую систему. В результате подъёма *удзи* правящего рода его родовое божество Аматаэрасу стала главным божеством всего пантеона.

Некоторые эпиграфические памятники курганного периода Кофун также могут свидетельствовать о развитом культе предков. Так, к примеру, один из них – меч из Инарияма (конец V-го или первая половина VI-го в. н.э.), на котором перечислены восемь поколений предков некоего Вовакэ-но Оми, служившего главой меченосцев [История Японии, с. 25].

Какой бы ни была ранняя форма японского почитания предков, ясно, что колоссальное влияние на неё оказал буддизм, получивший своё начальное распространение в Японии в VI в. К моменту обращения японцев к буддизму последний уже включил в себя конфуцианский принцип сыновней почтительности и ритуалы, связанные с почитанием предков. Введение семейного алтаря – *буцудан* – также происходит под буддийским влиянием: в 685 г. государь Тэмму издаёт указ о том, что «Во всех провинциях и во всех домах надлежит построить храм Будды, поместить туда статую Будды и сутры, совершать моления и приношения» [Нихон Сёки, т. 2, с. 257].

В «Нихон сёки» же мы находим и немало других свидетельств важности проведения ритуалов по усопшим: так, ещё в 606 г. государыня Суйко повелевает соблюдать обряды праздника, посвящённого поминовению душ усопших, во всех храмах Японии: «В этом году впервые во всех буддийских храмах были устроены молитвенные собрания с вкушением постной пищи 8-го дня 4-й луны и 15-го дня 7-й луны» [Нихон Сёки, т. 2, с. 98] – это первое

свидетельство о ритуале Бон. Концепция праздника выстроена на сутре «Урабон-кё:», первое упоминание о которой относится к 659 г., временам правления государыни Саймэй: «15-й день [7-й луны]. Сановникам было дано повеление, чтобы в столичных храмах Будды читалась сутра «Урабонкё:», дабы отблагодарить семь поколений предков» [Нихон Сёки, т. 2, с. 183].

Буддизм и почитание предков были неразрывно связаны в течение тысячи лет. Ситуация стала меняться, когда в период сёгуната Токугава каждая семья в Японии вынуждена была установить формальные связи с конкретным буддийским храмом. В этот период решающую роль политических мер в развитии почитания предков играет внедрение системы *тэраукэ сэйдо* (яп. 寺請制度, от *тэраукэ*, храмового удостоверения, которое должен был получить каждый японец, что доказывало, что он принадлежит к школе, чьё учение не было недозволенным). Начало изменениям в почитании предков положила политика изоляции и христианские гонения первой половины XVII в. Для того, чтобы гарантировать, что никто из японцев не обращён в христианство, правительство требовало, чтобы каждый двор был приписан к определённом буддийскому храму в качестве его прихожанина.

В ранних религиозных реестрах Токугава не все члены семьи обязаны были принадлежать к одному храму или даже к одной и той же буддийской школе; только спустя время вся семья как единица стала выступать в качестве прихожанина храма. Административные ограничения Токугава создали связь между семьёй (двором) и храмом, аннулируя более раннюю связь: храма и конкретного человека.

До введения *тэраукэ сэйдо* ритуалы почитания предков проводились самой семьёй, без участия буддийских священников. Теперь же ни похороны, ни поминальные службы не могли проводиться без бонз. Правительство также возложило на них контролирующую функцию: теперь буддийские священники ещё и следили за тем, с каким усердием простые люди проводят не только панихиды, но и праздник поминовения усопших Бон, обряды весеннего и осеннего равноденствия. Для прихожан храм стал, прежде всего, местом, где почитали предков, а священник местного храма – главным проводящим обряды почитания предков. Проведение этих обрядов стало чуть ли не основным источником доходов буддийского духовенства и остаётся им и по сей день.

В эпоху Мэйдзи почитание предков тесно связано с политической идеологией того времени, в первую очередь – концепции *кокутай* (яп. 国体). Идеологической базой концепции была семейная система, в центре которой – повиновение родителям и сыновняя почтительность. Чувство долга перед своей семьёй и предками было расширено до масштаба целой нации. Сыновняя почтительность и преданность императору были объединены в одну неразделимую сущность. С 1903 г. мэйдзийское Министерство образования полностью берёт на себя составление, издание и распространение учебных пособий для начальных школ. В народное образование вводится лозунг «Почитай своих предков!» (яп. 祖先を尊べ, *сосэн-о таттобэ*), а в школьных учебниках по этике появляются специальные разделы, посвящённые этой теме [Мориока 1990, с. 63]. Американский антрополог Роберт Смит, автор фундаментального труда «Почитание предков в современной Японии» (1974), цитирует фрагмент учебника по истории, используемого до 1920 г., в котором школьникам объясняется суть взаимоотношений между императором и подданными: «Аматэрасу-

оомиками является предком не только императорского рода, но и всех японцев. Если мы начнём выяснять нашу родословную, то большая часть [из нас] окажется потомками императорского рода. <...> Наши отношения с императорским родом основаны на отдаче долга в виде благодарности нашим предкам» [Smith, p. 31–32].

Мэйдзийское правительство, утвердившее синто в качестве национальной религии, в ходе борьбы с буддизмом предприняло попытки заменить буддийские похороны и кремацию синтоистским обрядом. Тем не менее, среди народа синтоистские похороны не получили признания: большинство японцев того времени продолжало провожать и хоронить своих близких в рамках буддийской традиции [Симада, с. 81–84].

В 1898 г. вступил в силу Гражданский кодекс Мэйдзи. Правительство постаралось определить отношения внутри семейного права таким образом, чтобы они максимально отражали патриархальные отношения в самом государстве, этой «макросемьи» с императором-«отцом» во главе. Основой семейного права была концепция семейной системы *иэ сэйдо* (яп. 家制度). Власть главы семьи вместе с семейным имуществом наследует старший сын (статья 970). Кодексом также оговаривается право наследования главой семьи записей о происхождении рода, мест погребения членов семьи (статья 987) [The Civil Code of Japan, p. 262]. Семья, согласно Гражданскому кодексу, была задумана как единое целое, минимальная социальная ячейка, и её члены должны были жертвовать личными желаниями и соглашаться со всеми решениями главы семьи.

Положение дел изменилось только после Второй мировой войны. Новый Гражданский кодекс 1947 г. в качестве социальной единицы рассматривал уже не семью, а отдельную личность. Упразднение семейной системы повлекло за собой изменения в отправлении ритуалов почитания предков.

Концепция предка в традиционной системе семьи *иэ*

Один из ведущих отечественных исследователей японской древности Л.М. Ермакова отмечает, что как само понятие предка, так и формы их почитания оказываются зависимы «от соотношения локальных культов и буддийских верований в данное время и в данном месте, от принятой “здесь и теперь” системы родства, от структуры семьи и многого другого» [Ермакова, с. 44]. Мы рассмотрим почитание предков в контексте традиционной системы семьи *иэ*.

В русском языке отсутствует полноценный эквивалент термину «*иэ*» (яп. 家); в отечественном японоведении его обычно переводят как «дом», «семья». Японский социолог Мориока характеризует *иэ* как социальный институт, не прерывающийся по мужской линии на протяжении многих поколений [Morioka 1984, p. 202]. Непрерывность следует считать одним из главных качеств *иэ*. Также стоит отметить, что *иэ* включает всех членов семьи: и предков, которые уже умерли, но ещё не забыты, и даже ещё не родившихся потомков. Средние и младшие сыновья, взрослея и создавая собственные семьи, выходят из системы *иэ*, становясь главами боковых ветвей семьи (яп. 分家, *бункэ*).

Что касается того, кто в традиционной Японии мог почитаться в качестве предка, то, согласно словарю фольклора «Миндзокугаку дзитэн» (яп. 民俗学辞典), в контексте системы *иэ* понятие «предок» (яп. 先祖, *сэндо*) обозначает одного конкретного духа умершего или группу духов умерших, связанных со своими потомками прямой линией родства; это

понятие зиждется на связи родителей и детей, которая в свою очередь основана на кровном родстве или усыновлении [Токумару, с. 508].

Итак, в системе традиционной патриархальной семьи (яп. 家父長制, *кафутё:сэй*), в которой старший сын пользуется привилегиями в наследовании (майоратное право), предками считаются духи умерших глав семьи в каждом поколении и их супруги. В нуклеарных семьях понятие стремится к расширению и распространяется билатерально как на линию мужа, так и на линию жены. Мориока, разграничивая понятия предка и просто умершего, отмечает, что «каждый предок является умершим, но не каждый умерший – предком» [Мориока 1990, с. 67]. По предку проводят поминальные службы (яп. 供養, *куё:*) его потомки. Посредством этих служб умерший становится предком. Следовательно, если у умершего нет потомков, которые могут проводить по нему поминальные службы, он не сможет стать предком [Мориока 1990, с. 67].

Умерший, что не может стать предком из-за отсутствия потомков, которые будут проводить по нему заупокойные службы, становится *муэнботокэ* 無縁仏 (от 無縁, *муэн* – «не имеющей родственников, брошенный»). Согласно японским народным верованиям, *муэнботокэ* являются причиной бедствий, несчастий, болезней. В случае смерти родственника члены его семьи стараются обеспечить проведение поминальных обрядов, заупокойных служб в том числе из-за боязни этих несчастий. Мориока рассказывает о массовом появлении *муэнботокэ* в период Сэнгоку, когда во время сражений и другими видами насильственных смертей погибало множество людей. Нередко бывало, что у этих убитых не было родных, которые могли бы провести по ним заупокойную службу, из-за чего появлялось бесчисленное количество *муэнботокэ* [Мориока 1990, с. 67]. Страх перед *муэнботокэ* основан на вере в *митама*, или *го-рё:* 御霊, согласно которой эпидемии и стихийные бедствия являются проклятием, посланным душами врагов или людей, умерших «плохой» смертью; для того, чтобы избежать этих несчастий, необходимо усмирить, успокоить эти души. Для усмирения, успокоения *го-рё:* по ним необходимо провести заупокойную службу.

Среди исследователей японского почитания предков существует немало разногласий насчёт того, какие именно обряды следует к нему относить. Так, «Минзокугаку дзитэн» перечисляет следующие обряды (по [Токумару, с. 509]):

- похороны конкретного умершего члена семьи;
- поминальные службы по конкретному умершему члену семьи;
- очищение от ритуальной нечистоты смерти и прочие обряды очищения;
- заупокойные службы по духам умерших (死者供養, *сися куё:*);
- обряды, цель которых – помочь духу умершего слиться с сонмом духов предков;
- ежегодные празднества почитания предков, такие, как Бон, Хиган;
- почитание родовых божеств в качестве предков;
- почитание божеств дома (яп. 屋敷神, *ясикигами*), леса (яп. 森神, *моригами*) и т.д. (вопрос, действительно ли можно причислить божеств дома, леса, родовых божеств к духам предков, остаётся спорным);
- почитание конкретного предка из-за боязни его гнева с целью его (предка) утешения, успокоения.

Мориока же отказывается включать заупокойные службы (яп. 供養, *куё:*) по конкретному умершему в число этих обрядов [Мориока 1990, с. 66]. Л.М. Ермакова по этому поводу пишет следующее: «В сущности, к культу предков или его следам могут быть отнесены самые разные культурные проявления – от похоронного обряда, до, в предельном случае, выполнения завещательных распоряжений или даже культурной преемственности» [Ермакова, с. 43].

Мы же в данной статье рассмотрим следующие обряды: 1) поминальные службы по конкретному умершему; 2) ежедневные обряды для группы предков; 3) ежегодные празднества почитания [всех] предков.

Покойный не получает статус предка сразу после смерти, этот процесс включает в себя три этапа: от духа умершего (яп. 死霊, *сирэй*) до непосредственно того, что называют духом предка (яп. 祖霊, *сорэй*). Роберт Смит так описывал эти этапы:

1. Первые 49 дней после смерти покойного считаются периодом неопределённости для умершего. В эти дни *ихай*, мемориальная табличка с именем покойного, помещается отдельно в передней части *буцудана*.

2. На 49-й день табличка переносится внутрь *буцудана*, к остальным *ихай*. Как только это происходит, душа, как считается, переходит на следующий этап и может считаться *ниисэднзо* (яп. 新先祖), т.е. новым предком. На этой стадии дух может оставаться на протяжении многих лет (чаще всего до 33-х или до 50-ти), пока не достигнет финальной стадии.

3. В 33-ю или 50-ю годовщину смерти (яп. 弔い上げ, *томураиагэ*) дух теряет свою индивидуальность и присоединяется к надындивидуальной, коллективной группе предков предыдущих поколений. Дух становится полноценным *сорэй* (духом предка) и в дальнейшем не претерпевает никаких изменений. На этом этапе индивидуальная табличка убирается из алтаря и перемещается внутри *буцудана* к табличкам, символизирующим безымянную группу предков семьи различных поколений [Smith, p. 40–41].

Отличие обрядов, объектом которых является группа умерших предков, от заупокойных служб (яп. 法事, *хо:дзи*) по конкретному умершему заключаются в том, что первые обычно проводятся ежедневно, при этом предки не рассматриваются как отдельные личности. Ежедневные обряды считаются внутренними, семейными обрядами, и для их проведения не нужно участие буддийского монаха. Эти ритуалы, а также совершение подношений, выставляемых на *буцудане*, обычно проводятся по утрам и вечерам, но в некоторых семьях они совершаются только раз в день. Обычно ритуалы совершаются перед тем, как семья сядет за стол. Зажигаются благовония, на *буцудан* ставятся подношения в виде риса, а также чая и воды. Частью этих ежедневных ритуалов являются молитвы, разговоры с предками, отчёты им о текущих делах семьи. Наиболее распространённой формой участия в ритуале является короткий формальный поклон головы со сложенными перед собой ладонями. Для обращения к предкам любой член семьи в любое время дня может использовать *буцудан*.

Основными календарными празднествами, теснейшим образом связанными с культом предков, в Японии являются о-Бон, Новый год и праздник *хиган*, проводимый дважды в год в дни весеннего и осеннего равноденствия.

О-Бон (яп. お盆). Бон в современной Японии является одним из важнейших буддийских праздников. В большинстве регионов он отмечается 13–15 августа, то есть примерно в середине седьмого месяца по лунному календарю. Исследователями японский религий нередко отмечается двойственный характер празднества. Его можно объяснить наложением буддийских традиций на некие архаические обряды, исполнявшиеся на Островах в добуддийской Японии и, по-видимому, имевшие целью ритуальную коммуникацию с предками. Буддийский же аспект этого праздника включает несколько идеологем, в том числе, он опирается на предание о том, как послушник Мокурэн с помощью приношений спас свою мать из ада.

В современной Японии Бон не утратил свою важность: он и сейчас является главным праздником, связанным с почитанием предков. Л.М. Ермакова называет его центральным обрядом не только в сфере культа предков, но и, может быть, вообще одним из центральных культуuroобразующих обрядов современной Японии [Ермакова, с. 48]. На время праздника предки из загробного мира возвращаются в дома своих потомков. Считается, что в это время они просто находятся среди семьи так же, как это было ещё при их жизни. Эти дни дают возможность членам семьи почувствовать духовную связь с предками и друг с другом.

Новый год (яп. お正月, *о-сё:гацу*). В современной Японии Новый год не воспринимается как праздник, связанный с почитанием предков. Тем не менее, ряд исследователей считают, что в добуддийской Японии Новый год и летний фестиваль духов предков (на который в последствии наложился Бон) были тесно связаны. Первым эту идею высказал родоначальник японской этнографии Янагита Кунио. Он утверждал, что эти праздники, летний и новогодний, ровно на шесть месяцев отстоя друг от друга, являли собой один цикл, и оба посвящены были встрече духов предков, возвращающихся в мир живых [Smith, p. 18–19].

Хиган (яп. 彼岸). Обряды *хиган*, проводимые в течение недели, включающей в себя день весеннего (яп. 春分の日, *сюмбун-но хи*) и осеннего равноденствия (яп. 秋分の日, *сю:бун-но хи*), полностью сосредоточены на почитании предков. Название «хиган», означающее «другой берег», отсылает к буддийским представлениям о том, что наш мир и мир загробный разделены рекой, наполненной страданиями и иллюзиями, и только тот, кто сможет их побороть, сможет перебраться на тот берег. В дни праздников *хиган* в современной Японии принято приводить в порядок могилы, украшать их цветами, оставлять на них подношения в виде еды, возжигать благовония, читать сутры.

Система *иэ*, как и другие социальные институты, постепенно менялась в течение столетия, следовавшего за реставрацией Мэйдзи. Реформы, происходившие после Второй мировой войны и во многом инициированные оккупационным правительством, наиболее примечательны: в первое же послевоенное десятилетие система *иэ* претерпела большие изменения, чем за предшествующий век. Перемены семейной системы повлекли за собой сдвиги и в практике почитания предков.

В 1947 г. вступает в силу новая Конституция Японии. Её 14-я статья утверждает равенство всех людей перед законом, запрещая любую дискриминацию «в политическом, социальном и экономическом отношении вне зависимости от расы, вероисповедания, пола, социального статуса и происхождения». Опирающийся на Конституцию 1947 г. пересмотренный Гражданский кодекс в качестве основы рассматривает не *иэ*, а личность.

Теперь для вступления в брак не требуется разрешения главы семейства (см. статью 731 Гражданского кодекса). Имущество, нажитое в браке, принадлежит каждому из партнёров, а не только мужу (статья 762, раздел 1), муж больше не распоряжается собственностью жены. Признанного законом понятия авторитета главы *иэ* больше не существует. Имущество семьи больше не наследуется исключительно старшим сыном: равные права на него имеют все дети в семье (статья 900, пункт 4).

Послевоенная Конституция и изменения в Гражданском кодексе наряду с процессами модернизации и урбанизации японского общества сыграли свою роль в разложении традиционной японской семьи. Уже к началу 1960-х гг. доля тех, кто выступал за равное деление родительской собственности между детьми, достигла 50 %, и лишь незначительное меньшинство продолжало настаивать на необходимости передачи всего имущества будущему главе *иэ*. Более половины опрошенных не считают необходимым усыновление ребенка при неимении собственного для продолжения рода. Идея обязательной непрерывности *иэ* становится всё менее популярной [Morioka 1984, p. 204].

После войны для Японии стали нормой нуклеарные семьи. Нуклеарная семья – семья, состоящая из супругов и детей либо только из супругов, причём на первый план в таких семьях выходят отношения между супругами, а не родителями и детьми. Как мы видим, такой тип семьи противопоставляется традиционной японской расширенной семье, *иэ*, где важнейшее место занимал вопрос преемственности поколений. Мориока отмечает, что в послевоенной Японии даже те семьи, которые состоят из нескольких поколений супругов (к примеру, если три поколения живут вместе), больше похожи на живущие под одной крышей две нуклеарные семьи, каждая из которых ведёт своё отдельное хозяйство [Morioka 1984, p. 205].

Резкие изменения в системе *иэ*, которые можно назвать фактически распадом традиционной семьи, естественным образом обескровили и почитание предков. Тем не менее, исследования общественного мнения, проводившиеся в 1960-е и 1980-е гг., показали, что снижение вовлечённости в обряды почитания предков куда меньше, чем предполагали учёные, занимавшиеся этой проблемой: с 77 % в 1953 г. до 72 % в 1978 г. [Morioka 1984, p. 205]. Возможно, всё дело в изменении самой концепции слово «предок»: в первые послевоенные десятилетия возникло новое понимание того, кто является предком, свободное от давления системы *иэ*.

Как было упомянуто ранее, в системе традиционной патриархальной семьи предками считаются духи умерших глав семьи в каждом поколении и их супруги. Далее мы увидим, что в нуклеарных семьях, которые стали преобладать в послевоенной Японии, понятие предка стремится к расширению и распространяется билатерально: как на линию мужа, так и на линию жены.

В 1970-е и 1980-е гг. Сё:дзи Ёнэмура и Роберт Дж. Смит проводили масштабные полевые исследования, касающиеся проблемы почитания предков. Данные, полученные Ёнэмура в 1974–1975 гг. в префектуре Окаяма, свидетельствуют о том, что более 70 % респондентов придерживаются традиционного толкования понятия «предок»: для них это основатель рода, тот, кто возглавлял семью с момента её основания, предок основной ветви семьи. Тем не менее, для оставшихся 30 % предки – это либо все умершие, принадлежащие к их семье, либо все умершие, память о которых сохранилась благодаря *буцудану*, либо

умершие родители и т.д. Для этих 30 % опрошенных кровная близость была важнее линейного принципа наследования [Morioka 1984, p. 205].

В 1963 г. Р. Смит исследовал *ихай*, мемориальные таблички с именами покойных, в Токио, Киото и Осаке, а также в семьях, живущих в сельской местности в префектурах Иватэ, Миэ и Кагава. Согласно его исследованиям, 93 % *ихай* содержали имена предков основной линии семьи (со стороны мужа), в то время как табличек с именами предков вне основной семейной линии, включая родственников со стороны жены, насчитывалось в среднем 6 % от общего числа. Поскольку процент табличек, относящихся не к основной семейной линии, в городах был выше, чем в сельской местности, Смит пришёл к выводу, что присутствие табличек с именами умерших вне основной семейной линии является новейшей тенденцией и обслуживает культ предков, в центре которого стоит современная семья, а не *иэ* [Smith, p. 152–186].

Мориока объясняет произошедшие изменения переходом от «обязательного» концепта предка, включающего всех умерших предков по прямой линии наследования вне зависимости от личных предпочтений, к «опциональному», то есть ограничивающему понятие «предок» близкими родственниками, воспоминания о которых дороги потомку [Morioka 1984, p. 206].

С изменением концепции предка функции почитания предков также претерпевают значительные изменения. Изначальные функции культа в первую очередь социальные: к ним можно отнести легитимацию социального статуса (церемониальное внимание по отношению к предкам служит доказательством того, что нынешний глава семьи законно унаследовал социальный статус у своих предков) или усиление мотивации к продолжению рода. Прежние функции ритуалов почитания предков способствовали стабильности *иэ*, тогда как новые функции заключаются в снятии психологической напряжённости в отношениях между живыми и умершими через позитивные воспоминания и в принесении утешения конкретным людям.

Как мы помним, обряды почитания предков в пространстве дома обычно совершаются перед буддийским алтарём. Мориока приводит следующую статистику: согласно сравнительным исследованиям, проведённым в трёх регионах в 1956–1966 гг., процент семей, в которых сохранился *буцудан*, составлял 92 % в сельскохозяйственных сообществах в префектуре Ямагути, 69 % в деловом районе Токио и 43 % в районах Токио, где проживают семьи «белых воротничков». Независимо от того, где проживала семья, практически в 100 % расширенных семей *буцудан* по-прежнему был установлен. В нуклеарных же семьях в сельских районах *буцуданы* были у 80 %, в районах «белых воротничков» показатель не превышал 31 %. В 1967 г. Мориока проводил повторные исследования (на этот раз только в Токио), которые показали, что практически у 100 % расширенных семей дома был установлен *буцудан*. В домах, где проживали нуклеарные семьи, *буцудан* можно было увидеть почти в два раза реже [Morioka 1984, p. 207]. Самым низким процентом обладания *буцуданом* был в нуклеарных семьях наёмных работников. Поскольку количество подобных семей очевидно возросло в послевоенной Японии, процент семей, имеющих *буцудан*, снизился. К 1981 г., согласно опросу, проведённому газетой «Асахи», только в 63 % семей были установлены *буцуданы* [Morioka 1984, p. 208].

В 1964–1965 гг. проводилось ещё одно сравнительное исследование, в ходе которого ученикам старших классов начальной школы были заданы вопросы о том, совершаются ли

обряды почитания предков старшими членами их семей. Результаты были следующими: в нуклеарных семьях лишь в 26 % семей практиковались обряды почитания предков, при этом *буцудан* имелся у 48 % опрошенных семей; среди расширенных семей практикующих было 66 %, *буцудан* же имелся у 97 %. Согласно полученным данным, примерно 30 % семей, в которых есть *буцудан*, не практикуют обряды почитания предков, таким образом фактически пренебрегая своими *буцуданами* [Morioka 1984, p. 209]. Тем не менее, предупреждает Мориока, не стоит делать поспешных выводов: вполне возможно, что уровень практики остаётся примерно таким же, как и прежде, но в самой практике произошли изменения [Morioka 1984, p. 209]. Несмотря на то, что количество семей, проводящих традиционные обряды почитания (обряды *Бон* и *хиган*, ежедневные обряды для группы предков; поминальные службы по конкретному умершему), снизилось в послевоенные десятилетия, это не значит, что вместо них не практикуются другие, менее формальные, но основанные на личной привязанности.

Смит подтверждает эту догадку: «С ослаблением влияния институализированного буддизма семьям можно было уже не беспокоиться [о форме обрядов почитания] так сильно, как они это делали тогда, когда поклонение было формально предписано. Теперь семьи могут совершать почитание так, как сами считают нужным, в наиболее им подходящей и эффективной форме» [Smith, p. 113]. Происходит, если называть это термином, предложенным Мориока, «приватизация» почитания предков, что есть не что иное, как растущее доминирование личных функций в почитании.

Почитание предков в наши дни

Как было упомянуто выше, во второй половине XX в. в Японии на смену традиционной патрилинейной системе семьи пришла нуклеарная, т.е. семья из супругов с детьми, не состоящими в браке, либо только из супругов. До недавнего времени именно таких семей в Японии было большинство. Но в 2010 г. японские социологи объявили, что впервые в истории страны самым распространённым типом семей стали семьи, состоящие только из одного человека (яп. 単独世帯, *тандоку сэтай*) [Хэйсэй 22 нэн кокусэй тё:са, с. 30]. Следующая перепись населения подтвердила тенденцию к диверсификации типов семьи – к настоящему времени можно выделить четыре основных типа:

- семья, состоящая из одного человека – 34,6 % от общего количества семей;
- семьи, состоящие из супругов (одного поколения) с детьми (т.е. нуклеарные семьи) – 26,9 %;
- семьи, состоящие только из супругов (одного поколения) – 20,1 %;
- семьи, состоящие из одного родителя и ребенка/детей – 8,9 % [Хэйсэй 27 нэн кокусэй тё:са, с. 37].

При этом количество семей, состоящих из одного человека (это могут быть как вдовцы, так и разведённые или вовсе никогда не состоявшие в браке люди) увеличилось с 2000 г. на 7 %, а количество нуклеарных семей уменьшилось за этот же период на 5 %. Иноуэ Харуё, японский социолог, занимающаяся исследованиями в области социологии смерти, отмечает, что все эти изменения ведут к тому, что нуклеарные семьи в последние десятилетия постепенно теряют функцию единицы коллектива: фокус постепенно смещается с семьи на

конкретную личность [Иноуэ 2013, р. 123]. Этот переход не мог не отразиться и на обрядах, связанных с почитанием предков.

В последние десятилетия всё больше городских похорон проводятся по «укороченной» схеме: традиционные похоронные обряды игнорируются, обязательным остаётся только один – кремация. Иноуэ называет такие похороны «прямыми» (яп. 直葬, *тёкусю:*) [Иноуэ 2013, р. 124]. Существует множество интерпретаций «прямых похорон»: это могут быть похороны, на которые приглашены только самые близкие родственники и друзья покойного (часто не приглашают даже буддийского священника). Другие приравнивают прямые похороны к «семейным похоронам» (яп. *миссо:* 密葬, букв. «тайные похороны»), о которых даже официально не объявляется.

Сравним традиционное и современные похороны, для наглядности используя таблицу:

	Традиционная церемония	Современная церемония
Присутствующие	Семья и родственники; знакомые из общины; знакомые из компании	Семья; близкие друзья
Ритуальная единица	Коллектив семьи	Сам покойный
Церемония	Буддийская	Церемония в свободной форме, традиционные обряды сокращаются

Прежде, когда доминирование коллективного над личным было очевидным, присутствие на похоронах членов местной общины, руководства компании, в которой работал покойный, его многочисленных родственников было обязательным. Сейчас же японцы всё чаще отказываются приглашать на похороны тех, кто был плохо знаком с покойным и из-за того не может в полной мере ощутить утрату. На многих современных похоронах присутствуют только близкие покойному люди, потому что последний пожелал этого сам. Пришло время, когда люди могут не только жить, как им того хочется, «по-своему», но так же и умирать.

В ситуации, когда самым распространённым типом семьи является семья, состоящая из одного человека, становится очевидным, что традиционная форма погребения – помещение праха в семейную могилу – с её принципом наследуемости не соответствуют запросам современных японцев, и в ближайшие десятилетия многие из таких могил могут оказаться заброшенными и в дальнейшем демонтированы из-за отсутствия у покойных наследников.

Еще в 1990-е гг. в похоронной индустрии Японии возникло несколько новых форм погребения, призванных заместить традиционные могилы или хотя бы выступить с ними наравне в качестве одного из доступных вариантов захоронения. Самые популярные среди них – это развеивание праха (яп. 散骨, *санкоцу*), широко распространённое и в других странах, и такое явление, как *тэмото куё:* (яп. 手元供養, букв. «поминование под рукой, на месте»). Также в это же время среди так называемых природных трендов или эко-похорон наряду с развеиванием праха появляются погребения под деревьями (яп. 樹木葬, *дзюмокусю:*). Расскажем о последних двух типах чуть поподробнее.

Тэмото куё: Это такая форма погребения, при которой часть праха покойного отделяется и хранится близкими рядом с собой, дома, как бы «всегда рядом, под рукой» – отсюда и название практики. Сначала для хранения останков умерших дома использовались стандартные погребальные урны, такие же, что помещаются в традиционные семейные могилы, но уже в конце 1990-х гг. им на замену приходят урны специальные. К настоящему же времени существует множество форм хранения останков – от помещения их в красивые керамические сосуды до инкрустации подвесок и браслетов драгоценными камнями, изготовленными из праха.

Погребения под деревьями (яп. 樹木葬, *дзюмокусю*:). Основной характерной чертой погребений под деревьями является отсутствие могильного камня: вместо него в качестве маркера могилы используется дерево, которое высаживают над помещёнными в землю останками умершего. Ещё одна важная особенность такого типа погребений – это отсутствие необходимости в наследнике, потомке: в отличие от семейной могилы, погребения *дзюмокусю*: не требуют регулярного ухода, а «абонентскую плату» за место на таком кладбище в подавляющем большинстве случаев японцы, привыкшие заранее начинать приготовления к собственной смерти, вносят самостоятельно ещё при жизни. Также стоит отметить, что погребение под деревом в разы дешевле возведения традиционной семейной могилы, и определённый процент японцев, безусловно, выбирает этот способ по причине его доступности. Конечно, количество кладбищ, полностью или частично отведённых под погребение под деревьями, ещё крайне мало: разные исследователи называют цифры от 100 до 200 мест на 2016 г. Тем не менее, благодаря своей доступности и ряду других преимуществ, *дзюмокусю*:, наряду с другими новыми способами погребения, уже заявили о себе как о реальной альтернативе системе семейных могил в Японии [Авдюшенкова, с. 403–404].

Как было отмечено выше, в результате урбанизации и переезда молодого поколения в города увеличилось число семей, не имеющих дома буддийский алтарь – *буцуданов*. В прошлом такие алтари были у большинства семей, на них выставлялись мемориальные таблички *ихай*. Эти таблички могли символизировать как одного конкретного умершего члена семьи, так и супружескую пару или целое поколение умерших. В некоторых семьях, несмотря на отсутствие *буцудана*, хранились *ихай*. Это происходило из-за особого отношения к табличкам: считалось, что они являются вместилищем духа умершего. В современной же Японии, утверждает японский религиовед Судзуки Иваюми, функции *ихай* берут себя фотографии умерших [Suzuki, p. 141].

В довоенной Японии выставленные в домах фотографии ограничивались портретами уже почивших людей, на современных же фотографиях мы можем видеть как умерших, так и живых людей, которые могут быть как членами семьи, так и друзьями. Обычно люди выставляют дома фотографии только тех, кто им дорог. Таким образом, выставленные фото являются свидетельствами крепости внутрисемейных связей, отношений с родственниками и близкими друзьями. Изменения, происходящие с тем, какие фотографии выставляются, идут рука об руку с переменой пространства, в котором они находятся. Фотографии перемещаются со стен около *буцуданов* в обычное пространство дома.

Судзуки отмечает, что помимо фотографий тех, кого мы можем признать в качестве предка, часто выставляют фотографии прочих умерших родственников, таких, как тёти, дяди, двоюродные бабушки и дедушки. Что же касается мест, где были выставлены фотографии

умерших, то почти 24 % от общего количества фото находились вне «буддийского пространства», в таких местах, как: буфет, стенной шкаф или книжная полка или же просто висели на стене. Судзуки предполагает, что с теми умершими, чьи фото выставлены в этом «небуддийском» пространстве, живые, которые, собственно, и разместили фото, были близки эмоционально, а не просто состояли в родстве [Suzuki, p. 146–149].

Также представляет интерес то, что примерно 40 % фотографий умерших, размещённых вне «буддийского пространства», тоже делаются подношения, схожие с подношениями на *буцудане*. Основное различие между «буддийским» и «небуддийским» пространством заключается в ассортименте подносимых продуктов: в «небуддийском» пространстве он гораздо шире, и часто включает в себя любимые блюда покойных [Suzuki, p. 150].

Что касается «общения» живых с умершими, то, независимо от того, где расположена фотография, более 60 % респондентов Судзуки регулярно обращались к ним в своей повседневной жизни. При этом большая часть обращений были похожи на обычное общение, которое происходит между живыми людьми, как то: сообщения о событиях, происходящих в жизни, приветствия и прощания, обращение за советом. Эти действия показывают отношение живых к умершим: они общаются с ними так же, как если бы последние продолжали жить рядом с ними. Около четверти обращений составляют молитвы или просьбы, к примеру, о защите семьи от несчастий и болезней; также очень часто потомки обращаются с просьбой о помощи на экзамене. Мы видим, что этот тип обращений эквивалентен обращениям к божествам-покровителям, а фотография, равно как и *ихай*, выступает объектом, где это божество-покровитель обитает (яп. 依代, *ёрисиро*).

В магическую силу духов предков японцы действительно верят, и это подтверждается относительно недавними опросами общественного мнения, проводимыми по всей стране. Так, согласно данным опроса, проведённого в 2008 г. исследовательским бюро крупнейшей японской общественно-государственной телерадиокомпании NHK, на вопрос «Верите ли вы в силу духов предков» 47 % респондентов дали ответ «Верю» или «Скорее всего, верю» [Ниси, с. 71]. Удивительно, но среди тех, кто дал положительный ответ на этот вопрос, больше всего людей молодых и средней возрастной категории: так, к примеру, среди опрошенных женщин в возрасте от 30 до 39 лет в силу духов предков верит 71 %. Судя по этим данным, антропологам вряд ли стоит беспокоиться о том, что практики почитания предков в современной Японии находятся в стадии угасания.

Заключение

В настоящей статье была рассмотрена трансформация почитания предков в контексте социально-политических и религиозных условий, охарактеризованы основные обряды почитания предков в традиционной Японии, а также выявлены особенности почитания в современном японском обществе, изменения формы практик и функций почитания, происходящие в наши дни.

Култ предков в той или иной форме можно обнаружить повсеместно, и, как мы уже говорили, не только в традиционных обществах: так, в Японии XXI в. обряды, связанные с почитанием предков, практикуются большей частью населения. Основными условиями, позволяющими рассматривать умершего родственника в качестве предка, можно назвать

следующие: умерший, обладавший значительным статусом при жизни, должен иметь потомков, которые помнят о нём и почитают посредством определённых ритуалов.

Что касается непосредственно японского почитания предков, можно с определённой долей уверенности сказать, что ещё в протоисторический период в Японии существовал целый ряд верований и практик, связанных с отношениями между живыми и умершими. Колоссальное влияние на раннюю форму японского почитания предков оказал буддизм, получивший своё начальное распространение в Японии в VI в. Спустя тысячелетие, в эпоху Токугава, решающую роль в развитии почитания предков играет внедрение *тэраукэ сэйдо*, системы, при которой каждый двор в принудительном порядке приписывался к определённому буддийскому храму в качестве его прихожанина. Теперь никакие обряды, связанные с почитанием предков, не могли обходиться без участия буддийского священника. Следующие важные изменения в почитании произошли в эпоху Мэйдзи, когда культ предков был фактически соединён с культом императора, а лежащая в основе мэйдзийского семейного права концепция традиционной патриархальной семьи *иэ* возводит важность обрядов почитания предков до общегосударственного уровня. В эпохи Токугава и Мэйдзи получили окончательное оформление традиционные формы почитания предков, сформулирована сама концепция предка: в системе патриархальной семьи *иэ*, в которой старший сын пользуется привилегиями в наследовании, предками считаются духи умерших глав семьи в каждом поколении и их супруги.

После Второй мировой войны японские практики почитания претерпели значительные изменения. Важнейшую роль в этих изменениях сыграли послевоенная модернизация и урбанизация японского общества, повлекшие за собой разложение традиционной системы семьи. Изменяется сама концепция предка: понятие предка стремится к расширению и начинает распространяться билатерально (как на линию мужа, так и на линию жены). Происходит переход от «обязательного» концепта предка, включающего всех умерших предков по прямой линии наследования вне зависимости от личных предпочтений, к «опциональному», то есть ограничивающему понятие «предок» близкими родственниками, воспоминания о которых дороги потомку. С изменением концепции предка функции почитания предков также подвергаются трансформации: прежние функции ритуалов почитания способствовали стабильности *иэ*, тогда как новые заключаются в снятии психологической напряжённости в отношениях между живыми и умершими через приятные воспоминания и принесении утешения конкретным людям. Обряды почитания предков в современной Японии также претерпевают значительные изменения: предписанные буддийскими догматами обряды уступают место менее формальным, основанным на личной привязанности. Происходит «приватизация» почитания предков, то есть растущее доминирование личных функций в почитании. Диверсификация типов семьи, особенно выразительно проявившаяся в первые десятилетия XXI в., также нашла своё отражение в обрядах почитания предков: появляются альтернативы традиционным похоронам, а также новые формы погребения и хранения останков, наиболее ярким примером которых можно назвать погребения под деревьями (*дзюмокусю*.) и *тэмото куё*..

Из рассмотренного следует вывод, что, несмотря на изменения функций почитания предков, трансформацию форм погребения и обрядов памятования, место, которое отводят для умерших в своей жизни живые, остаётся неизменно важным. А индивидуализация практик почитания и неугасающая вера практически половины японцев в силу духов предков

говорит о том, что культ предков в современной Японии находится, по всей видимости, на очередной стадии своего развертывания, но отнюдь не угасания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авдюшенкова И.В. Новые погребальные практики в современной Японии. Дзюмокусю: – «погребения под деревьями» // История и культура Японии, выпуск 11 / НИУ «ВШЭ». Санкт-Петербург: Гиперион. 2018. С. 399–404.
- Ермакова Л.М. Почитание предков в японской культуре // Синто – путь японских богов: в 2 т. – Т. I: Очерки по истории синто. Санкт-Петербург: Гиперион. 2002. С. 43–59.
- История древней Японии: Учебное пособие для вузов / Мещеряков А.Н., Грачев М.В. Москва: Наталис. 2010. 544 с.: ил. – (Восточная коллекция).
- Нихон сёки – Анналы Японии. В 2 т. / пер. и коммент. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. Т. 1. Свитки I–XVI. Санкт-Петербург: Гиперион. 1997. 496 с. Т. II. Свитки XVII–XXX. Санкт-Петербург.: Гиперион. 1997. 432 с. (Литературные памятники древней Японии. IV).

REFERENCES

- Avdyushenkova, I. (2018). Novye pogrebal'nye praktiki v sovremennoi Yaponii. Dzyumokuso: – “pogrebeniya pod derev'yami” [New Funerary Practices in Modern Japan. Jumokusō – «burials under the trees»]. In *Istoriya i kul'tura Yaponii* [History and Culture of Japan], Is. 11 (pp. 399–404). Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Ermakova, L. (2002). Pochitaniye predkov v yaponskoi kul'ture [Ancestor Veneration in Japanese Culture]. In *Shinto – put' yaponskih bogov* [Shinto: The Way of Japanese Gods], Vol 1 (pp. 43–59). Saint Petersburg: Giperion. (In Russian).
- Meshcheryakov, A. & Grachev, M. (2010). *Istoriya drevnei Yaponii* [History of Ancient Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).
- Nihon Shoki – Annaly Yaponii* [Nihon Shoki – The Annals of Japan]. (1997). Translated and commented by L. Ermakova and A. Mescheryakov. Vols. 1, 2. (In Russian).
- * * *
- Choon Sup, B. (2007). *Ancestor Worship and the Challenges it poses to the Christian Mission and Ministry*. University of Pretoria.
- Hardacre, H. (2005). Ancestors. In Lindsay Jones (ed.), *Encyclopedia of Religion*. 2nd ed. (pp. 320–325). Thomson Gale.
- Heisei 22 nen kokusei chōsa. Jinkōtō kihon shūkei kekka. Kekkai-no gaiyō* [2010 Population Census. Main Summary Results by Population. Summary of Results]. (2011). Sōmushō. (In Japanese).
- Heisei 27 nen kokusei chōsa. Jinkōtō kihon shūkei kekka. Kekkai-no gaiyō* [2015 Population Census. Main Summary Results by Population. Summary of Results]. (2011). Sōmushō. (In Japanese).
- Inoue, H. (2013). Contemporary Transformation of Japanese Death Ceremonies. In *Death and Dying in Contemporary Japan* (pp. 123–137). Routledge.
- Inoue, H. (2016). Gendai Nihon-ni okeru jumokusō-no jittai to kongo [The Present and Future of Burials Under Trees in Contemporary Japan]. *Raifudezain kenkyū*, 11, 235–247. (In Japanese).
- Morioka, K. (1984). Ancestor Worship in Contemporary Japan: Continuity and Change. *Senri Ethnological Studies*, 11, 201–213.
- Morioka, K. (1990). *Sosen sūhai to kurisutokyō* [Ancestor Worship and Christianity]. *Tōkyō shingaku daigaku*, 1, 59–79. (In Japanese).
- Nishi, Kumiko. (2009). “Shūkyōteki-na mono”-ni hikareru nihonjin [Japanese Attracted by “Religiosity”]. *Hōsō kenkyū to chōsa*, 66–81. (In Japanese).

-
- Shimada, H. (2022). *Sōshiki shōmetsu* [The Disappearance of Funerals]. Jī Bī. (In Japanese).
- Smith, R.J. (1974). *Ancestor Worship in Contemporary Japan*. Stanford, California: Stanford University Press.
- Suzuki, I. (2013). Beyond Ancestor Worship. Continued Relationship With Significant Others. In *Death and Dying in Contemporary Japan* (pp. 141–156). Routledge.
- The Civil Code of Japan. (1898). Translated by Ludwig Lönholm. Tokyo: Kokubunsha.
- Tokumaru, A. (2014). Senzo saishi [Rituals of Ancestor Worship]. In *Minzokugaku jiten* [Folklore Dictionary] (pp. 508–509). Maruzen shuppan. (In Japanese).

Поступила в редакцию: 21.11.2022

Принята к публикации: 28.11.2022

Received: 21 November 2022

Accepted: 28 November 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122

Украинский кризис во внутривполитическом дискурсе Японии

В.В. Нелидов

Аннотация. Украинский кризис, вступивший в активную фазу в феврале 2022 г., привёл к коллапсу отношений России со многими странами, и Япония не стала исключением. Японское правительство выступило с резким осуждением действий Российской Федерации, присоединилось к антироссийским санкциям, выказав в этом плане едва ли не наибольшее рвение из всех азиатских стран. Это делает особенно актуальным вопрос о том, в чём именно заключаются причины такого курса Токио. В российском политическом и общественном дискурсе распространена точка зрения, согласно которой подобная позиция японских властей обусловлена прежде всего давлением со стороны США и несамостоятельностью японской внешней политики. Признавая факт значительного влияния отношений с Вашингтоном на внешнюю политику Японии, приходится, тем не менее, признать, что это излишнее упрощенная картина. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать позицию различных участников японского внешнеполитического процесса, и прежде всего ключевых политических сил, по поводу событий на территории Украины. Показано, что хотя все ключевые партии, представленные в японском парламенте, вне зависимости от их политической ориентации, занимают критическую позицию по отношению к действиям Российской Федерации в украинском кризисе, в их позиции есть определенные нюансы, отражающие их идеологические приоритеты. Так, правящая ЛДП в соответствующем заявлении подчеркнула солидарность с США, её младший партнёр по коалиции, Комэйто, делает акцент на гуманитарных вопросах и роли ООН, Партия обновления критикует правительство за нерешительность и подчёркивает необходимость более активной военной политики, а левопопулистская Рэйва синсэнгуми даже отказалась поддержать соответствующую парламентскую резолюцию, чтобы продемонстрировать избирателям принципиальность и непреклонность своих убеждений. Более того, в японском внутривполитическом дискурсе есть и мнения, которые условно можно назвать апологетическими по отношению к России. Впрочем, подобная позиция остаётся уделом меньшинства, вряд ли способного поколебать позицию правительства или японской публики в целом. По вопросу о ситуации вокруг Украины существует фактический консенсус, и отдельные нюансы в позициях политических сил не играют принципиальной роли. Можно быть уверенным, что при любой возможной внутривполитической ситуации политика Токио по этому вопросу останется неизменной.

Ключевые слова: российско-японские отношения, украинский кризис, внешнеполитический процесс, внешняя политика Японии.

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76); научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142П).

Для цитирования: Нелидов В.В. Украинский кризис во внутривосточном дискурсе Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 108–122. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122

Ukrainian crisis in Japan's domestic political discourse

V.V. Nelidov

Abstract. The Ukrainian crisis, which came into its active phase in February 2022, led to the collapse of Russia's relations with many countries, and Japan was no exception. The Japanese government expressed strong criticism of Russia's actions and joined the anti-Russian sanctions with, probably, most vigor, compared to any other Asian nation. This makes the question about the reasons for such course pursued by Tokyo vis-à-vis Russia a particularly timely one. In Russia, there is a widespread opinion that such position held by Tokyo is caused mostly by pressure from the United States. Yet such view seems to be a gross simplification. This article attempts to analyze the positions of various participants of the Japanese foreign policy making process about the events unfolding in Ukraine. It shows that, even though all key parties, irrespective of their political orientation, take a critical stance towards the actions of the Russian Federation, their statements show some nuances reflecting their ideological priorities. For example, the ruling LDP emphasizes solidarity with the US; its junior coalition partner, Komeito, stresses humanitarian aspects and the role of the UN; the Japan Innovation Party criticizes the government for indecisiveness and calls for more active military policy, while the left-wing populist Reiwa Shinsengumi even refused to support the relevant Diet resolution to demonstrate its principled stance to the voters. There are indeed opinions which can arguably be called apologetic towards Russia. However, those holding such opinions are but a minority and are hardly able to alter the position of the government or the Japanese public as a whole. There is a virtual consensus about the issue, and nuances in the positions of major political forces are inconsequential. One would be justified to assume that, under any probable domestic political situation, Tokyo will not change its policy about the matter.

Keywords: Russia-Japan relations, Ukrainian crisis, foreign policy making process, Japan's foreign policy.

Author: Nelidov Vladimir V., PhD (History), Associate Professor, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation); Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142П).

For citation: Nelidov V.V. (2022). Ukrainskiy krizis vo vnutripoliticheskom diskurse Yaponii [Ukrainian crisis in Japan's domestic political discourse]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 108–122. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122

Введение

Украинский кризис, вступивший в свою активную фазу в феврале 2022 г., стал рубежным событием для всей системы международных отношений начала XXI в., и его влияние на отношения России со странами мира сложно переоценить. В отношениях России с Соединенными Штатами и их союзниками, выступившими на стороне Украины, произошёл фактический коллапс, и отношения России с Японией не стали исключением.

Япония в полной мере присоединилась к санкциям, введённым против России. Примечательно, что после крымских событий 2014 г. участие Японии в санкциях было, как подчёркивали многие эксперты, по сути символическим [Панов, Стрельцов, Киреева, Нелидов 2019, с. 5], и в середине 2010-х гг. именно сближение с Японией во многом помогло российскому руководству пробить брешь в международной изоляции, в которой оно на некоторое время оказалось из-за ситуации вокруг Крыма.

В свою очередь, РФ внесла Японию в список недружественных стран, и из уст российских официальных лиц регулярно звучат резкие заявления в адрес Токио. Более того, в мае этого года был бессрочно запрещён въезд в РФ ряда японских политиков, в том числе премьер-министра Кисида Фумио, генерального секретаря кабинета Мацуно Хирокадзу, министра иностранных дел Хаяси Ёсимаса и многих других¹. В связи с этим говорить о каком-либо содержательном политическом диалоге между странами на высшем и высоком уровне в обозримом будущем не представляется возможным.

С точки зрения осмысления влияния происходящих событий на российско-японские отношения и предсказания перспектив их восстановления центральным является вопрос о причинах и мотивах действий японской стороны. Именно от него зависят и перспективы отношений Японии и России в то время, пока специальная военная операция России на территории Украины продолжается, и возможность восстановления отношений двух стран после её завершения.

В дискурсе российских СМИ, равно как и в выступлениях ряда представителей российских академических, общественных и политических кругов нередко озвучивается тезис о несамостоятельности Японии². При этом подобные утверждения были нередки и до февраля 2022 г.³ С этой точки зрения ответ на заданный вопрос был бы максимально простым: Япония заняла антироссийские позиции потому, что такова воля её старшего партнёра – Соединённых Штатов.

Безусловно, нельзя отрицать центральную роль японо-американского военно-политического союза для внешнеполитического курса Токио. Вместе с тем, взгляд, согласно которому Япония полностью лишена субъектности на международной арене, а все её внешнеполитические шаги могут быть объяснены отсылкой к диктату со стороны США, является грубым упрощением, не соответствующим действительности. На самом деле, как и

¹ Заявление МИД России об ответных мерах на политику правительства Японии в отношении Российской Федерации. МИД России. 04.05.2022. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1811646/; Эксперт объяснил роль США в обострении ситуации вокруг Южных Курил. Москва24. 22.04.2022. https://www.m24.ru/articles/politika/22042022/454200?utm_source=CopyBuf

² См., напр., МИД РФ: политика Японии по Курилам диктуется Вашингтоном // Коммерсантъ. 16.03.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5259245>

³ См., напр.: Кошкин А. 70 лет назад под видом «мирного договора» США превратили Японию в вассала // Regnum. 08.09.2021. <https://regnum.ru/news/polit/3364603.html>

в любом другом государстве, в Японии внешнеполитический процесс, то есть процесс формирования внешнеполитического курса государства во всей его многогранности под действием факторов как внутреннего, так и внешнего характера, зависит от мнений и действий множества акторов.

В отечественной и зарубежной научной литературе существует значительное количество работ, посвящённых внешнеполитическому процессу в Японии. Так, этой теме были посвящены работы Д.В. Стрельцова [Стрельцов 2010], А.Н. Панова [Панов 1988], Э.В. Молодяковой [Молодякова 2008], К. Того [Togo 2005], Г. Хука [Hook 2012], В.В. Нелидова [Нелидов 2022b]. Во многих из названных работ, наряду с факторами, связанными с внешним влиянием, ситуацией внутри правящей партии, спецификой внешнеполитического механизма, подчёркивается важная роль общественного мнения и внутривнутриполитической ситуации в стране. Иными словами, во многих случаях внешнеполитический курс японского государства вырабатывался не только под влиянием неких договорённостей внутри правящей элиты, но и под воздействием преобладающих в стране общественных настроений и сложившегося на данный момент внутривнутриполитического дискурса.

Что касается актуальной повестки дня российских отношений, то она также является объектом активного анализа. Из работ последнего времени, посвящённых этой тематике, можно назвать труды Д.В. Стрельцова [Стрельцов 2020; Стрельцов 2021; Стрельцов 2022a], О.И. Казакова [Казаков 2019; Казаков 2021], В.О. Кистанова [Кистанов 2017], В.В. Нелидова [Нелидов 2019; Нелидов 2020; Нелидов 2022a].

Вместе с тем, лишь самые последние из упомянутых работ затрагивают ситуацию в двусторонних отношениях после февраля 2022 г. Кроме того, отдельного рассмотрения требует и вопрос о том, как позиция Японии по вопросу отношений с Россией – в нынешней ситуации или ранее – соотносится с внутривнутриполитическими факторами. Исследованию этого вопроса, а именно рассмотрению специфики японского внутривнутриполитического дискурса по поводу украинского кризиса и его влияния на российско-японские отношения, и посвящена настоящая статья.

При этом следует особо подчеркнуть, что предметом нижеследующего анализа являются исключительно позиции и высказывания соответствующих японских организаций и отдельных общественных и политических деятелей. Вопросы о корректности, уместности и обоснованности этих высказываний, о том, как их следует оценивать с точки зрения официальной позиции Российской Федерации, целей, задач и фактического хода специальной военной операции Вооружённых сил России на территории Украины, находятся за рамками рассмотрения настоящей работы, а цитирование этих высказываний в тексте носит иллюстративный характер и не означает их одобрения или поддержки со стороны автора.

Официальная позиция японского государства и «культура пацифизма»

Как уже было отмечено, японское руководство с самого начала заняло резко критическую позицию по отношению к специальной военной операции России на территории Украины. Уже 24 февраля премьер-министр Японии Кисида Фумио заявил на пресс-конференции: «Нынешнее вторжение России подрывает основы международного

порядка, основанного на непризнании одностороннего изменения статус-кво при помощи силы. [Мы] решительно осуждаем Россию и будем оперативно реагировать во взаимодействии с международным сообществом и, прежде всего, с США»⁴.

Сходные выражения содержались и в опубликованной 4 апреля 2022 г. «Синей книге по дипломатии Японии» за 2022 г. – ежегодной официальной публикации МИД Японии: «Российская агрессия против Украины в феврале 2022 г. представляет собой вызов фундаментальному принципу международного сообщества, гласящему, что одностороннее изменение статус-кво при помощи силы недопустимо, и угрожает сложившемуся после холодной войны мировому порядку»⁵.

В общем и целом, японская официальная позиция осталась неизменной и через несколько месяцев после начала СВО. Выступая на встрече Пресс-клуба Японии 30 сентября 2022 г., министр иностранных дел Хаяси Ёсимаса подчёркивал: «[Действия России в отношении Украины] ставят мир перед рядом проблем. Самая важная из них – вызов мировому порядку, основанному на правилах. [Вопрос в том, произойдёт ли] возврат к одностороннему изменению статус-кво при помощи силы и миру, в котором сильный пожирает слабого [...]».

Уже поверхностный взгляд на риторику Токио показывает, что едва ли не центральная причина, по которой действия РФ в отношении Украины вызывают обеспокоенность японской стороны – это то, что, по мнению Токио, они чреваты разрушением «мирового порядка, основанного на правилах» и распространением практики «одностороннего изменения статус-кво при помощи силы». Примечательно, что последняя фраза является одним из самых популярных клише японской внешнеполитической риторики, которое ещё до февраля 2022 г. часто использовалась, к примеру, в отношении Китая: именно так или почти так регулярно характеризовались действия Китая в Восточно- и Южно-Китайском морях. И поэтому неудивительно, что японские официальные лица не скрывают: одним из факторов, определивших однозначную реакцию Токио по отношению к ситуации вокруг Украины, было то, что, с точки зрения Японии, этим прецедентом может воспользоваться Китай⁶.

В связи с этим можно утверждать, что среди факторов, определивших жёсткость официальной позиции Токио в отношении действий России, были не только стремление к солидарности с США и гуманитарные соображения, но и то, что в «системе координат», в рамках которой японское руководство осмысляет происходящее в мире, недопустимым является любое «изменение статус-кво при помощи силы», поскольку подобные действия (опять-таки, с точки зрения японского руководства) непосредственно угрожают мировому порядку, бенефициаром которого является Япония.

Немалую роль в том, что реакция Японии оказалась именно такой, сыграла и складывавшаяся десятилетиями культура «государственного пацифизма», в рамках которого

⁴ Укураина дзё:сэй ни канситэ кайсай сарэта кокка андзэн хосё: кайги но найё: ни цуитэ но кайкэн [Пресс-конференция о содержании заседания Совета национальной безопасности по вопросу о ситуации с Украиной и другим вопросам]. Офис премьер-министра Японии. 24.02.2022. https://www.kantei.go.jp/jp/101_kishida/statement/2022/0224kaiken2.html

⁵ Гаико: сэйсё. Дай 6 сэцу. Росиа, Тю:о: Адзиа то Ко:касау [Синяя книга дипломатии Японии. Глава 6. Россия, Центральная Азия и Кавказ]. https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2022/html/chapter2_06_01.html

⁶ В Японии заявили, что ситуация на Украине важна для "сдерживания" Китая. РИА Новости. 07.05.2022. <https://ria.ru/20220507/sderzhivanie-1787338372.html>

любое применение силы на международной арене оценивается заведомо негативно. Один из фундаментальных факторов формирования этой культуры – коллективная травма поражения во Второй мировой войне, характер которой в Японии существенно отличается от того, как опыт поражения в войне отразился на немецком народе. В отличие от Германии, где одним из элементов национальной идентичности стала идея коллективной вины немцев, а также современной России, где позиция государства и основной части общества заключается в том, что основной причиной развязывания Второй мировой войны в Европе была человеконенавистническая идеология нацизма, а Советский Союз, спасший человечество от неё, обладает безусловным моральным приоритетом (и именно поэтому, в частности, столь важную роль в риторике российских властей, особенно на начальном этапе СВО, играло понятие «денацификации» Украины), в Японии идея ответственности за войну воспринимается гораздо более абстрактно. В коллективном сознании японцев Вторая мировая война была чем-то вроде стихийного бедствия, постигшего человечество и принесшего неисчислимые страдания, как народам Азии, ставшим жертвами японской агрессии, так и самим японцам. Представители консервативной части политического спектра подчас даже склонны избегать вопроса о том, в какой степени это бедствие лежит на совести японского руководства того времени, в то время как левые силы подчёркивают ответственность милитаристской верхушки, но не японского народа в целом⁷.

Примечательно, что именно эта «культура пацифизма», помноженная на «мирную» 9-ю статью конституции и связанные с ней ограничения на использование Сил самообороны, подчас становилась существенным препятствием развитию японо-американского союза, поскольку Япония, в некоторых случаях в лице общественности, а в некоторых – в лице политических кругов, относилась с крайним предубеждением к любым мерам, которые потенциально могли бы привести к вовлечению Японии в военные конфликты. Именно это произошло и в 1960 г., когда подписание и ратификация японо-американского Договора безопасности привели к многотысячным демонстрациям протеста по всей Японии и отставке правительства Н. Киси [Нелидов 2022, с. 30–89], и в 1990–1991 гг., когда после вторжения Ирака в Кувейт, несмотря на настоятельные призывы США, японское руководство, столкнувшись с серьёзным противодействием оппозиции и общественности, не смогло отправить в зону конфликта даже символический контингент Сил самообороны для выполнения небоевых задач [Арутюнян 2015; Нелидов 2022, с. 145–196], и совсем недавно, в 2015 г., когда принятие пакета «законов о безопасности», которые, в частности, должны были расширить возможности участия Японии в «коллективной самообороне»⁸, привело к массовым протестам и возмущению значительной части оппозиции.

Подобная почти рефлекторная аллергия на идею использования военной силы для достижения внешнеполитических целей во многом объясняет и то, почему японское государство относительно спокойно отреагировало на события 2014 г. в Крыму. При том, что нельзя недооценивать и личный фактор занимавшего тогда должность премьер-министра Абэ Синдзо, стремившегося к сближению с Россией, именно то, что воссоединение полуострова с Россией прошло бескровно, дало японскому руководству возможность достаточно быстро после этого события возобновить сотрудничество с Москвой. И наоборот,

⁷ Более подробно см. [Стрельцов 2022b, с. 29–52].

⁸ Japan set to pass security bills despite widespread protests. The Guardian. 17.09.2015. <https://www.theguardian.com/world/2015/sep/17/japan-to-pass-security-bills-despite-protests>

то обстоятельство, что украинский кризис к осени 2022 г. уже стал наиболее масштабным конфликтом в Европе со времен Второй мировой войны, делает, по сути, неизбежным решительное осуждение действий России со стороны японского общества и государства, какие бы аргументы в поддержку своей позиции ни выдвигала Москва.

Позиция общества и ключевых политических сил

Позиция японского руководства, таким образом, очевидна, однако заслуживает внимания и вопрос о том, в какой степени её разделяют представители ключевых политических сил Японии, а также японская общественность в целом.

Согласно опросу газеты «Никкэй», проведённому вскоре после начала активной фазы украинского кризиса в феврале 2022 г., 67 % японцев поддержали введение суровых санкций против России и жёсткую реакцию Японии, в то время как только 22 % выступили против⁹. Более того, согласно опросу, проведённому в конце марта 2022 г., 44 % японцев ответили, что санкции, введённые японским правительством против России, являются «адекватными», а 44 % респондентов заявили, что санкции должны быть «дополнительно усилены». Тех же, кто заявил, что санкции «слишком суровы», было лишь 7 %. Согласно было японское общество и с тем, что украинский кризис может непосредственно повлиять на ситуацию в Восточной Азии: 77 % респондентов ответили, что опасаются, что ситуация вокруг Украины может «распространиться» на Тайвань¹⁰.

Учитывая, что традиционно в Японии даже по вопросу пересмотра «пацифистской» 9-й статьи конституции общество обычно расколото примерно поровну (или было так расколото до февраля 2022 г.), можно сказать, что негативное отношение к действиям России оказалось распространено и среди «ястребов», и среди «голубей». О том, что жёсткий курс правительства Кисида в отношении России пользуется поддержкой избирателей, свидетельствует и тот факт, что в мае 2022 г., после введения санкций против РФ и высылки из Японии нескольких российских дипломатов, рейтинг кабинета вырос до 61 %, что стало максимальным значением с октября 2021 г., когда Ф. Кисида пришёл к власти¹¹.

Японские средства массовой информации также в целом были единодушны в поддержке резко антироссийской позиции кабинета Кисида. 2 марта 2022 г. газета «Санкэй» опубликовала обзор¹² опубликованных в первые дни после начала СВО передовиц основных газет, посвящённых этой теме, который демонстрирует это единодушие. В частности, сама «Санкэй», которая по своей политической ориентации близка к правым и националистическим кругам, в редакционной статье осудила действия России в крайне резких выражениях, назвав их «историческим безрассудным действием, которое разрушает

⁹ Support for Japan government rises on response to Ukraine invasion - survey. Reuters. 28.03.2022. <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/support-japan-government-rises-response-ukraine-invasion-survey-2022-03-28/>

¹⁰ Росиа сэйсай «тэкисэцу да» 44 %, «кё: ка о» 41 %. Хонся ёрон тё:са [44 % считают санкции «адекватными», 41 % выступают «за усиление санкций». Опрос нашей газеты]. Нихон кэйдай симбун. 28.03.2022. <https://www.nikkei.com/article/DGXZQOUA252Y50V20C22A3000000/>

¹¹ Ishizuka, K., Kolás, A. Japanese Perspectives on the Ukraine War. 30.06.2022. <https://blogs.prio.org/2022/06/japanese-perspectives-on-the-ukraine-war/>

¹² Укураина синко: какуси га «бо:кё» то кибисику хихан. Санкэй ва «ябо: но тассэй о хамамэ» [Все газеты жёстко критикуют вторжение в Украину, называя его «безрассудным действием». «Санкэй» призывает «не допустить реализации амбиций»]. Санкэй симбун. 02.03.2022. <https://www.sankei.com/article/20220302-BWLZTZZE7ROKZKE4R3MDWTZCVM/>

мировой порядок, сложившийся после завершения холодной войны между Востоком и Западом», а также подчеркнув, что «[Специальная военная операция] является очевидной агрессией против суверенного государства» и «категорически недопустимым» действием. Исходя из этого, газета писала, что «необходимо скорейшим образом ввести против России крайне серьёзные санкции, наказать [руководство РФ] и не допустить реализации их военных и политических амбиций».

Газета «Йомиури», считающаяся изданием правоцентристского и консервативного толка, писала, что СВО «ниспровергает основы принципов уважения к суверенитету и территориальной целостности, а также мирного разрешения конфликтов, провозглашенных в Уставе ООН», и также призвала к введению санкций против РФ.

Газета «Асахи», считающаяся либеральным и левоцентристским изданием, в своей редакционной статье писала, что «это вторжение, наряду с суверенитетом соседней страны, растоптало свободу и демократию во всём мире» и подчёркивала, что «[действия РФ] нельзя игнорировать как пример, раскрывающий опасность распространения политики, основанной на силе».

Наконец, газета «Майнити», также относящаяся к изданиям либерального толка, писала, что «международное сообщество должно осознать, что [действия России] являются общей угрозой для всего мира», а также утверждала, что «если тенденция к расширению влияния при помощи военной силы распространится, то это приведёт к ослаблению демократии». Аналогичным образом солидарны основные издания и по вопросу о необходимости сворачивания экономического сотрудничества с Россией и введения санкций.

Таким образом, вариативность в мнениях между изданиями, относящимися к разным частям политического спектра, минимальна. Либеральные издания в большей степени, нежели консервативные, напирают на негативные последствия украинского кризиса для идеалов либерализма и демократии во всём мире, однако, если говорить об оценке действий России по существу, то даже намёка на понимание мотивов российской стороны нет ни у тех, ни у других.

Помимо мнения общества в целом, отражённого в опросах общественного мнения, а также отдельных СМИ, заслуживает внимания и позиция различных политических сил, помимо правящей Либерально-демократической партии (ЛДП), во главе которой стоит премьер-министр Кисида и позиция которой, таким образом, в целом может считаться идентичной позиции правительства.

Партнёр ЛДП по правящей коалиции, партия Комэйто, традиционно стоящая на пацифистских позициях, разделяет мнение своих коллег из ЛДП, однако примечательно, что руководство Комэйто в своих программных заявлениях расставляет акценты несколько иначе. Так, 3 марта 2022 г. лидер партии Ямагути Нацуо, комментируя ситуацию в связи с конфликтом¹³, сделал упор на три момента. Во-первых, он подчёркивал, что «Россия является постоянным членом Совета Безопасности ООН, и, будучи участником Договора о нераспространении ядерного оружия, имеет право на обладание ядерным оружием, однако угрозы ядерным оружием противоречат ответственности за поддержание мира, достигнутого мировым сообществом».

¹³ Росия но Укураина синряку [Вторжение России в Украину]. Официальный сайт партии Комэйто. 06.03.2022. <https://www.komei.or.jp/komeinews/p230782/>

Во-вторых, комментируя принятие Генеральной Ассамблеей ООН 2 марта 2022 г. резолюции ES-11/1¹⁴, содержащей осуждение действий Российской Федерации на территории Украины (резолюцию поддержало 141 государство, воздержались 35 государств, 12 не приняли участия в голосовании, против резолюции проголосовали 5 – Белоруссия, КНДР, Россия, Сирия, Эритрея), Н. Ямагути заявил, что в этом документе «ясно выражена воля большей части международного сообщества». Таким образом, если ЛДП, очевидно, делает в своей риторике больший упор на солидарность с Соединенными Штатами, главным союзником Японии, то в риторике Комэйто акцент скорее делается на ООН.

Наконец, в-третьих, лидер Комэйто подчёркнул готовность своей партии поддержать предложения по оказанию помощи беженцам из Украины. Именно этой теме – оказанию гуманитарной помощи Украине и украинским беженцам – посвящена значительная часть упоминаний этой страны на официальном сайте партии Комэйто¹⁵, что логично, если учесть, что именно вопросы социальной политики во многом стоят в центре политической программы этой партии.

Крупнейшая по представительству в парламенте оппозиционная сила, Конституционно-демократическая партия Японии (КДП), опубликовала заявление¹⁶ своего председателя Идзуми Кэнта 24 февраля 2022 г. Примечательно, что само заявление начинается с упоминания о том, что «международное сообщество, объединившись, пыталось предотвратить» эту ситуацию, а также то, что в призывах ввести санкции говорилось о необходимости делать это совместно «с международным сообществом, и прежде всего странами “Большой семёрки”» – в отличие от сходной формулировки в правительственном заявлении, где говорилось о «международном сообществе и, прежде всего, США».

Коммунистическая партия Японии (КПЯ) в целом солидаризировалась со своими коллегами из других партий, как это следует из заявления¹⁷ главы партии Кадзуо Си, опубликованного 24 февраля. В позиции японских коммунистов заслуживает упоминания то, что особой критике они подвергли тезисы российской стороны о «демилитаризации и денацификации Украины», а также посвятили отдельный пункт «гневному порицанию» угроз применения ядерного оружия.

Партия обновления Японии (Ниппон исин-но кай), правопопулистская партия, также относящаяся к парламентской оппозиции, 3 марта 2022 г. опубликовала документ, озаглавленный «Срочные предложения по поводу агрессии России в отношении Украины»¹⁸, который был вручен министру иностранных дел Японии Хаяси Ёсимаса. В нём, наряду с повторяющимися риторикой других политических сил заявлениями, упоминалось о

¹⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № ES-11/1 «Агрессия против Украины». 02.03.2022. <https://undocs.org/ru/A/RES/ES-11/1>

¹⁵ См., напр.: Укураина дзиндо: сиэн но кё:ка э [Гуманитарная помощь Украине будет усилена]. Официальный сайт партии Комэйто. 30.09.2022. <https://www.komei.or.jp/komeinews/p259187/>

¹⁶ (Дайхё: данва) Росиа но Укураина ни тай суру гундзи ко:до: о цуёку хихан си, соккоку тэйси о мотомэру [(Заявление председателя) Решительно осуждаем военные действия России в отношении Украины и требуем их немедленного прекращения]. Официальный сайт Конституционно-демократической партии Японии. https://cdp-japan.jp/news/20220224_3107

¹⁷ Укураина синряку о данко кю:дан суру. Росиа ва гундзи сакусэн о тадати ни тю:си сэй [Решительно порицаем агрессию против Украины. Россия должна немедленно прекратить военную операцию]. Официальный сайт КПЯ. 24.02.2022. https://www.jcp.or.jp/web_policy/2022/02/post-906.html

¹⁸ Росиа ни ёру Укураина синряку ни кан суру кинкю: тэйгэн [Срочные предложения по поводу агрессии России в отношении Украины]. Общество возрождения Японии. 03.03.2022. <https://o-ishin.jp/news/2022/images/e7d0f52e2b3d7070d0977e20866d231a9b05ba09.pdf>

солидарности Японии с «демократическим лагерем», о том, что международное сообщество, с точки зрения партии, возглавляется НАТО и «Большой семёркой». При этом, однако, партия использовала этот повод, чтобы подвергнуть критике правительство, обвинив его в том, что ему недостает «самостоятельной решимости» и что оно «сплошь и рядом реагирует в подражательном ключе и пассивно». Далее в документе следует перечень мер, которые, по мнению партии, следует предпринять для разрешения кризиса. Если «краткосрочные» меры в целом не отличаются от таковых, предлагаемых другими партиями (введение санкций против РФ, использование дипломатических мер для достижения прекращения огня, приём украинских беженцев и т.п.), то список «средне- и долгосрочных» мер заслуживает того, чтобы остановиться на нём более подробно.

Партия обновления считает, что в условиях формирования «нового мирового порядка» Японии следует предпринимать «активные» меры, которые включали бы в себя военный компонент (в частности, упоминается цель повышения расходов на оборону до уровня 2 % ВВП, а также серьёзное усиление разведывательных возможностей Японии) и даже не исключали бы обсуждения вопроса о ядерном оружии. Последнее, впрочем, конкретизируется в упоминании возможности «усиления оборонительного потенциала за счёт совместного использования ядерного оружия»¹⁹ и других мер.

Сходная позиция, согласно которой реакцией Японии на украинский кризис должна стать прежде всего активизация собственной военной политики и укрепление потенциала Сил самообороны, типична для правого крыла японского политического спектра, для которого ключевыми политическими целями являются изменение конституции (в первую очередь «пацифистской» 9-й статьи) и расширение возможностей Сил самообороны, что не означает, впрочем, отказа от союза с США. Наглядная демонстрация тому – позиция националистической организации «Ниппон кайги» («Японская конференция»), к которой близки многие представители правящей ЛДП. В своём заявлении²⁰ от 12 апреля 2022 г. она раскритиковала Россию, поставив её в один ряд с «насмехающимися над международным сообществом» Северной Кореей и Китаем и подчеркнула необходимость «прописать в конституции существование Сил самообороны»²¹.

Особого упоминания заслуживает позиция одного из новичков японской политической жизни, левопопулистской партии Рэйва синсэнгуми. 28 марта 2022 г. партия опубликовала официальное заявление²², гласившее, что на предстоящем 1 марта голосовании в нижней палате парламента она собирается голосовать против резолюции с осуждением «агрессии России против Украины». Рэйва синсэнгуми стала единственной партией, которая не

¹⁹ Nuclear sharing, концепция, применяемая рядом стран НАТО.

²⁰ Сэймэй. Росиа но Укураина э но синряку ни цуитэ [Заявление. Об агрессии России против Украины]. Ниппон кайги. 13.04.2022. <https://www.nipponkaigi.org/opinion/archives/14433>

²¹ Несмотря на то, что в 9-й статье конституции Японии говорится, что «[...] никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны,» у Японии есть Силы самообороны – фактически полноценная армия. В послевоенный период критики неоднократно заявляли, что существование Сил самообороны является нарушением конституции, в то время как правящие силы утверждали, что противоречия здесь нет, так как Силы самообороны выполняют исключительно оборонительные функции. Однако сторонники более активной военной политики считают, что необходимо внести в конституцию упоминание Сил самообороны, чтобы снять любые сомнения относительно их статуса.

²² Сэймэй. Росиа ни ёру Укураина синряку о хинан сурю кэцуги ни цуитэ (Рэйва синсэнгуми 2022 нэн 2 гацу 28 нити) [Заявление. О резолюции с осуждением агрессии России против Украины (Рэйва синсэнгуми. 28 февраля 2022 г.)]. <https://reiwa-shinsengumi.com/comment/11439/>

поддержала эту резолюцию, о чём в своём заявлении²³ не преминула упомянуть даже правящая ЛДП. Столь неоднозначный, с точки зрения основной части японских политических кругов, шаг мотивировался следующим образом. Утверждалось, что «Рэйва синсэнгуми в максимально серьёзных выражениях осуждает агрессию российских войск и решительно требует немедленного прекращения ударов и вывода войск на территорию России». Тем не менее, предлагаемый проект резолюции не устраивал Рэйва синсэнгуми тем, что он, по мнению партии, был недостаточно конкретным. Далее в том же заявлении перечислялись меры, которые, по мнению Рэйва синсэнгуми, должны быть прописаны в подобной резолюции: расширение гуманитарной помощи населению Украины и приём украинских беженцев; заявление о недопустимости намёков о применении ядерного оружия; признание того, что текущий кризис вызван не только действиями России, но и тем, что, в частности, страны Запада не выполнили данное после распада СССР обещание о нерасширении НАТО на Восток; обещание принять меры для минимизации того экономического урона, который этот конфликт нанесёт населению Японии.

Апологетические взгляды: распространённость в японском обществе

Таким образом, все ключевые парламентские партии заняли в общем и целом антироссийскую позицию по вопросу об украинском кризисе. И всё же было бы некорректно утверждать, что японское общество и японские политические круги абсолютно монолитны в этом вопросе.

В ноябре 2022 г. Мори Ёсиро, премьер-министр Японии в 2000–2001 гг., уделявший большое внимание отношениям с Россией и в период пребывания на должности главы правительства и после ухода в отставку, заявил, что, по его мнению, вина за развязывание конфликта на Украине лежит в том числе и на президенте Украины Владимире Зеленском, и раскритиковал японские СМИ за однобокую подачу информации о конфликте²⁴. Это заявление было сделано в присутствии другого японского политика, традиционно считающегося близким к России – Судзуки Мунэо.

Самого М. Судзуки можно очень условно рассматривать как одного из представителей «пророссийского» лобби, или, во всяком случае, как политика, имеющего тесные связи с российской стороной. Назвать его позицию полностью апологетической по отношению к действиям России сложно. Однако, в отличие от подавляющей части японского политического мира, он высказывает гораздо более нюансированные взгляды на причины и предпосылки конфликта, и вспоминая в своих выступлениях об обстрелах Донбасса украинскими властями, и говоря о том, что «США, предоставляя оружие и деньги [украинской стороне], только затягивают конфликт»²⁵.

²³ Росиа ни ёру Укураина синряку о хинан суру кэцуги о сайтаку [Принятие резолюции об осуждении агрессии России в отношении Украины]. Официальный сайт ЛДП. 02.03.2022. <https://www.jimin.jp/news/information/202879.html>

²⁴ Ex-Japan PM harsh on Zelenskyu over war in Ukraine. Kyodo News. 19.11.2022. <https://english.kyodonews.net/news/2022/11/d84dcf59dc65-refiling-ex-japan-pm-harsh-on-zelenskyu-over-war-in-ukraine.html>

²⁵ Тэйсэн но «хасиватаси» косо Нихон но якувари. Судзуки Мунэо си ни Укураина кики ни кiku [Роль Японии может быть именно в том, чтобы стать посредником для прекращения огня. Что Судзуки Мунэо сказал об украинском кризисе]. Jiji.com. 11.11.2022. <https://www.jiji.com/jc/v8?id=20221111seikaiweb>

Говорить о том, что какие-либо влиятельные политические или общественные силы в Японии готовы занять хотя бы нейтральную позицию, не приходится. Однако это не значит, что таких сил нет вообще. Весьма неожиданный пример апологетов российской позиции представляет собой Партия реализации счастья – политическое крыло религиозной организации «Наука счастья» (*Ко:фуку но кагаку*). Эта религиозная организация была основана в 1986 г. бывшим корпоративным служащим Окава Рюхо и придерживается весьма экстравагантных взглядов. Так, её члены почитают верховное божество Эль Кантаре, которое, как они считают, было известно в различные эпохи как Элохим, Один, Тот, Осирис, Гермес и Будда Шакьямуни, а также верят, что их лидер Окава Рюхо является реинкарнацией этого божества. Учитывая весьма настороженное отношение большинства японцев к организованной религии вообще и подобным «Науке счастья» «новым религиям» в частности, можно утверждать, что столь оригинальная доктрина и продвигающая её организация вряд ли могут снискать широкую популярность в японском обществе. Тем не менее, организация обладает значительными финансовыми ресурсами, занимается активным прозелитизмом и, как уже упоминалось, поддерживает собственную политическую партию консервативного толка, которая, впрочем, не имеет представительства в парламенте и смогла завоевать лишь несколько десятков депутатских мандатов в местных законодательных собраниях по всей Японии.

Как бы то ни было, в своём официальном заявлении²⁶ от 12 марта 2022 г. Партия реализации счастья подчеркнула, что война была спровоцирована стремлением Украины вступить в ЕС и НАТО и что эскалация конфликта может привести к «мировой войне», и призвала Украину пересмотреть свой политический курс и стать нейтральным государством. Более того, Партия реализации счастья, традиционно занимающая откровенно враждебную позицию по отношению к Китаю и Северной Корее, подчеркнула, что «истинной угрозой является не Россия, а Китай» и что дружеские отношения с Россией в интересах Японии, причём аргументируется это тем, что Россия и Китай – принципиально разные страны, так как «президент Путин – верующий человек, возродивший Русскую православную церковь, а Китай – бездуховное материалистическое государство, без колебаний проводящее политику жестокого подавления прав человека».

Заключение

Специфика внешнеполитического процесса в Японии означает, что на курс Токио на международной арене оказывает влияние множество факторов внутривнутриполитического характера – расклад сил внутри правящей партии, мнение оппозиционных сил, общественное мнение. Говорить о том, что внешняя политика Японии целиком зависит от Вашингтона, нельзя, даже если военно-политический союз с США и остаётся основой японской дипломатии.

То, что официальный Токио практически сразу же занял антироссийскую позицию, обусловлено, таким образом, не только и, возможно, даже не столько солидарностью с США (этот фактор не следует сбрасывать со счетов, но даже в этом случае речь идёт не столько о прямом диктате, сколько о совпадении идеологических и ценностных установок японских и

²⁶ «Сэкай тайсэн» о фусэгу тамэ Укураина но тю:рицу ка [Призываем к нейтрализации Украины ради предотвращения «мировой войны»]. Партия реализации счастья. 12.03.2022. <https://info.hr-party.jp/2022/12508/>

американских лидеров), но и тем, что практически все значимые акторы внутренней политики разделяют эту позицию. Даже крайне немногочисленные представители политического мира, традиционно считающиеся «пророссийскими» (как, например, Судзуки Мунэо) лишь критикуют односторонность японских СМИ и подчёркивают, что причины конфликта сложнее, чем кажутся на первый взгляд. Что же касается пророссийской позиции уже упомянутой Партии реализации счастья, то, учитывая весьма неоднозначную репутацию этой организации в японском обществе, её можно считать скорее политическим курьёзом, нежели примером по-настоящему существующего в Японии полноценного «пророссийского лобби».

Вместе с тем, несмотря на общий для всех политических сил критический по отношению к действиям России настрой, их позиции не абсолютно идентичны. В риторике каждой из партий отражены особенности их собственной политической идеологии и позиционирования на политической арене. Так, правящая ЛДП подчёркивает солидарность с США, Комэйто делает акцент на гуманитарных вопросах и роли ООН, Партия обновления Японии воспользовалась случаем, чтобы раскритиковать правительство за нерешительность и в очередной раз подчеркнуть необходимость более активной военной политики, а левопопулистская Рэйва синсэнгуми даже отказалась поддержать соответствующую парламентскую резолюцию, чтобы продемонстрировать избирателям принципиальность и непреклонность своих убеждений.

В конечном счёте, главным приоритетом для японских политических сил остаётся именно внутренняя политика, т.е. на их внешнеполитические позиции сильный отпечаток накладывает внутривнутриполитический дискурс. Тем не менее, в условиях, когда по конкретному вопросу существует фактический консенсус, эти нюансы не играют принципиальной роли, и можно быть уверенным, что в любой возможной внутривнутриполитической ситуации курс Токио на международной арене останется неизменным. Это та реальность, с которой необходимо считаться российской дипломатии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арутюнян Е.В.* Политика Японии в регионе Персидского залива в период ирано-иракской войны и ирако-кувейтского конфликта // Ежегодник Японии. 2015. Т. 44. С. 57–64.
- Казаков О.И.* Перекрёстный год России и Японии (2018–2019): достижения и неудачи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 83–97.
- Казаков О.И.* О новых тенденциях в российско-японских отношениях // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 3. С. 26–36.
- Кистанов В.О.* Россия и Япония: актуальные проблемы отношений // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 7–26.
- Молодякова Э.В.* (отв. ред.). Внешняя политика Японии. История и современность: Учебное пособие. Москва: Восточная литература. 2008.
- Нелидов В.В.* Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 65–82.
- Нелидов В.В.* Новая неопределённость в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136.
- Нелидов В.В.* 2022а. «Порочный круг» российско-японских отношений: сдерживающие факторы и перспективы улучшения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 1. С. 39–52.

- Нелидов В.В. 2022b. Внешнеполитический процесс в послевоенной Японии. Москва: Институт востоковедения РАН. 2022.
- Панов А.Н. 1988. Японская дипломатическая служба Москва: Международные отношения. 1988.
- Панов А. Н., Стрельцов Д.В., Киреева А.А., Нелидов В.В. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе. Москва: Российский совет по международным делам. 2019.
- Стрельцов Д.В. Внешнеполитический процесс в современной Японии // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 1 (10). С. 245–256.
- Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО Университета. 2020. Т. 13. № 3. С. 68–85.
- Стрельцов Д.В. Российское направление политики Японии в Арктике // Японские исследования. 2021. № 2. С. 110–126.
- Стрельцов Д.В. 2022а. Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // Японские исследования. 2022. № 2. С. 120–133.
- Стрельцов Д.В. (ред.). 2022b. Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседами. Москва: Аспект Пресс. 2022.

REFERENCES

- Arutyunyan, E. (2015). Politika Yaponii v regione Persidskogo zaliva v period irano-irakskoi voiny i irako-kuveitskogo konflikta [Japan's Policy in the Persian Gulf Region in the Period of the Iran-Iraq War and the Iraq-Kuwait Conflict]. *Yearbook Japan*, 44, 57–64. (In Russian).
- Kazakov, O. (2019). Perekrestnyi god Rossii i Yaponii (2018-2019): dostizheniya i neudachi [Cross-Year of Russia and Japan (2018–2019): Achievements and Failures]. *East Asia: Facts and Analytics*, 2, 83–97. (In Russian).
- Kazakov, O. (2021). O novykh tendentsiyakh v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh [On the New Trends in the Russian-Japanese Relations]. *East Asia: Facts and Analytics*, 3, 26–36. (In Russian).
- Kistanov, V. (2017). Rossiya i Yaponiya: aktual'nye problemy otnoshenii [Russia and Japan: Current Problems of Relations]. *Aktual'nye problemy sovremennoi Yaponii* [Current Problems of Contemporary Japan], 31, 7–26. (In Russian).
- Molodyakova, E. (ed.). (2008). *Vneshnyaya politika Yaponii. Istoriya i sovremennost': Uchebnoe posobie* [Foreign Policy of Japan. History and Contemporary Period: Teaching Material]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Nelidov, V. (2019). Rossiisko-yaponskie dvustoronnie otnosheniya: predely sblizheniya [Russian-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement]. *East Asia: Facts and Analytics*, 2, 65–82. (In Russian).
- Nelidov, V. (2020). Novaya neopredelennost' v rossiisko-yaponskikh otnosheniyakh [New Uncertainty in Russo-Japanese Relations]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 119–136. (In Russian).
- Nelidov, V. (2022a). “Porochnyi krug” rossiisko-yaponskikh otnoshenii: sderzhivayushchie faktory i perspektivy uluchsheniya [“Vicious Circle” of Russian-Japanese Relations: Constraining Factors and Prospects for Improvement]. *East Asia: Facts and Analytics*, 1, 39–52. (In Russian).
- Nelidov, V. (2022b). *Vneshnepoliticheskii protsess v poslevoennoi Yaponii* [Foreign Policy Process in Postwar Japan]. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS. (In Russian).
- Panov, A. (1988). *Yaponskaya diplomaticheskaya sluzhba* [Japanese Diplomatic Service]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Panov, A., Streltsov, D., Kireeva, A., Nelidov, V. (2019). *Perspektivy razvitiya rossiisko-yaponskikh otnoshenii na novom etape* [The Prospects of Development of Russian-Japanese Relations in the New Era]. Moscow: Russian International Affairs Council. (In Russian).
- Streltsov, D. (2010). Vneshnepoliticheskii protsess v sovremennoi Yaponii [Foreign Policy Process in Contemporary Japan]. *MGIMO Review of International Relations*, 1 (10), 245–256. (In Russian).

- Streltsov, D. (2021). Rossiiskoe napravlenie politiki Yaponii v Arktike [The Russian vector of Japan's policy in the Arctic]. *Japanese Studies in Russia*, 2, 110–126. (In Russian).
- Streltsov, D. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: dolgosrochnye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors]. *MGIMO Review of International Relations*, 13 (3), 68–85. (In Russian).
- Streltsov, D. (2022a) Rossiisko-yaponskie otnosheniya posle Abe: novyi stress-test? [Russian-Japanese relations after Abe: A new stress test?]. *Japanese Studies in Russia*, 2, 120–133. (In Russian).
- Streltsov, D. (ed). (2022b). *Problemy istoricheskogo proshlogo v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosednyami* [Problems of Historical Past in Japan's Relations With Neighboring Countries]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian).

* * *

- Togo, K. (2005). *Japan's Foreign Policy, 1945-2003. The Quest for a Proactive Policy*. 2nd edition. Leiden, Boston: Brill.
- Hook, G. et al. (2012). *Japan's International Relations*. 3rd edition. New York: Routledge.

Поступила в редакцию:	05.12.2022	Received:	5 December 2022
Принята к публикации:	12.12.2022	Accepted:	12 December 2022

DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Путешествие во времени
Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова
«Япония. В погоне за ветром столетий»

Е.Б. Сахарова

Аннотация. Статья посвящена обзору сборника статей А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» (Москва: «Лингвистика», 2022, 512 с. ISBN 978-5-91922-098-5). Хронологический и тематический охват статей необычайно широк, многие явления и феномены японской истории и культуры рассматриваются на протяжении нескольких/или многих столетий, и предстают поэтому выпукло, во всем своем многообразии и изменчивости. При этом судьбы отдельных людей не теряются на фоне масштабных историко-культурных перемен, их голоса автор бережно доносит до читателя. Всё это делает чтение сборника настоящим путешествием во времени.

Ключевые слова: древняя и средневековая Япония, историческая демография, восприятие Японии в СССР и России, средневековые японские сады, период Мэйдзи, период Токугава, проблемы национальной идентичности, японский тоталитаризм.

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (адрес: 106066 Старая Басманная ул., д. 21/4, стр. 3, каб. Л-212).

E-mail: esakharova@hse.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сахарова Е.Б. Путешествие во времени. Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» // Японские исследования. 2022. № 4. С. 123–129. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Journey in time
Review of the book “Japan. Chasing the Wind of Centuries”
by Alexander N. Mescheryakov

E.B. Sakharova

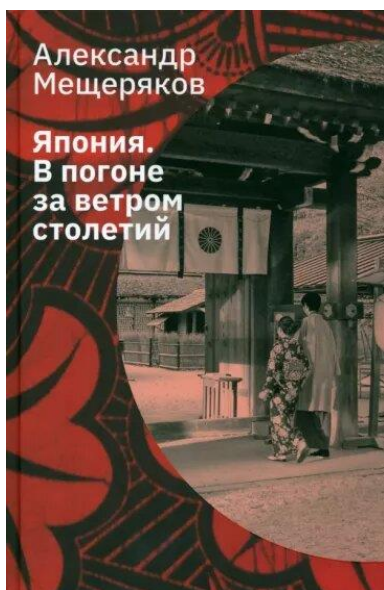
Abstract. The article reviews the book by Alexander Mescheryakov “Japan. Chasing the Wind of centuries” (Moscow: Lingvistika, 2022, 512 p. ISBN 978-5-91922-098-5). The monograph is a collection of the author’s recent articles. The range of topics and the chronological coverage are extraordinarily wide, with many phenomena of Japanese history and culture considered throughout centuries and portrayed in enormous

diversity and variability. At the same time, the fates of individual people are not lost in the context of large-scale historical and cultural changes, and the author carefully brings us their voices. This makes the book a real journey in time.

Keywords: ancient and medieval Japan, historical demography, perception of Japan in the USSR and Russia, medieval Japanese gardens, Tokugawa period, Meiji period, totalitarianism in Japan, problems of national identity.

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sakharova E.B. (2022). Puteshestviye vo vremeni. Retsenziya na knigu A.N. Meshcheryakova «Yaponiya. V pogone za vetrom stoletiy» [Journey in time. Review of the book “Japan. Chasing the Wind of Centuries” by Alexander N. Meshcheryakov]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2022, 4, 123–129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Этот сборник¹ непосвященный легко принял бы за коллективный труд, столь широк хронологический и тематический охват научных статей о Японии, представленных в нём. От древности до XX столетия, от осмысления природы и садового искусства в традиционной Японии до всемирных выставок и олимпиад в контексте национальной идентичности. Собранные под одной обложкой исследования последнего десятилетия уже публиковались, но многие в редких и/или малотиражных изданиях, и потому остались неизвестными широкому кругу читателей.

Книга построена следующим образом – открывается авторским предисловием, все статьи распределены по четырём разделам – Земля, Люди, Идеи и Отражения. Завершает книгу список библиографии и список литературы.

Чтение сборника – настоящее путешествие во времени. Ветер разных эпох надувает паруса, и читатель не только воочию видит, как изменчива культура, но также и как устойчивы её несущие конструкции. Научная новизна и ясное, живое и художественное изложение делают его интересным как специалистам, так и всем интересующимся японской историей и культурой.

Люди, жившие на японской земле на протяжении почти полутора тысяч лет, не теряются в общем историко-культурном контексте, всегда, однако, учтённом и чётко прописанном в статьях, а оживают со своими достоинствами и недостатками; автор пристально вглядывается в них, даёт им высказаться, вступает в диалог и бережно доносит до читателя их голоса, контекст, детали и превратности их жизни.

Вот как сам Александр Николаевич Мещеряков определяет задачи историка в предисловии к книге:

«Историк ничего не изобретает, его предназначение состоит в том, чтобы сохранить память о прошлом. <...> Историк – это тот же самый реаниматолог. Его знание воскрешает людей из тьмы веков, даёт им новую жизнь, выводит на свет» (с. 9).

¹ Это не первый сборник статей А.Н. Мещерякова разных лет. См. [Мещеряков 2010].

Вглядываясь в минувшие события, автор находит место и для улыбки, и для изумления, и для горечи. Читатель же, благодаря многолетним трудам и «странствиям» автора, волен – пусть и ненадолго – оседлать ветер прошлого, увидеть стремительную и зачастую зловещую поступь истории, понять и чувствовать, каково жилось тогдашним японцам.

Итак, ниже приводим краткий обзор-путеводитель по сборнику.

«Земля». В разделе рассматривается осмысление в древней Японии природных катастроф, описывается эволюция представлений о море в японской культуре, анализируется по каким принципам, как и с какими целями устраивались сады в средневековой Японии, рассказывается об истоках солярной символики в древности и средние века, а также о том, почему эта символика не утратила своей актуальности и по сей день, что нашло отчётливое отражение в японском национальном флаге и в самоназвании страны.

На летописном материале показано, что японские императоры считали себя ответственными за стихийные бедствия сами по себе, а не только за устранение их последствий. У уходящей корнями в китайские философско-политические представления модели была и обратная сторона, поскольку японскому императору предписывалось соблюдение «ритуальной чистоты», в его отношении действовало множество запретов и табу, существенно осложнявших функционирование придворной жизни. В следующей статье анализируется как менялось восприятие природных катаклизмов в эпоху Хэйан. Бедствия (и их последствия) многократно гиперболизировались, «благодаря» вере в близкий конец буддийского Закона и центробежным тенденциям в системе государственного управления.

Представления о море в японской культуре, рассмотренные за период с древности и до середины XX в., оказались так же изменчивы, как и сама морская стихия, проделав путь от восприятия его как очистительной и креационной стихии до моря разделяющего, неконтролируемого и низменного, в силу чего и социальные страты, связанные с морем (например, рыбаки), обладали более низким статусом в социальной иерархии. В эпоху Токугава, однако, море получает положительные коннотации в японской культуре, теперь оно воспринимается как защита от чужеземных вторжений. Коренная ломка прежних геополитических моделей в период Мэйдзи порождает и переосмысление моря, теперь воспринимающегося как соединяющая стихия, а развитие мореплавания впервые (!) становится делом государственной важности. Агрессивная экспансионистская политика конца XIX – первой половины XX вв. также способствовала формированию положительных характеристик, приписываемых морю. Тем не менее, нынешняя Япония, похоже, вернулась к более традиционным представлениям о море.

Анализ столь актуальной для Японии солярной символики также проделан на обширном источниковедческом материале за период с древности до эпохи Токугава включительно. О том, насколько важна и укоренена была эта тема в японской культуре, свидетельствует такой парадоксальный случай. Один из самых активных традиционалистов эпохи Токугава Хирата Ацутанэ (1776–1843) охотно принял гелиоцентрическую систему Коперника, ведь, с его точки зрения, она подтверждала центральное положение богини Солнца (Аматэрасу), верховного божества и прародителя императорского рода (с. 83).

Две статьи посвящены японским садам. Здесь автор выходит далеко за рамки чисто эстетического подхода и с опорой на исторические источники убедительно показывает, что изначально эстетическая составляющая вовсе не была ведущей, а также рассматривает

конкретные примеры амидаистских садов, соотношение влияния буддизма и более ранних представлений на принципы их устройства. Уделяется внимание изучению оборонительных, оберегающих хозяина функций сада.

«Люди». В трёх статьях раздела через историческую призму рассматриваются проблемы демографии с эпохи Токугава до послевоенного времени. Автор отмечает, что японский материал не укладывается в классические европейские демографические модели, описывающие переход от традиционного общества к современному, и уделяет особое внимание недооцененному в историографии влиянию идеологии на демографические процессы. Так, метафора государства как семьи во главе с императором и провозглашение именно семьи основой государства имели далеко идущие демографические последствия. А всё большая милитаризация японских властных структур в 1930-е гг. привела к блокированию инициатив по внедрению контроля рождаемости: страна остро нуждалась в людских ресурсах для осуществления масштабных геополитических проектов. В послевоенное время власти (оккупационные и собственно японские) начинают ратовать за снижение рождаемости и внедрение планирования семьи. Благодаря такому новаторскому подходу становятся понятнее колоссальные социально-экономические последствия и мировоззренческие сдвиги, произошедшие в результате той или иной демографической политики властей как на уровне отдельно взятой семьи, так и в масштабах всего общества.

В ещё одной статье этого раздела прослежены изменения традиционного идеала женской красоты в период Мэйдзи, когда европейские ценности потеснили привычные японские стандарты. Разумеется, процесс не был линейным, и многие японские мужчины тосковали по прежним идеалам. Также представлены результаты сопоставительного анализа образа «героя» в СССР и Японии в годы Второй мировой войны: выделяются основные параметры для сопоставления (национальность, возраст, социальный состав, родители героя, совершённый подвиг) и соответственно типичные характеристики героев. Разумеется, в чём-то японский и советский «герой» сходны, но есть и важные отличия. Например, безродность или сиротский статус/неполная семья, характерны для советского героя, в то время как японские герои всегда выходцы из полной семьи. В статье об основателе японской этнологии – Янагита Кунио (1875–1962) анализируется как личность и сложный, неуживчивый и авторитарный характер определяли научную деятельность этого учёного и влияли на созданные им концепции и идеи, заставляли его почти всегда идти против течения. Автор даёт живой без ретуши портрет Янагита – человека сильного и независимого, но неуживчивого; исследователя-новатора, который, однако, органически не мог удерживаться в строго научных рамках.

«Идеи». Открывает раздел статья о концепции «души слова», наибольшее внимание уделено тому, какие именно тексты в древности считались наделёнными «душой слова». Это позволяет увидеть, как менялась трактовка этой концепции – от представления, что «душой слова» обладают сакральные тексты на японском языке и вплоть до признания японского языка лучшим в мире в эпоху японского тоталитаризма XX в. В статье об известном конфуцианце Нисикава Дзёкэн (1648–1724), принадлежавшем к купеческому сословию, рассматриваются взгляды этого учёного на буддистов, в значительной мере утративших влияние в эпоху Токугава. Данная Нисикава оценка демонстрирует гораздо более терпимое и

мягкое отношение к буддизму и его адептам в Японии эпохи Токугава, чем можно было бы ожидать. В этом отношении японская ситуация существенно отличается от китайской и корейской.

Из статьи об автобиографии Фукудзава Юкити (1834–1901) читатель узнает, когда в Японии появился жанр автобиографии и как Фукудзава конструировал свой имидж. Автор отмечает, насколько не соответствует действительности расхожий образ Фукудзава (изображение которого помещено на современной купюре номиналом в десять тысяч иен) как гуманиста и просветителя. Кроме того, анализируются попытки конструирования идеализированного «японского характера» в конце XIX – начале XX в.: в центре внимания эссе филолога Хага Яити (1867–1927) «Десять этюдов о национальном характере», однако оно вписано в гораздо более широкий контекст благодаря сопоставлению с более ранними публицистическими высказываниями на данную тему.

Ещё одна статья посвящена тому, как в контексте поисков национальной идентичности физик Тэрада Торахико (1878–1935) осмысляет японскую природу и особенности взаимодействия японцев с ней. Хотя Тэрада был успешным учёным в своей области, в его размышлениях научная картина мира представлена слабо, верх берёт иррациональное и эмоциональное прославление уникальности японцев, по преимуществу за счёт сравнения с другими народами и расами, разумеется, не в пользу последних. Ещё ярче эмоциональный накал, а временами – угар, представлены в статье об эмоциональных трансформациях японцев во второй половине XIX в. – 1945 г. На материале как литературных, так и публицистических и документальных источников рассматривается эмоциональная картина мира японцев, и здесь также основным трендом становится всё большая утрата рационального, критического начала. В двух, безусловно, связанных между собой статьях освещается история токийских олимпиад 1940 и 1964 гг. и особенности устройства Всемирной выставки 1970 г. в Осаке. Хотя олимпиада 1940 г. в итоге не состоялась, процесс подготовки к ней вёлся очень активно и выявил серьёзный культурный диссонанс между японским и международным олимпийскими комитетами. Например, развернулась широкая дискуссия о маршруте олимпийского огня. Японская сторона предлагала зажечь его не в Афинах, а на о. Кюсю, поскольку именно туда, согласно мифу, спустился с Неба потомок богини солнца Аматаэрасу – Ниниги. Также предполагалось зажечь огонь и в святилище Исэ, посвящённом этой богине. В 1964 г. в силу принципиально иной и внутренней, и международной ситуации этот и многие другие вопросы решались уже в ином ключе. Во время проведения всемирной выставки в Осаке мировоззренческие сдвиги играли не меньшую роль. С одной стороны, основным вектором была устремленность в прекрасное будущее, с другой – огромную роль играла этнология, представленная как реальными артефактами народного искусства, так и поэтизированными конструктами, среди которых одно из центральных мест занимала соляная символика, восходящая всё к той же богине Аматаэрасу, но лишённая агрессивного начала.

«Отражения». Раздел посвящён восприятию Японии в России и СССР. Открывает его статья о восприятии хэйанской литературы в СССР и России, то есть с 10-х – 20-х гг. XX в. до нашего времени. Выясняется, что, как и отношение к жемчужине хэйанской литературы, «Повести о Гэндзи», претерпело в Японии существенные изменения – и в период Токугава

повесть даже была под запретом как аморальная, так и восприятие хэйанской литературы в России и СССР менялось под воздействием многих факторов.

Эволюционировали и оценки, данные Н.И. Конрадом (1891–1970), одним из зачинателей российского японоведения, революции Мэйдзи. Этой теме посвящена ещё одна статья. Следующая статья рассматривает гендерное восприятие Японии в России и СССР с конца XIX в. и до Второй мировой войны: японки и японцы воспринимались очень по-разному. Если женщины Японии на ранних этапах и позднее зачастую идеализировались, образ мужчины вообще и самураев, в частности, был гораздо менее однозначным.

Одна из статей рассматривает феномен идеализации образа Японии в позднесоветской картине мира, обозначенный автором как «страна для внутренней эмиграции». Удалённое островное положение и представление об уникальности японской культуры, а также крайне малое число прямых контактов между советскими людьми и японцами делали Японию удобным объектом идеализации. Поиски идеалов были закономерным процессом для позднесоветского периода, когда многие ценности размывались и деградировали, но в случае с Японией дело ограничивалось преимущественно утопическими представлениями. Явление япономании оказалось очень живучим, пусть и в других формах, оно продолжает сохраняться и в современной России. Мне, например, доводилось слышать от учителя одной из престижных московских гимназий такой вопрос: «А правда ли, что у японцев своя, совершенно уникальная и отличная от европейцев группа крови?».

Наконец, завершает сборник откровенное эссе-размышление об искусстве перевода. А.Н. Мещерякову доводилось переводить много разных текстов, это и древние, и средневековые японские тексты, и современная японская художественная литература, но готовых рецептов и методик перевода, по мнению автора, нет. Слишком много неизвестных таит встреча автора и переводчика, принадлежащих к разным культурам, а зачастую и к разным эпохам.

Большинство тем и явлений, затронутых в сборнике, рассмотрены с разных ракурсов, нередко на протяжении больших хронологических отрезков. Неудивительно, что многие из них вылились в монографические исследования. Читатели, которым путешествие придётся по душе и которых не оставляет тяга к странствиям в пространстве и времени, найдут выходные данные этих книг в помещенном в самом конце списке библиографии. Тема исторической демографии Японии более полно будет освещена в готовящейся к печати новой книге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Мещеряков А.Н.* Япония в объятиях пространства и времени. Москва: Наталис. 2010. 559 с.
Мещерякова А.Н. Япония. В погоне за ветром столетий. Москва: Лингвистика. 2022. 512 с.

REFERENCES

- Mescheryakov, A.N. (2010). *Yaponiya. V ob'yat'yah prostranstva i vremeni* [Japan. In the Embrace of Space and Time]. Moscow: Natalis. (In Russian). ISBN 978-5-8062-0316-9
- Mescheryakov, A.N. (2022). *Yaponiya. V pogone za vetrom stoletii* [Japan. Chasing the Wind of Centuries]. Moscow: Lingvistika. (In Russian). ISBN 978-5-91922-098-5

Поступила в редакцию: 18.09.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Received: 18 September 2022

Accepted: 20 October 2022

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2022 год

Авдюшенкова И.В. Почитание предков в современной Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 90–107. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Белов А.В. Социологические аспекты токийской Олимпиады // Японские исследования. 2022. № 2. С. 67–79. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-67-79

Борькина А.Ю. Исчезновение как способ существования: примирение с утратой и парадоксы человеческой памяти в произведениях Огава Ё:ко и Каваками Хироми // Японские исследования. 2022. № 2. С. 108–119. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-108-119

Бушуева А.С. Японо-иранские отношения в послевоенный период: «ближневосточная дилемма» для Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 6–19. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Гончар В.В., Поволоцкий В.Д. Японские медицинские практики в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) // Японские исследования. 2022. № 3. С. 39–49. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49

Долин А.А. Проблема социального отчуждения в японском обществе XXI века // Японские исследования. 2022. № 1. С. 6–19. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Ипеева А.А. Образ Японии в советской карикатуре в период японского вторжения в Манчжурию в начале 1930-х гг. (по материалам газеты «Советская Сибирь») // Японские исследования. 2022. № 1. С. 20–37. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-20-37

Киктева М.М. Китай и китайское в энциклопедиях жанра *эцуё:сю*: на примере энциклопедии «Собрание полезных сведений для горожан» (*Токай эцуё: хяккацу:*, Осака, 1801) // Японские исследования. 2022. № 3. С. 50–68. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-50-68

Кужель Ю.Л., Бреславец Т.И. Художественные особенности пьедесталов, нимбов, мандорл японских буддийских скульптур // Японские исследования. 2022. № 3. С. 6–22. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-6-22

Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Современный взгляд на Японию из Владивостока (по результатам опроса 2021 года) // Японские исследования. 2022. № 1. С. 95–114. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114

Лебедева И.П. Япония: особенности социальной стратификации // Японские исследования. 2022. № 1. С. 115–136. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-115-136

Лугавцова А.П. Портретная живопись дзэнской школы О:баку как часть традиции буддийского искусства *тиндзо*: // Японские исследования. 2022. № 3. С. 23–38. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-23-38

Лузянин С.Г. Российско-японские отношения и китайский фактор: эволюция и трансформация (2012–2022 гг.) // Японские исследования. 2022. № 4. С. 75–89. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89

Лущенко А.Ю. Перевод «Свода правил [для] учеников школы тэракоя» Сасаяма Байан (конец XVII века) // Японские исследования. 2022. № 2. С. 6–27. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-6-27

Мещеряков А.Н. Японская эмиграция: от революции Мэйдзи до Второй мировой войны (практический и эмоциональный контекст) // Японские исследования. 2022. № 1. С. 78–94. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-78-94

Минакир П.А., Мазитова М.Г. Российско-японские торгово-экономические связи: сложная история и туманные перспективы // Японские исследования. 2022. № 3. С. 84–104. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-84-104

Нелидов В.В. Украинский кризис во внутривосточном дискурсе Японии // Японские исследования. 2022. № 4. С. 108–122. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122

Панов А.Н. Опыт прочтения японской культуры. Рецензия на монографию Н.Н. Изотовой «Коды японской культуры» под ред. проф. Т.М. Гуревич // Японские исследования. 2022. № 1. С. 137–141. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-137-141

Панов А.Н., Нелидов В.В., Стрельцов Д.В., Швыдко В.Г., Белов А.В., Лебедева И.П., Чугров С.В. Круглый стол «Наследие кабинетов Синдзо Абэ: политика, экономика, дипломатия» // Японские исследования. 2022. № 3. С. 105–130. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

Пестушко Ю.С. К истокам своеобразия айнской культуры. Рецензия на коллективную монографию «Новые источники по истории и культуре айнов» // Японские исследования. 2022. № 3. С. 131–143. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-131-143

Сахарова Е.Б. Путешествие во времени. Рецензия на книгу А.Н. Мещерякова «Япония. В погоне за ветром столетий» // Японские исследования. 2022. № 4. С. 123–129. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Сковоронских М.В. The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature [Поэзия Фудзивара Сэйка на литературном китайском языке и его место в истории литературы на *камбуне* раннего нового времени] // Японские исследования. 2022. № 4. С. 20–37. (На англ.). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-20-37

Сморгунов Л.В., Игнатъева О.А. Восприятие Японии в российском общественном сознании // Японские исследования. 2022. № 4. С. 56–74. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения после Абэ: новый стресс-тест? // Японские исследования. 2022. № 2. С. 120–133. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-120-133

Тимонина И.Л. Социально-экономические факторы изменения потребительского поведения и стратегии торговых компаний Японии // Японские исследования. 2022. № 2. С. 48–66. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-48-66

Торопыгина М.В. К истории японской книги: два иллюстрированных ксилографических издания сочинения поэта Тонъя (1289–1372) «Сэйасэ:» («Записки лягушки из колодца») // Японские исследования. 2022. № 2. С. 28–47. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-28-47

Тюленев И.А. Режим Кэмму в европейской и американской историографии // Японские исследования. 2022. № 1. С. 38–62. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-38-62

Хронополо Л.Ю. Влияние микропрозы Фредрика У. Брауна на сверхкороткие рассказы Хоси Синъити и Акагава Дзиро // Японские исследования. 2022. № 2. С. 95–107. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-95-107

Чекункова Е.С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов // Японские исследования. 2022. № 3. С. 69–83. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83

Чижевская М.П. О роли США в японо-европейских отношениях: актуальна ли концепция трилатерализма? // Японские исследования. 2022. № 2. С. 80–94. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-80-94

Шапошников С.В., Садои Ю. Трансформация менеджмента, деловой культуры и стиля работы японских компаний // Японские исследования. 2022. № 1. С. 63–77. DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-63-77

Щепкин В.В. Российская колония на Урупэ (1795–1805) и её влияние на политику Японии в отношении айнов южных Курил // Японские исследования. 2022. № 4. С. 38–55. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2022

Avdiushenkova I.V. (2022). Pochitaniye predkov v sovremennoy Yaponii [Ancestor worship in contemporary Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 90–107. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-90-107

Belov A.V. (2022). Sotsiologicheskiye aspekty tokiyskoy Olimpiady [Sociological aspects of Tokyo Olympics]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 2, 67–79. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-67-79

Borkina A.Yu. (2022). Ischeznoveniye kak sposob sushchestvovaniya: primireniye s utratoy i paradoksy chelovecheskoy pamyati v proizvedeniyakh Ogava Yōko i Kavakami Khiromi [The disappearance as a way of living: Reconciliation with the loss and the paradoxes of human memory in the works of Ogawa Yōko and Kawakami Hiromi]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 2, 108–119. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-108-119

Bushueva A.S. (2022). Yaponno-iranskiye otnosheniya v poslevoyenny period: «blizhnvestochnaya dilemma» dlya Yaponii [Japan-Iran relations in the post-war era: The Middle Eastern dilemma for Japan]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 6–19. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-6-19

Chekunkova E.S. (2022). Novoye yaponskoye zakonodatel'stvo v otnoshenii aynov: problema sootvetstviya mezhdunarodnym standartam v sfere prav korennykh narodov [Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 69–83. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83

Chizhevskaya M.P. (2022). O roli SShA v yaponno-evropeyskikh otnosheniyakh: aktual'na li kontseptsiya trilateralizma? [On the role of the US in EU-Japan relations: Is trilateralism still on agenda?]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 2, 80–94. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-80-94

Dolin A.A. (2022). Problema sotsial'nogo otchuzhdeniya v yaponskom obshchestve XXI veka [Problem of social alienation in the 21st century Japanese society]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 6–19. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-6-19

Gonchar V.V., Povolotsky V.D. (2022). Yaponskiye meditsinskiye praktiki v Priamurskom general-gubernatorstve (1884–1917 gg.) [Japanese medical practices in the Amur Governorate-General (1884–1917)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 39–49. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-39-49

Ipeeva A.A. (2022). Obraz Yaponii v sovetskoy karikature v period yaponskogo vtorzheniya v Manchzhuriyu v nachale 1930-kh gg. (po materialam gazety «Sovetskaya Sibir'») [The image of

Japan in the Soviet caricature during the Japanese invasion of Manchuria in the early 1930s (based on the materials of the “Soviet Siberia” newspaper)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 20–37. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-20-37

Khronopulo L.Yu. (2022). Vliyaniye mikroprozy Fredrika U. Brauna na sverkhkorotkiye rasskazy Khosi Sin’iti i Akagava Dziro [The influence of Fredric W. Brown’s micro fiction on Hoshi Shin’ichi’s and Akagawa Jirō’s short-short stories]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 2, 95–107. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-95-107

Kikteva M.M. (2022). Kitai i kitaiskoye v entsiklopediyakh zhanra *setsuyōshū* na primere entsiklopedii «Sobraniye poleznykh svedenii dlya gorozhan» (*Tokai setsuyō hyakkatsū*, Osaka, 1801) [The image of China and Chinese in *setsuyōshū*. Case study of “The Complete Compendium of Urban Knowledge” (*Tokai setsuyō hyakkatsū*, Osaka, 1801)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 50–68. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-50-68

Kuzhel Yu.L., Breslavets T.I. (2022). Khudozhestvennyye osobennosti p’yedestalov, nimbov, mandorl yaponskikh buddiyskikh skul’ptur [Artistic features of pedestals, halos, mandorlas of Japanese Buddhist sculptures]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 6–22. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-6-22

Larin V.L., Larina L.L. (2022). Sovremennyy vzglyad na Yaponiyu iz Vladivostoka (po rezul’tatam oprosa 2021 goda) [Modern perception of Japan by Vladivostok citizens (based on a 2021 survey)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 95–114. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-95-114

Lebedeva I.P. (2022). Yaponiya: osobennosti sotsial’noy stratifikatsii [Japan: peculiarities of social stratification]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 115–136. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-115-136

Lugavtsova A.P. (2022). Portretnaya zhivopis’ dzenskoy shkoly Ōbaku kak chast’ traditsii buddiyskogo iskusstva *chinzō* [Ōbaku Zen portrait painting as part of the *chinzō* tradition of Buddhist art]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 23–38. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-23-38

Lushchenko A.Yu. (2022). Perevod «Svoda pravil [dlya] uchenikov shkoly terakoya» Sasayama Bayana (konets XVII veka) [“The Rules for Terakoya School Disciples” by Sasayama Baian (late 17th century): Japanese text and Russian translation]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 2, 6–27. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-6-27

Luzyanin S.G. (2022). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya i kitayskiy faktor: evolyutsiya i transformatsiya (2012–2022 gg.) [Russian-Japanese relations and the Chinese factor: Evolution and transformation (2012–2022)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 75–89. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-75-89

Meshcheryakov A.N. (2022). Yaponskaya emigratsiya: ot revolyutsii Meydzi do Vtoroy mirovoy voyny (prakticheskiy i emotsional’nyy kontekst) [Japanese emigration: From the Meiji Revolution to World War II (practical and emotional context)]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 78–94. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-78-94

Minakir P.A., Mazitova M.G. (2022). Rossiysko-yaponskiye torgovo-ekonomicheskiye svyazi: slozhnaya istoriya i tumannyye perspektivy [Russian-Japan trade and economic relations: Complicated history and foggy prospects]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 84–104. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-84-104

Nelidov V.V. (2022). Ukrainskiy krizis vo vnutripoliticheskom diskurse Yaponii [Ukrainian crisis in Japan's domestic political discourse]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 108–122. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-108-122

Panov A.N. (2022). Opyt prochteniya yaponskoy kul'tury. Retsenziya na monografiyu N.N. Izotovoy «Kody yaponskoy kul'tury» pod red. prof. T.M. Gurevich [Experience of interpreting Japanese culture. Review of the monograph by N.N. Izotova “Codes of Japanese Culture” ed. by Prof. Gurevich T.M.]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 137–141. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-137-141

Panov A.N., Nelidov V.V., Streltsov D.V., Shvydko V.G., Belov A.V., Lebedeva I.P., Chugrov S.V. (2022). Kruglyy stol «Naslediye kabinetov Sindzo Ab-e: politika, ekonomika, diplomatiya» [Roundtable “The Legacy of Shinzo Abe Cabinets: Politics, Economics, Diplomacy”]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 105–130. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-105-130

Pestushko Yu.S. (2022). K istokam svoeobraziya aynskoy kul'tury. Retsenziya na kollektivnyu monografiyu «Novyye istochniki po istorii i kul'ture aynov» [To the origins of the originality of the Ainu culture. Review of the collective monograph “New Sources on the History and Culture of the Ainu”]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 3, 131–143. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-3-131-143

Sakharova E.B. (2022). Puteshestviye vo vremeni. Retsenziya na knigu A.N. Meshcheryakova «Yaponiya. V pogone za vetrom stoletiy» [Journey in time. Review of the book “Japan. Chasing the Wind of Centuries” by Alexander N. Mescheryakov]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 123–129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-123-129

Shaposhnikov S.V., Sadoi Yu. (2022). Transformatsiya menedzhmenta, delovoy kul'tury i stilya raboty yaponskikh kompaniy [The transformation of management, business culture, and work style in Japanese companies]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 1, 63–77. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-63-77

Shchepkin V.V. (2022). Rossiiskaia koloniya na Urupe (1795–1805) i ee vliianie na politiku Iaponii v otnoshenii aynov iuzhnykh Kuril [Russian Settlement on the Island of Urup (1795–1805) and its Influence on Japan's Policy towards Ainu from southern Kurils]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 38–55. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-38-55

Skovoronskikh M.V. (2022). The Sinitic poetry of Fujiwara Seika and his place in the history of early modern *kanbun* literature. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 20–37. DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-20-37

Smorgunov L.V., Ignatjeva O.A. (2022). Vospriyatiye Yaponii v rossiyskom obshchestvennom soznanii [The perception of Japan in the Russian public consciousness]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 4, 56–74. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-4-56-74

Streltsov D.V. (2022). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya posle Abe: novyy stress-test? [Russian-Japanese relations after Abe: A new stress test?]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2022, 2, 120–133. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-120-133

Timonina I.L. (2022). Sotsial'no-ekonomicheskiye faktory izmeneniya potrebitel'skogo povedeniya i strategii torgovykh kompaniy Yaponii [Socio-economic factors of changes in

consumer behavior and strategies of trading companies in Japan]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 48–66. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-48-66

Toropygina M.V. (2022). K istorii yaponskoy knigi: dva illyustrirovannykh ksilograficheskikh izdaniya sochineniya poeta Ton'a (1289–1372) «Seyasho» («Zapiski lyagushki iz kolodtsa») [On the history of the Japanese book: Two illustrated woodcut editions of the *Seiashō* (*Notes by a Frog from a Well*) by poet Tonna (1289–1372)]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 2, 28–47. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2022-2-28-47

Tyulenev I.A. (2022). Rezhim Kemmu v evropejskoj i amerikanskoj istoriografii [The Kenmu Regime in European and American historiography]. *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2022, 1, 38–62. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2022-1-38-62

Научное издание

Японские исследования

№ 4, 2022

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Редактор:	Е.М. Скворцова
Технический редактор:	О.И. Казаков

Дата публикации:	20.12.2022
------------------	------------

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.
Институт Китая и современной Азии РАН
E-mail: japanjournal@mail.ru

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

No. 4, 2022

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Editor:	E.M. Skvortsova
Layout:	O.I. Kazakov

Date of issue:	20 December 2022
----------------	------------------

Address: Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av.,
Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: japanjournal@mail.ru

www.japanjournal.ru

日
本
研
究